МИХАИЛ МАКАРОВ

ВЗЯВШИЕ МЕЧ

Михаил Юрьевич Макаров
Взявшие меч

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74659636
Взявшие меч:
ISBN 978-5-4492-1008-1

Аннотация

Масштабное историческое полотно рассказывает о Белом сопротивлении на Юге России в период с марта по июнь 1920 года. Остатки войск, эвакуированных в Крым, возродились из пепла подобно легендарному Фениксу. Под руководством генерала Врангеля армия предприняла отчаянную попытку отстоять честь национального знамени.

Помимо Крыма и Северной Таврии, география романа охватывает Константинополь, Египет и Париж. Наряду с реальными персоналиями, действуют острохарактерные герои, рождённые воображением автора. Богатейшая документальная основа мастерски переплавлена в живое художественное повествование.

Книга развивает сюжетные линии романов «Зона комфорта», «Точка невозврата» и «Лебединая песнь Добровольчества».

Содержание

1 часть	6
1	6
2	19
3	29
4	42
5	53
6	71
7	86
8	94
9	105
10	112
11	123
12	140
13	149
14	163
15	184
16	203
17	211
2 часть	219
1	219
2	231
3	241
4	254

5

Конец ознакомительного фрагмента.

Михаил Юрьевич Макаров

Взявшие меч

© М. Ю. Макаров, 2026
© Оформление ООО «КнигИздат», 2026

1 часть
Горькое похмелье

– Где лебеди? – А лебеди ушли.
– А во́роны? – А во́роны – остались.
– Куда ушли? – Куда и журавли.
– Зачем ушли? – Чтоб крылья не достались.
Марина Цветаева

1
15 марта 1920 года [1]
Феодосия

К полудню воздух прогрелся до двенадцати градусов по Реомюру [2]. Солнышко. Безветрие. Тишь. Где-то очень далеко, за бескрайним морем, осталась война. Вкрадчивый плеск волн на пару с морским воздухом убаюкивали. Фата́-морга́на [3] усопшей мирной жизни. Не воспользоваться дарованной передышкой не только глупо, но и грешно.

---

[1] Даты приведены по старому стилю, действовавшему на территориях, занятых Белыми армиями.

[2] Температурная шкала в дореволюционной России. 12 градусов по Реомюру = 15 градусам по Цельсию.

[3] Форма миража.

Ротный Белов подгрёб под себя охапку колючего пыльного сена, накрылся шинелью и уснул сном праведника.

Разбудил его оглушительный свист. Капитан порывисто вскинулся, цапнул кобуру, пристроенную в изголовье.

– Тревога!

В следующую секунду обнаружился нарушитель спокойствия. Им оказался Боря Львов. Он свистал по-хулигански, в четыре пальца. Диким улюлюканьем аккомпанировал ему атлет Риммер.

– Господа… кх… подпоручики… кх, – хрипло выкашлял Белов. – Цыц!

– Владимир Александрыч, глядите! – Львов просиял рафинадом мальчишеской от уха до уха улыбки. – Бесплатный цирк!

Капитан, хмурясь, уселся на пятой точке, длинными руками обхватил колени, притянул их к груди, где сипели простуженные бронхи.

На забор, которым был обнесён двор, отчаянно карабкался грузный немолодой офицер. Сложенная из кирпича ограда высотой и мощью напоминала крепостную стену.

– Две сотни «колокольчиками» [4] не залезет! – сделал ставку Риммер.

– Отвечаю, – Белов принял пари без раздумий. – Залезет, как миленький. Страх крылья придаёт.

---

[4] «Колокольчики», «колокола» – народное прозвище деникинских бумажных денег с изображением «Царь-колокола».

Толстяк, поизвивавшись, покряхтев, в итоге с руганью сорвался. Семипудовым кулем шмякнулся оземь.

Ротный пальцем подманил Риммера. Из кармана гимнастёрки вытащил банкноту, развернул и с размаху впечатал в широкую замурзанную ладонь сияющего победителя.

Огромный двор, чьё цивильное предназначенье оставалось непонятным, был запружен военными. Здесь разместилась вся Корниловская дивизия, доставленная в Феодосию на транспорте «Корнилов» [5]. Назначая судно под погрузку, члены эвакуационной комиссии, видимо, решили приподнять боевой дух ударников за счёт однофамильца их павшего в бою шефа. Это оказалось хорошим знаком: старая трёхпалубная посудина не подвела, бодро допыхтела до порта назначения.

В Новороссийске на борт просочилось изрядное число посторонних, усиленное оцепление не помогло. В Феодосии чужаки попытались разбежаться по щелям. Не тут-то было: начдив Скоблин отрядил для наведения порядка свою палочку-выручалочку Левитова, на которого в разгар эвакуации свалилась новость о производстве сразу в штабскапитаны, капитаны и подполковники. Приказы, изданные месяц назад, догнали несправедливо застрявшего в поручиках Мишу в день, абсолютно не подходящий для обмывания столь знаменательных событий.

Свежеиспечённый штаб-офицер выстроил охраняемый

[5] Судно названо в честь вице-адмирала Корнилова В. А. (1806–1854).

коридор от самой пристани до пункта фильтрации. «Безбилетников» загнали в огороженный двор. Там их начали сортировать и распределять по ротам.

Офицерской тоже досталась парочка новобранцев. Их привёл лично полковник Гордеенко.

– Приме́те пополнение, господин капитан! – изрёк он непререкаемым тоном, щеголяя при этом безупречной выправкой.

Похоже, за два госпитальных месяца любимчик Скоблина шибко истосковался по командирству.

Заморачиваться пустыми хлопотами Белов не стал. Переадресовал заботы подчинённым.

– Владимир Александрович, – Львов не сводил глаз с потирающего ушибленное колено офицера. – А ведь циркач этот – наш.

– Ну, так верните его в строй, – каким бы глупым ни казался приказ, игнорировать его непозволительно.

На том стояла и стоит регулярная армия.

Незадачливый беглец тщился сделать хорошую мину при плохой игре. Плюхнув на землю тяжеленный, ремнями перетянутый чемодан и пузатый саквояж, он задрал двойной подбородок, выкатил живот. Сдёрнул с переносицы пенсне, подышал на круглые стёклышки, наскоро протёр их платком и вернул обратно. Несмотря на приложенные усилия, твёрдости его взгляду недоставало.

– А где приятель ваш? – верзила Белов согнал за спину

под ремень складки грязной гимнастёрки.

Разговор с кадровым полковником, чья грудь украшена серебряным знаком об окончании Николаевской Академии Генштаба, требовал уважительной формы.

– Какой-с?! – от волнения голос собеседника пустил петуха.

– Лейб-гренадёр кавказской наружности, – кротко подсказал корниловец.

– Он, он, – полковник сморщился и шевельнул шеей, словно это ему, а не Белову, вставшему с соломенной «перины», за ворот попала труха.

Не подобрав нужных слов, штабной инстинктивно оглянулся на стену, которую пять минут назад штурмовал.

– Приятель преодолел препятствие, – догадался Белов. – Оказался более подготовленным по части гимнастики. Вам надо было чемодан ставить на попа, залезть на него и подтягиваться на мускулах. Подручные средства надлежало вам использовать. Тактическая ошибка!

Офицеры, внимавшие их диалогу, заулыбались. К Риммеру и Львову добавились взводные Каюм и Бухтояров.

– Вы же понимаете, капитан, что происходящее – самоуправство чистой воды? Я – не строевой, я прикомандирован к штабу армии. Состою в должности начальника отделения по выдаче заграничных паспортов и виз на выезд. Непосредственно подчинён генералу Романовскому…

Многословно оправдываясь, генштабист дал по меньшей

мере дюжину поводов для зубоскальства. Белов, однако, не был настроен язвить. Абсурдность ситуации ясна, как погожий день. Пользы в бою «тыловая колбаса» не принесёт, а вот головной боли добавит.

– Не делайте резких движений, господин полковник. Утро вечера мудренее. Вас, надо думать, в штаба́рме уже спохватились.

Генштабист согласился с разумностью доводов и фанфаронить перестал. Начал озираться, прикидывая, где временно пристроиться. В загоне, давшем приют почти двум тысячам душ, царила теснота.

– Определите господина полковника, подпоручик, – персональное распоряжение ротного адресовалось Риммеру, другие командиры получили общую директиву. – Балаган закрыт, господа. Через пять минут построение. Львов, проведайте наших болезных. Не померли они там? Коли живы ещё, передайте, чтоб проворней выздоравливали.

* * *

Забота, которую проявлял о свалившемся в тифу сослуживце Ванька Обух, разжалованный в поручики за «пьянство, буянство и окаянство», была неожиданна для него самого.

И знал-то он Маштакова без году неделя, а прикипел, как к родному. Наверное, потому, что были они ровесниками,

оба четвёртый десяток не вчера разменяли. Когда вокруг тебя, до начдива включительно, сплошь зелёные мальчишки, общение с ро́вней – отрада для души и сердца. Был Маштаков рассудителен, что ценно. Рассудительности, здравомыслия вечно не хватало Обуху, вечно страдал он за свой дикий нрав. Но кроткой овечкой Маштаков вовсе не являлся. В нужные моменты становился дерзким до отчаяния. А ещё ему сказочно фартило в карты.

– Поправляйся, Миша, – уговаривал Обух штабскапитана, когда тот ненадолго приходил в себя, – я же должен взять реванш. Ободрать тебя, щербатого, як липку. Ну, и должок тебе воротить. Карточный долг – свят! Ещё ты обязался выучить меня на семиструнной тренькать. Помнишь?

Поручик отвоевал для болящего распряжённую телегу. Себе лежанку оборудовал под ней. Долгой стоянки не предсказывал, зато ночёвку гарантировал.

Возвращаться в пулемётную роту Обух не спешил. Официально он так и числился прикомандированным к третьему полку, от которого после трагедии на Елизаветинской переправе остались копыта да хвосты.

«Не торопись, коза, на торг, – говорил себе Ванька. – А как спохватятся отцы-командиры – враз откликнусь. Вот он я, туточки!»

Боря Львов застал поручика за ответственной процедурой. С ложечки тот поил Маштакова красным вином. В сидячем положении пациента фиксировал второй номер его рас-

чёта – курский доброволец Арсений Бондаренко.

Штабс-капитан капризничал, глотать отказывался. Рубиновые струйки сбегали по углам перекошенного рта на щетину подбородка.

– Перевод добра, – горько сетовал Обух.

– Ему можно вино? – озаботился Львов.

– Это ж мадера! От всех болезней микстура! Не зря ж её Гришка Распутин уважал. Между прочим, бутыльмент обошёлся мне в полторы тыщи. Каково?!

Поручик взирал на бутылку с вожделением, слюнки глотал. Вздохнув, заткнул горлышко пробкой и полез, кряхтя, под телегу прятать «микстуру». Предварительно велел добровольцу Арсению отвернуться и зажмуриться.

Маштаков теперь лежал на боку. Рот полуоткрыт, дыханье трудное. Выражение распахнутых глаз недоумённое.

– Узнаёте меня, Михаил Николаевич? – Львов взял штабс-капитана за кисть.

В ответ удостоился жалкой улыбки, а затем хриплого, клокочущего приветствия:

– Б-бо-оря, здрра…

На губах Маштакова, обмётанных потрескавшейся бордовой корочкой, надулся пузырь.

– Узнал! – обрадовался Львов.

– Так на поправку идёт моими заботами, – Обух пихнул под голову больному комковатую, до блеска засаленную подушку без наволочки, из которой торчали перья. – Что при-

несли, юноша? Яички? Давайте сюда. Сахарок есть, собью ему гоголь-моголь. Яйца здесь тоже кусаются. Прице-енивался… Сотенка за штучку. Я ведь эскулапа к нему приводил. Эскулап сказал – кризис позади. Мишка за счёт прививки легко отделался. Ему ж свезло по протекции британского майора прививку от тифа сделать. Британцы, они дурному не научат. Цивилиза-ация! Вы к ней сейчас на вершок поближе, юноша. Что там слыхать насчёт дальнейшей траектории наших странствий?

– Пока ничего.

– Долго здесь не высидим. Ночи холодные, а дровишек нема. И оправляться некуда. Живым манером засрём этот великолепный вольер.

– Кто тут ещё с офицерской, господин поручик? – Боря о наказе ротного помнил.

– Перекличку не проводил, виноват. Попович с козлиной бородёнкой ваш? Фамилия из башки вылетела. Произвёл же кто-то блаженного в «их благородия». Уморил он меня причитаниями. Забирайте симулянта!

Боря смерил взглядом грызущего ногти одичалого Кипарисова и брать ответственность на себя не захотел:

– Пускай тут покантуется. Пойду я, построение объявлено.

После его ухода Обух озаботился матчастью. Станковые «максимы» он утопил в Кубани во время драпа. Заправлявшие переправой разведчики позволили взять в лодку только

личное оружие.

Маштаков тогда прижал к груди «льюис», словно дитятко родное.

– Сам я тощ, полчеловека! Перегруза не случится! – заблажил, как припадочный.

Благодаря ему взвод остался пулемётным не только по названию.

Привычно произведя неполную разборку, Обух прочистил канал ствола и смазал маслом движущиеся части. Отдельно проинспектировал главную пружину. Плавность её хода – гарантия от осечек в бою. Собранный «льюис» поручик любовно запеленал в брезент и убрал под повозку.

Затем Иван отправился на променад. На хозяйстве оставил фельдфебеля Гаврилюка по прозвищу Ваше Степенство. С учётом хворого Маштакова взвод всего четыре бойца насчитывал. Остальное пулемётное воинство сдалось красным в Елизаветинской.

В «вольере» кипело столпотворение. Обух ломился через толчею на медвежий манер – напролом. Дорогу ему с ворчаньем, но уступали. Могуч, широк в кости господин поручик, личина у него страхолюдная. Кумпол бритой головы присобачен к неохватным плечищам без посредства шеи. Изуродованные уши выдавали былую дружбу с французской борьбой. Мясистый носяра приплюснут, губы плотоядно вывороченны. Крохотные глазки зыркали из-под козырьков надбровных дуг свирепо. Нижняя часть физиономии сплошь заросла

полуседой щетиной. Экипирован пулемётчик в тесный, лопнувший подмышками френч и галифе, на заду обшитые жёлтой кожей.

Держался Обух с апломбом, будто архиважное задание ему доверено. Посему ни один из старших офицеров до праздношатаи́ не докопался. Знакомых встретил он немало, помнили его комбатанты по обоим Кубанским походам, в капитанском чине помнили, оттого удивлялись погонам с одним просветом и тремя звёздочками.

Воротился поручик с новостями. Главная касалась открывшегося питательного пункта.

– Бегом арш, бездельник! – погнал он за приварком Арсения. – Надо урвать кулёшика. Ливер горяченького вымаливает! От сухомятки кишки закаменели. Запор третьи сутки…

Добровольцу согласно метрике [6] семнадцать лет, на вид он – взрослый дядька с чёрными усищами, а по уму – недоросль из одноимённой пьесы литератора Фонвизина [7]. Взводного Арсений боялся, будто чумы, команды бегом исполнял. Умчался жеребчик, как нахлёстанный, гремя стальными котелками.

Обух меж тем приложился к бутылке. Глотнул добросовестно и захмелел. Крепка оказалась мадера, язык развязался стремительно.

---

[6] Метрика – метрическое свидетельство о рождении (устар.).

[7] Фонвизин Д. И. – русский литератор 18-го века.

Собеседником поручик по укоренившейся привычке назначил Маштакова. Удобный вариант – приятель не перечит и не перебивает, а что постанывает – не беда.

– Бывал ли ты в Крыму, Мишка? О, я в этих краях славно покуролесил до большой войны. Вино, женщины, природные красоты… Сейчас территориально мы с тобой в Феодосии. Погулять по «Богом данной» [8] нам не позволили. С корабля не на бал, а в стойло! Что удалось лицезреть, ты спросишь? Уйму транспортов в бухте. В связи с чем вопрос напрашивается не в бровь, но в глаз. Почему вся эта армада простояла на якоре? Почему не прибыла в Новороссийск, где половина армии осталась? И кто вообще ответит за позорное фиаско с эвакуацией? Бедолага взводный копеечную безделицу утратит, его – под суд! А «олимпийцам» всё с рук сходит. Порядки наши российские таковы. Мы с тобой без смены кальсон бедуем, а штаб корпуса даже постели мягкие сподобился погрузить и переехал с большущим комфортом. Штабы перевезли, а боевым частям места не нашлось! Знаешь, Миша, чего в ротах говорят? Говорят: «Надо резать штабы!» Чего встрепенулся, Ваше Степенство? Не с тобой, сиволапым, беседую, а с господином штабс-капитаном. Кроме того, однополчане радио советское наперебой обсуждают. «Остатки деникинских банд переправились в Крым, где будут уничтожены в течение десять дней!» Полную декаду нам отводят товарищи. Я думаю, быстрее всё закончится…

---

[8] Феодосия в переводе с древнегреческого языка означает «Богом данная».

Поручик умолк, чтобы свернуть цигарку. Затягивался дымом жадно, со всхлипами.

Арсений вернулся налегке. Один черпак гороховой похлёбки ему достался. Минута понадобилась пулемётчикам, чтобы в три «весла» оприходовать жиденькое варево.

Ещё доброволец принёс известие, что дана команда – готовиться к погрузке. Из пункта назначения секрета не делалось.

– Идём в Севастополь!

Как полагается, циркуляция началась ночью. Ей сопутствовали темень, толчея, ругань. В Феодосии ударники оставили артиллерийскую бригаду и хозяйственную часть. Больные были закреплены за последней.

2
16 марта 1920 года
Севастополь

Едва рассвело, корниловцы высыпали на палубы. Сну в душном тряском железном чреве транспорта многие предпочли любование крымскими берегами.

Молодёжь стабунилась вокруг поручика Обуха. Из рук в руки переходили цейсовский бинокль и оплетённая бутыль с вином.

Пулемётчик комментировал проплывающие мимо виды, как заправский экскурсовод.

Сперва повстречали огромного «медведя». Вольготно растянувшись на брюхе, он окунул башку в море. Косматые бока его, поросшие лесом, простирались на многие вёрсты в направлении Ялты. Аю-Даг, она же Медведь-гора, поражала воображение своей грандиозностью.

На подходе к Алуште залюбовались двуглавой скалистой горой Демерджи. Подножие окутывал клубящийся туман, бесшумно подкравшийся из дремавшего в безветрии моря.

Гордость Гурзуфа – парк реликтовых деревьев. Из десятков произрастающих здесь видов, что перечислил поручик, запомнились самые известные – крымская сосна, кедр, фисташка.

– В добром здравии кипарис, с коим подружился Пушкин, когда гостил здесь. «Жил я сиднем, купался в море и объедался виноградом», – обналиченные Обухом познания категорически не сочетались с разбойничьей внешностью и манерами ломовика́.

В Ялте главная достопримечательность – Ласточкино гнездо. Изящный каменный замок сооружён на высоченной отвесной скале.

– Воздвигнут в благословенном девятьсот двенадцатом году на деньги нефтепромышленника фон Штейнгеля. Предчувствуя смутные времена, барон продал райское гнёздышко московскому миллионщику Рахманову. После переворота Рахманов с семейством удрал в Париж. Товарищи, узурпировав власть, имение незамедлительно разграбили.

Алупка, Симеиз, Георгиевский монастырь. О каждом у Обуха имелась история.

Около шестнадцати часов вошли в Севастопольскую бухту. Судно замедлило ход, фарватер был не из простых: акватория изобиловала рифами.

Поочередно миновали Константиновскую и Михайловские батареи, защищавшие вход на рейд. Трёхъярусные казематированные укрепления были сооружены из белого, особо прочного известняка. Толщина мощных стен достигала двух метров. Сооружая бастионы, военные инженеры прошлого столетия, вероятно, полагали, что строят на века. Прогресс стремителен, и против «огневого молота» современной тя-

жёлой артиллерии каменным стенам не выстоять. Но в ландшафт Северной стороны Севастополя они вписались идеально, придав ему суровую уникальность.

На верхнюю палубу вышел начальник дивизии. Его появление вмиг погасило смех и шуточки. Прикусил язык даже отпетый зубоскал Обух. Ударники рефлекторно подтянулись.

Экипирован Скоблин заурядно – гимнастёрка под ремень, защитные погоны, шаровары, сапоги. Ставшая нарицательной эмблематика смерти на обмундировании старшего корниловца по каким-то соображениям отсутствовала. Фуражечка с крохотным лаковым козырьком надвинута на глаза.

В отличие от остальной затрапезной массы он гладко выбрит, смоляные усики-стрел́ки аккуратны до такой степени, что кажутся нарисованными. Контраст в обличии объяснялся просто. В распоряжении начдива имелись каюта первого класса, горячая вода и заботливый денщик Терентий.

Утрата трёхдневной щетины сделала щёки полковника ещё более впалыми. Резкие носогубные складки, обнажившись, добавили узкому лицу жёсткости. Волчий взгляд Скоблина мало кто способен выдержать. Чтобы к двадцати шести годам заиметь такую концентрацию свинца во взоре, пережить его обладателю следовало очень многое.

Порог соседней каюты переступила женщина в тёмнокоричневом платье скромного фасона. Морская свежесть заставляла её кутаться в накинутый на плечи платок.

Плотно сбитая, скуластая, она не могла похвалиться классической красотой. Но само явление представительницы прекрасного пола в грубом солдатском обществе – уже событие. Тем более, что скромный облик был маской. Простолюдинкам не отводят лучших кают на судне, чьи помещения вплоть до нижнего трюма забиты, как бочка сельдью, отборными защитниками контрреволюции, из которых почти половина – в офицерских чинах.

Среди ударников прошелестел шёпот:

– Плевицкая… Сама Плевицкая… Курский Соловей…

Знаменитая певица, любимица покойного императора, угодив волею судеб в кровавый водоворот гражданской войны, с лёгкостью меняла противоборствующие лагеря и спутников жизни. Лавировала исключительно ради того, чтобы выжить. Сейчас она опиралась на жилистое плечо командира второго Корниловского полка Пашкевича по прозвищу Эмблема. До этого Плевицкая была содержанкой высокопоставленного чекиста, пущенного белогвардейцами в расход.

– Не укачало, Надежда Васильевна? – Скоблин учтиво приложился к руке дамы.

– Самую малость, Николай Владимирович.

– Какая вы молодец. А я к этой стихии непривычен. Скорей бы на берег сойти.

Начдив разговаривал со светской учтивостью. Маскировка была безыскусной – внимательный человек без труда заметил бы в их общении флирт, причём обоюдный. Певица

позволила офицеру задержать свои пальцы дольше, чем это приличествовало женщине, которая живёт с другим.

И не суть важно, что с тем, другим, венчаны они были «вокруг куста».

Транспорт поравнялся с крейсером «Генерал Корнилов». Ощерившаяся длинными стволами махина, закованная в броню из никелевой стали, выглядела грозно. Главным калибром броненосца были 152-х миллиметровые скорострельные орудия системы Канэ. Профиль судна выглядел хищным благодаря форштевню [9] с тараном, установленным в носу. Историю флагман Черноморского флота ВСЮР[10] имел драматичную. Изначально он именовался «Очаковом», тем самым, на котором в 1905 году поднял мятеж страдавший шизофренией отставной лейтенант Шмидт.

Экипаж крейсера был выстроен для встречи на палубе. Господа офицеры держали под козырёк. Матросы в белых фóрменках [11] кричали «ура» и бросали вверх бескозырки с развевающими ленточками. Духовой оркестр наяривал бравурный марш.

Скоблин вскинул выпрямленную ладонь к виску. Его завшивленная полуголодная рать взирала на триумфальный приём оторопело. Они с позором драпают из Новороссийска,

---

[9] Форштевень – носовая оконечность судна, являющаяся продолжением киля.

[10] Вооружённые силы Юга России – оперативно-стратегическое объединение Белых войск (1919–1920 гг.)

[11] Форменка – матросская форменная рубаха.

бросив там всё тяжёлое вооружение, конский состав, огромные обозы и колоссальные запасы военного имущества, а их чествуют, словно победителей.

Боря Львов поделился сомнениями с Обухом.

– Вы думаете, юноша, будет лучше, ежели они нас тухлыми помидорами закидают? – сунув руку за пазуху, поручик силился изловить особо кусачее насекомое. – Радуются клёшники, что прибыло пушечное мясо. Теперича их в пехоту не запишут.

Встреча с помпой обязывала корниловцев ответно не ударить в грязь лицом. Командиры тасовали на палубах людей, вперёд протискивались офицеры.

По сходням бойцы ссы́пались гурьбой. На причале быстренько разобрались поротно, и на Екатерининскую площадь вышли стройной колонной по трое. Шагали в ногу, ружья взяты «на ремень» [12]. Тяжкой поступью входили в город окопники, досыта хлебнувшие лиха, но, кажется, не упавшие духом. «Моськи» чумазые, хмурые, однако не кислые.

В первом ряду встречающих обнаружилась знакомая фигура. Экс-командующий Добровольческой армией МайМаевский в честь торжественного случая нарядился в чёрный корниловский мундир, носить который, как причисленный к ударному полку, был вправе. Выпуклое брюхо распирало китель, бронзовые пуговицы с трудом сдерживали натиск жир-

[12] По команде «на ремень» освобождался ружейный ремень, и винтовка вешалась на правое плечо.

ной плоти. Маленькие, близко посаженные глазки их превосходительства мажорно искрились. Выходу в свет предшествовала победа над парой стаканчиков каберне в номере гостиницы «Кист».

– Здра-авствуйте, мои родные корни-иловцы! – заорал он вдруг изо всей мочи.

В ответ получил жиденькое «ура». Скоблин отвернулся, не желая встречаться взглядом с бывшим командармом. Нет прощения горе-полководцу, бессовестно пропившему решающее сражение за Орёл. Право на почётное прозвище Кутузов, заработанное в изнурительной битве за Каменноугольный бассейн, старик утратил безвозвратно.

Пьяненькому Маю и символического внимания хватило, чтобы растрогаться. Мутные слёзы покатились по отвислым щекам.

– Помнят, любят, – бормотал генерал.

Пулемётчик Обух, самовольно прибившийся к офицерской роте, комментировал увиденное:

– Жив курилка! Морда красная, нос фиолетовый, как баклажан. Кто раскрашен, как плакат? Полюбуйтесь, молодёжь! Как говаривал незабвенный поручик Лермонтов: «Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно».

Дивизия стала по квартирам. Бойцам приказано вернуть себе человеческое обличие. Рвения не наблюдалось, шевеление в подразделениях шло вяленькое. Энергии для имитации лихого суворовского солдата, которому «пули, бомбы

– ничего», хватило ненадолго. Навалилась тяжесть от осознания безвыходности ситуации. Что дальше? Два долгих года самоотверженной борьбы, многие тысячи жертв оказались напрасными. Осенью добровольцы победно летели к Москве, а теперь, опрокинутые, разбитые, нашли зыбкое убежище на последнем клочке русской земли в надежде на чудо.

С питательного пункта принесли гречневую кашу со шкварками. Ударники схватились за ложки. Хандра на аппетите не отразилась.

Выход в город запрещён. Из всякого непреложного правила, однако, должны иметься исключения. При молчаливом одобрении ротного на вылазку отправился подпоручик Риммер.

Вернулся Андрей скоро. Беззаботно посмеиваясь, рассказал – на улицах башибузу́к и [13] полковника Туркула хватают одиночных офицеров и штатских. Мобилизация по-дроздовски. Но Риммер не из тех, кто даст наступить себе на ногу. Укатился от «дроздов», как тот колобок из сказки, принёс свежей прессы и папирос.

Соскучившиеся по печатному слову корниловцы зашелестели газетами. Ждали обнадёживающих новостей, а напоролись на злобную хулу. Щелкопёры полоскали прибывших с материка на все лады. Добровольческий корпус фамильярно именовался «цветным». Больше всех изгалялся «Крым-

[13] Башибузук – сорви-голова (турец.).

ский вестник».

– Сохраняя видимость внешней дисциплины, «цветные» войска в действительности являются разнузданными кондотьерами, развращёнными грабежами и насилиями до последних пределов. Это не энтузиасты времён Корнилова, Маркова, Алексеева, Каледина, беззаветно шедшие за своими вождями, – поручик Бухтояров, саженного роста детина, всегда стригшийся под горшок, а сейчас лохматый, как папуас, с выражением просвещал бойцов своего взвода.

Корпус генерала Слащова, отстоявший полуостров, газетчиками превозносился.

– Нас краснопузые так не поливают грязью, как эти! – кадровый офицер-селенгинец [14] Каюм закипал от обиды. – Ничего не скажу про работу Слащова, не знаю. Знаю, что мы всегда дрались против самых отборных советских войск. И всегда в меньшинстве. Один – к двадцати!

Вечером капитан Белов был вызван в штаб. Пришёл оттуда с известием, что послезавтра дивизия железной дорогой убывает в Симферополь.

Отозвав в угол двора взводных, поделился печальными подробностями:

– Мореманы перехватили радио товарища Троцкого. Лейба бахвалится добычей, которую они в Новороссийске взяли. Сейчас точно воспроизведу цифры, записал. Две с половиной тысячи офицеров, семнадцать тысяч солдат, двести

[14] Селенгинский 41-й пехотный полк Российской императорской армии.

семьдесят орудий, девять тысяч лошадей. Пулемёты, ружья и прочие трофеи учёту не поддаются.

– Лошадей много больше осталось, – авторитетно заявил Каюм. – Табуны!

– Жители, верно, разобрали, – Бухтояров мыслил прагматически.

– Вот хабар так хабар! – восхитился Риммер. – Помните, господа, сколько мы в Курске захватили? Но тамошние трофеи с ростовскими и новороссийскими ни в какое сравнение не идут. Все поставки тётушки Антанты пошли прахом! И сидим мы теперь, плачем у разбитого корыта.

Новость о передислокации была воспринята негативно. Уход от моря, от транспортов казался опасным, а потому ненужным.

3
16 марта 1920 года
Севастополь

Перехватить интересанта на подходе к гостинице было проще, но Адуев этот вариант забраковал. На улице объект мог начать играть на публику, тогда как шумиха в деликатном ремесле сыска – вещь лишняя.

Контрразведчик позволил толстяку оторваться. С виду неуклюжий, коротконогий, тот шагал на удивление прытко, фыркая и отдуваясь, как запряжённый битюг [15].

Гостиница «Кист» носила фамилию владельца, потомка корабела, привезённого в Россию из Голландии самим Петром Великим. Её отличало удобнейшее расположение – рядом Графская пристань, Морское собрание и Приморский бульвар.

Корпуса́ п-образного здания, отделанные белым инкерманским камнем, щеголяли разными архитектурными стилями. Фасад, обращённый к Екатерининской площади, был эталоном позднего классицизма. Главный вход подчёркивался балконом, который на уровне третьего этажа переходил в лоджию, укреплённую массивными дорическими колоннами.

---

[15] Битюг – русская порода тяжеловозных лошадей.

Вестибюль «Киста» напоминал вокзальный зал ожидания. Его населяли разноголосый гул, многолюдье и атмосфера тревоги. Свободных номеров не было, и всё равно беженцы сутками высиживали на чемоданах в затаённой надежде на то, что кто-то из проживающих съедет и путаная живая очередь подвинется хотя бы на один шажок.

Объект сибаритствовал в четырёхкомнатном люксе. Преференции обеспечило высокое положение, занимаемое им до недавних пор.

Оказавшись в «Кисте» впервые, Адуев двигался целенаправленно. Подспорьем служила схема, нарисованная Порфирьичем. Сметливый помощник накануне провёл рекогносцировку. К спешащему явно по делу офицеру у коридорных вопросов не возникло.

Вообще-то для работы контрразведчик предпочитал цивильный костюм. Увы, штатские мужчины после нашествия в Севастополь «цветных» стали уязвимы. Особенно их допекали не в меру ретивые дроздовцы, взявшие моду проводить самочинные мобилизации.

Адуеву с его особыми полномочиями отсебятина «дроздов» не страшна и в партикулярном [16] платье. Мимикрия цвета «хаки» имела целью избежать лишнего внимания. Благодаря ей он один из множества наводнивших город военных.

Зрелый возраст, адекватный ему чин подполковника вку-

[16] Партикулярный – штатский, не форменный (устар.).

пе с безукоризненной выправкой создавали образ видавшего виды кадрового офицера. Обмундирован скромно и опрятно. Не тыловой франт, но и не расхристанный окопник. Левая рука подвешена на чёрной перевязи.

Искомый люкс располагался на втором этаже в дальнем крыле.

Адуев постучал в дверь так, чтобы быть услышанным. При этом вежливо.

– Проходи, дружок Прокопов! – донеслось из номера.

Визитёр догадался, что принят за своего. Не воспользоваться удачей было глупо.

Отворил дверь и сразу перешагнул порог:

– Здравия желаю, ваше превосходительство. Разрешите войти?

Вопрос констатировал свершившийся факт.

Сановный постоялец застыл от удивления. Он стоял посреди гостиной полуодетый. На чёрном сукне шаровар авантажно краснели двухрядные лампасы, по бокам болтались сброшенные с плеч шёлковые подтяжки. Нательная рубаха спереди была задрана, пухлая пятерня мужчины, секундой ранее почёсывавшая обвислый волосатый живот, замерла.

– Что вам угодно? Кто вы?!

– Прошу извинить за вторжение, ваше превосходительство. Имею к вам рекомендательное письмо, – Адуев начал с усердием вывинчивать из кармана френча конверт.

Делать это единственной рукой было неудобно. Захрусте-

ли, сминаясь, бумаги.

Лишь только незваный гость – рослый, плечистый и по-цыгански углебровый – сделался неловким, напряжение, при его появлении охватившее постояльца, растаяло. Сработала уловка в виде мнимого ранения. Довеском к ней шли просительный взгляд и заискивающая улыбка.

– Какое ещё письмо? От кого?

– От полковника Двигубского.

– Какого чёрта?! Причём тут Двигубский? Сто лет не видел никакого Двигубского и столько бы ещё не видеть! – негодуя, толстяк всё-таки принял конверт и мельком на него взглянул.

Адресатом значился он, Май-Маевский Владимир Зенонович. Письмо было фальшивым, его содержание, впрочем, значения не имело, использовалось оно исключительно, как повод для завязки разговора. Сведений о бывшем начальнике Харьковской контрразведки после своего откомандирования в Крым Адуев не имел.

– Ваше превосходительство! Убедительно прошу! Пять минут вашего драгоценного времени. Более не отниму!

– Экий вы, банный лист! Слушаю.

– Мой вопрос касается вашего адъютанта Павла Макарова.

– Он давно уже не мой адъютант. Он арестован. Между прочим, здесь, в «Кисте»!

– Совершенно верно, ваше превосходительство. Меня ин-

тересует груз, перевезённый Макаровым из Харькова вместе с архивом и вашим личным имуществом.

– У него и спрашивайте! Мне откуда знать?

– Я бы вас не потревожил, – контрразведчик умоляюще приложил свободную руку к груди. – Однако обратиться к первоисточнику не могу. Макаров сбежал из-под стражи.

– Как это ему удалось? – здесь Май-Маевский удивился.

Актёр он был посредственный, и недоумение вышло притворным. О дерзком побеге адъютанта с севастопольской гауптвахты протрубили все газеты полуострова.

Подвергать сомнению искренность собеседника Адуев, разумеется, не стал. Напротив, демонстрируя глубокое уважение, поделился якобы секретной информацией:

– Сбежал при содействии сообщников. Теперь доподлинно известно, что Макаров был связан с красным подпольем.

– Вздор! Коли на то пошло, то Пашкино амплуа – мошенник и спекулянт.

– Но брат его, Владимир, – отпетый большевик.

– Мухи отдельно, котлеты отдельно! – упрямо гнул своё генерал. – И что это вы, любезный, пеняете мне Макаровым? Его до седьмого колена проверяла контрразведка! Куда смотрели ваши многомудрые начальники, все эти Двигубские, Щучкины [17]?

– Я в мыслях не держу обидеть ваше превосходительство. Всего один вопрос пытаюсь выяснить. Серьёзность ситуации

---

[17] Щучкин Л. Д. – начальник контрразведки Добровольческой армии.

объясняется тем, что ваш бывший адъютант примкнул к «зелёным». И сейчас командует полком, оперирующим в горах близ Симферополя. Он провёл ряд диверсионных операций. В частности, его бандиты напали на Бешуйские копи и вывели их из строя.

– М-да, уголь для нас, заложников флота, крайне важен. Его в Крыму нет. Здесь ни черта нет! – Май-Маевский вспыхнул, словно шведская спичка, и тут же потух. – Значит, распоясался Пашка? Жаль, жаль, боевой ведь офицер. Так и быть, удовлетворю ваше профессиональное любопытство, подполковник. Позвольте только мундир накинуть. Застали меня в дезабилье [18], как басурманин из известной пословицы. Хе-хе. Да не стойте вы столбом, присядьте, не то ославите меня потом на весь Севастополь. Скажете – никакого представления о гостеприимстве у командармдобра [19]!

Нежелание Май-Маевского признавать, что он окончательно выброшен на обочину истории, носило комический характер. Тем не менее, Адуев, поблагодарив их превосходительство за оказанную любезность, сохранил на лице самое почтительное выражение.

Генерал вышел в соседнюю комнату, а контрразведчик опустился в кресло. Стоявший рядом ломберный [20] столик был завален бумагами. Сверху лежал листок, испещрённый

---

[18] Дезабилье – полураздетый (устар.).

[19] Командармдобр – командующий Добровольческой армией (сокр.).

[20] Складной стол для игры в карты.

красивым почерком. Текст был перевёрнут «вверх ногами», что не помешало подполковнику выхватить из середины пару строк.

«… мы сейчас в Ялте и собираемся уехать за границу. Слёзно умоляю Тебя, Любимый, ехать со мной…»

Заслышав шаги, Адуев отпрянул и притворился, будто любуется видом из окна. Окна люкса выходили на море.

Вернулся Май, заметно воспрянувший духом. Тайное общение с заветным графинчиком дало результат. Заблестели мышиные, близко посаженные глазки, раздулись широкие ноздри фиолетового носа-сливы. Оставшись в брюках «цветного» полка, китель генерал надел защитного цвета из диагонали [21].

– Мезальянс, – посетовал он на нарушение формы одежды. – Тесен стал корниловский мундирчик. Жирею в четырёх стенах без живого дела.

Смущённо кашлянув, Май прикрыл любовное письмо толстой книгой в тёмно-коричневом переплёте. Золотое тиснение на обложке почти вытерлось.

– Обычно читаю Диккенса в подлиннике, – для чего-то сообщил генерал. – К сожалению, библиотеку пришлось оставить в Харькове. Перевод Сементковского недурён, но нюансов английского юмора не передаёт. Жду обещанный вопрос, господин подполковник.

– К вашему составу цепляли товарный вагон. Где он был

[21] Диагональ – плотная ткань с рубчиками, идущими по косой линии.

разгружен?

– Неужели вы думаете, что я вникал в подобные мелочи? – Май-Маевский снисходительно улыбнулся.

Такой ответ Адуев и предполагал. Однако не в его характере было сдаваться, не использовав все шансы. Попытка, не пытка!

– Вагон остался в Севастополе?

Генерал выпятил губы мясистой трубочкой:

– Ту-ту-ту… Я сперва обретался в своём вагон-салоне на запа́сном пути. Потом градоначальник устроил мне номер в «Кисте». Паровозы мои перегнали в Феодосию. С ними и означенный товарный вагон. Кстати, прохвост Макаров с этим составом увязался. Сказал, будто ему надлежит лично сдать архивные бумаги по описи. Отсутствовал сутки.

– Когда это было?

– Примерно за месяц до его ареста. А сцапали его, дай Бог памяти…

«Двадцать второго января», – продолжил мысленно Адуев.

Благодаря бардаку, царившему в севастопольской контрразведке, он узнал об этом уже после бегства адъютанта. И тоже из газет.

Макаров, собственно, не был арестован, как красный шпион. Его водворили на гауптвахту в связи с пьяным дебошем в ресторане. Отсюда и лёгкость побега.

Обрадованный болтливостью генерала, Адуев жадно впи-

тывал каждое слово. Собеседник вдруг умолк. Потянулась непонятная пауза. Ясность внесло картавое похрапывание. Оказывается, рассказчик задремал. Широколобая голова Мая медленно клонилась к груди. С губ падала клейкая ниточка слюны.

Контрразведчик вздохнул. В гостях, как известно, воля хозяйская. Ожидание Адуев занял осмотром гостиной. Роскошная обстановка носила следы откровенного упадка. Оконные стёкла имели грязные разводы. Тёмный прямоугольник обоев на противоположной стене выдавал отсутствие недавно висевшей здесь картины. Да и фарфора в шкафу осталось маловато.

Слухи о том, что Май-Маевский, будучи ограниченным в средствах, продаёт гостиничный инвентарь, нашли объективное подтверждение.

Разбудил «богатыря» стук в дверь.

– Дозвольте? – пробасил, осторожно заглядывая, пожилой вислоусый фельдфебель.

На рукаве гимнастёрки комодообразного сверхсрочника почерневшим золотом отливал широкий угловой шеврон.

– Куда ты запропал, Прокопов? – брюзгливо справился генерал, тылом ладони промокая трёхъярусный подбородок.

Завидев в комнате чужого, ординарец спрятал за спину объёмистую корзину. От резкого движения в ней предательски звякнуло стекло.

– Жду корниловцев на ужин! – со значительным видом

поведал Май. – Посему вынужден прервать нашу милую беседу.

– Благодарю, ваше превосходительство, – контрразведчик двумя пальцами коснулся козырька фуражки. – Вы очень помогли следствию. Я доложу начальству.

– Не утруждайтесь, подполковник. Ваши полицейские штучки-дрючки – не мой род оружия!

Результатом визита Адуев в целом остался доволен. Подтвердилась информация о феодосийском следе груза. Список паровозной бригады в наличии, надо его отработать. Мазутная братия на одном месте не сидит, но сейчас, когда территория ВСЮР, уподобившись шагреневой коже, съежилась до крымского лоскутка, отыскать нужного человека – задача реальная. Если, конечно, он жив и не переметнулся к советским.

«Какие же непроходимые тупицы эти армеуты! Май даже фамилию мою не удосужился спросить. А ведь недавно в спасители Отечества метил!»

Мимоходно наметилось ещё одно направление поиска. Дама сердца у старого алкоголика была единственная – Анна Жмудская. Судя по письму, она сейчас в Ялте. Её следует проведать.

«Часть искомого Макаров вполне мог Аньке доверить, – предположил Адуев. – Она из того же завидущ́ его племени. Беспородная гувернантка, размечтавшаяся стать генеральшей».

Разыскиваемым грузом было золото Русско-Азиатского банка [22]. Красные оставили его в Харькове в июне прошлого года при бегстве из города. Золота было много: пятьдесят полновесных слитков. Спрятано оно было наспех, но с умом.

Расследование носило сугубо частный характер. Круг посвящённых был узок изначально. Из него в списках живых на день сегодняшний оставалось двое. Сам Адуев и Порфирьич, динозавр приснопамятного охранного отделения [23].

Чекисты расставаться с ценностями подобру-поздорову не захотели. Снарядили в белый Харьков боевиков, те совершили покушение на конкурента. От смерти контрразведчика спас пуленепробиваемый панцирь Чемерзина, носимый под одеждой. Его спутнице повезло меньше. Раненная в живот, она умерла в мучениях. Из соображений безопасности Адуев скормил злоумышленникам ложную информацию о своей гибели. «Подшефная» газета тиснула новость о кровавой бойне на Максимилиановской улице.

«Точка невозврата».

Контрразведчику пришлось в очередной раз менять личину. Из Викентия Викторовича Листовского обернулся он Аверьяном Аполинарьевичем Адуевым. Три «А»! Сочетание имени, отчества и фамилии на слух воспринималось анекдотично, но других документов прикрытия под рукой не

---

[22] Подробности этой авантюрной истории изложены в романе М. Макарова

[23] Охранное отделение, охранка – органы департамента полиции МВД Российской империи, ведавшие политическим сыском.

оказалось. Несуразные паспортные данные – полбеды. Куда хуже, что легенда новой личности зияла биографическими дырами.

Слабым утешением было повышение в чине. Из капитанов Адуев без канцелярской волокиты шагнул в подполковники.

Однако штаб-офицерские погоны теперь – товар дешёвый. Полных полковников в армии развелось как собак нерезаных. Половина – двадцатипятилетние сопляки. Что уж говорить о подполковниках!

Пока чекисты и контрразведчики мерялись силами, фартовый ухарь в лице генеральского адъютанта Макарова умыкнул слитки из-под носа секретных служб. Обнаружив пропажу, Адуев ринулся в погоню. Розыск по горячим следам затруднили объективные причины.

По прибытии в Крым подполковник не смог отбояриться от участия в карательной экспедиции. В районе Алушты шла борьба с активизировавшимися «зелёными». Скитаясь по лесам и горам, Адуев простудился и надолго слёг с воспалением лёгких. Едва выздоровел, поспешил в Севастополь, где возобновил поиски.

Период временного безвластия благоволил частному сыску. Песня главкома Деникина была спета, в преемники Царю Антону пророчили Слащова или Кутепова. Хрен был не слаще редьки. Оба кандидата отличались самодурством.

Пока можно поработать на себя. Конечно, потеряно бы-

ло слишком много времени. Но братцы Макаровы, вывезшие золото из Харькова, тоже орудовали в условиях цейтнота. Возможности распорядиться слитками они не имели. Павел по пьяной лавочке прожёг кафтан, угодил под арест, откуда был вынужден бежать в горы. Вряд ли ему было до золота, когда он драпал с гауптвахты. Владимир вообще приказал долго жить. А к гробу, как известно, тележку не приделаешь.

«Я получил последний шанс. Я не имею права его упустить!» – внушал себе Адуев-Листовский.

4
16–18 марта 1920 года
Феодосия

Корниловские артиллеристы рыскали по складам и учреждениям Феодосии. Слухи о том, что в Крыму полно орудий, оказались именно слухами. Единственной находкой стали старые полевые пушки калибра 87 миллиметров.

Поиски возглавлял лично командир бригады Ерогин. Он замешкался с принятием решения:

– Не-зна-аю… Безоткатные, и даже не модернизированные… Что скажете, Юрий Николаевич?

Командир третьего дивизиона полковник Роппонет в сравнении с Ерогиным имел старшинство в чине [24], зато уступал по добровольческому стажу. Этот резон перетянул чашу весов, когда осенью их кандидатуры примерялись к должности начальника вновь сформированного артиллерийского соединения.

– В японскую мы их применяли, Лев Михайлович. Они гранатами недурственно бьют.

– Если возьмём, в штабе сразу перекрестятся. Скажут – проблема с вооружением решена! – смуглый горбоносый

[24] Старшинство в чине – временно́й показатель для ранжирования офицеров, имеющих одинаковые чины.

красавец Ерогин зримо видел изъян простого решения. – Но для отказа нужны веские основания.

– Без передков [25] и зарядных ящиков четырёхфунтовки [26] боевой ценности не представляют, – заключил Роппонет.

Авторитетное мнение знатока артиллерийского дела решило сомнения.

Корниловцы адреснулись к флотским, но те развели руками – всё, что возможно, с кораблей уже содрано и отправлено на Перекоп.

Штадив [27] отмерил неделю на решение ситуации с орудиями. Не появятся пушки – артиллеристы станут в пехотный строй, было заявлено прямым текстом.

* * *

Начальник нестроевой команды Загибалов-Лось панически боялся подцепить тиф. Понимал: скованное жиром сердце может подвести. Посему вменённый ему вопрос с больными решил кардинально. Мобилизовал на привокзальной площади извозчиков и чóхом эвакуировал хворых ударников в госпиталь Красного Креста. Путь до Генуэзской улицы

---

[25] Орудийный передок – двухколёсная повозка для транспортировки артиллерийских орудий конной тягой.

[26] Устаревшее измерение калибра артиллерийского орудия, соответствующее 87 мм.

[27] Штаб дивизии.

вышел коротким, напрасно кучера́ роптали.

Просьбы ходячих больных оставить в обозе Загибало-вЛось отверг. Больше других противился штабс-капитан Маштаков, знавший, насколько отвратительны условия в лечебницах Доброволии. Ослабленный недугом, проявить характер он не смог и подчинился приказу старшего по чину. А тому в радость показать власть. Ротмистр точил на пулемётчика зуб с прошлого лета, не хотел забывать, как Маштаков прилюдно надерзил ему при дележе трофеев.

Госпитальное начальство ахнуло, увидев вереницу пролёток:

– У нас нет свободных коек, господа!

Загибалов-Лось пошёл на абордаж именем полковника Скоблина. С подачи крымских газетчиков фамилия начальника ударной дивизии сделалась нарицательной. Корниловцы! «Цветные» головорезы!

Шантаж наглядно дополнялся пиратской физиомордией горластого офицера – мясистой, багровой, обрамлённой лохматыми бакенбардами, сросшимися с густыми чёрными усищами.

Старший врач покорился силе. Больных приняли и раскидали по углам.

Десяток корниловцев, Маштаков в их числе, нашли пристанище в бараке с худой крышей. Судя по крюкам, вбитым в стены, это была сушильня при прачечной. Верёвки, на которых прежде сушилось бельё, растащены кем-то хозяйствен-

ным на более важные нужды.

Пол из неструганых досок устлан тощим слоем прелой соломы. Болящие повалились на него, как снопы под шквальным ветром в поле. Недолгой дороги хватило, чтобы полуживые люди растеряли останки сил.

Маштаков как мог нянчился с Кипарисовым. Командир обязан заботиться о подчинённом.

Бывший семинарист не в себе. Длинные волосы свалялись в засаленный войлок. Зрачки расширены, взгляд безумный. Отросшие ногти на пальцах рук царапаются.

У прапорщика дизентерия. Он слаб настолько, что не в силах доковылять до уборной. Он жидко обгадился и по-собачьи тонюсенько поскуливает. То ли от стыда, то ли от осознания полной безнадёги.

Лежавший с ним по соседству Маштаков радовался широким щелям в полу. Вентиляция! А ещё больше штабс-капитан рад был утрате обоняния.

Здесь он расплылся в блаженной улыбке. «Обаяние», – так говорила Маришка, младшая дочка.

Ночь бесконечна, словно Вселенная из учебника астрономии. Абсолютно непонятно, который теперь час. Может, скоро утро, а может, улита времени только-только подползает к числу «XII» на циферблате…

Наручные часы Маштакова не тикали. Сломались напрочь часы знаменитой фирмы «Павел Буре». Или их просто надо завести. Но пулемётчику неведомо, как это делается. Мыс-

ли запутались окончательно. В голове пылал костёр. Пылал и трещал. Треск – это угольки из огня вылетают, их следует беречься, не то прожгут штаны, а в дырявых пред апостолами появляться срамно. Дремотная вялость тянула в сон, но сон никак не приходил, его гнала прочь боль, она во всём теле, в каждой косточке. Занозистые шершавые доски – сущее прокрустово ложе. Жёстко Маштакову на досках, пытка для рёбер. Надо перевернуться на другой бок, но нету сил для сложного маневра.

На всю «палату» одна свечка. Жёлтая муть от неё. Мигала свеча, моргала и сдохла. В глазах теперь красные вспышки. Духота навалилась кобыльей тушей и плющит, душит.

В дальнем углу вздумали кли́кать санитара. Истерит, беспомощно матерится, хныкает по-бабьи взрослый мужчина. Зачем кричать всуе? Никто не придёт на помощь.

Скорей бы рассвет. Что-то в этом мире обязательно изменится, когда уползёт ночь. Но на зарю ни малейшего намёка. Спрессованная кромешная тьма напитана жалобными стонами и едкой аммиачной вонью.

Когда, как и почему наступило утро, Маштаков не понял. День оказался хуже ночи, потому как накладывал многие обязанности. Надо шевелиться, бороться за себя надо… Только где взять энергию? В долг не отпустят.

Штабс-капитан расстегнул ворот гимнастёрки и за несколько приёмов, извиваясь, с кряхтеньем и руганью стащил её через голову. Всё это в положении лёжа. Стащил и за-

пыхался, будто версту пробежал в полной боевой выкладке. Кое-как отдышавшись, решился на следующий подвиг. Принялся наощупь ревизовать нательную рубаху. Почему сбилась она комом на животе? Открытие по научной ценности не уступало знаменитой архимедовой «эврике». Истлела от пота бязевая рубаха и порвалась на спине, превратившись в распашонку. Разглядывая чёрные, как сажа, рубчатые швы, корниловец обнаружил, что они шевелятся. Зверинец…

«На выброс. Курортный сезон на носу, в гимнастёрке не замёрзну».

Инспекция кальсон временно отложена. Обследовать их надлежало как можно скорее, ибо зуд в паху становился всё настырнее. Ежеминутно приходилось, игнорируя приличия, с ожесточением, с противным хрустом почёсываться.

Потом случилось явление доктора в белом халате. Он участливо склонился над Маштаковым. На губчатом носу – пенсне в стальной оправе. Нижняя половина лица закрыта марлевой повязкой.

Эскулап молча протянул градусник. Задача, как распорядиться хрупкой стеклянной трубочкой, оказалась для корниловца не из лёгких, но он с ней справился. Правильным концом сунул термометр под мышку, зажал.

Доктор коротал ожидание, разглядывая татуировку на плече больного. Там гранёный стилет рассекал по вертикали жутковатую маску, одной половиной которой был волчий оскал, второй – угрюмое лицо человека.

Надпись под синей картинкой медик перевёл вслух на понятый ему язык:

– Хомо хомини люпус эст [28].

После чего сделал требовательный жест суставчатыми пальцами. Маштаков с почтением вернул градусник. Доктор проинспектировал показания ртутного столбика. Оставив результат при себе, прописал лечение:

– Обильное питьё. Только кипячёная вода.

И продолжил обход. А корниловец лежал и восхищался умницей врачом, в один миг смикитившим, какое снадобье поставит пациента на ноги. За важными думами штабскапитан незаметно соскользнул в забытьё.

Возвращение в явь оказалось благодатным. Не сразу Маштаков понял, где находится. Дышалось легко, голый торс обдувала прохлада. Совсем рядом заливались птицы. Вслушавшись, штабс-капитан разделил их пение на партии. Негромкое скрипучее щебетание одних заканчивалось резким звуком, состоявшим из сплошных «ч» и «ж». Чччж! Ччжж! Другая пичуга солировала, она выводила мотив распевно и чисто, словно на нежной флейте высвистывала. И было это настолько по-райски благозвучно, что пулемётчик заподозрил галлюцинацию.

Пастораль всё же оказалась реальностью. Просто нараспах были раскрыты двери, отворён доступ свежему мартовскому воздуху. А птицы музицировали в госпитальном саду. Под

[28] Человек человеку волк (лат.).

их аккомпанемент Маштаков на дрожащих ногах выбрался из сушильни на ласковое южное солнышко. Силёнок хватило на то, чтобы оправиться в положенном месте и вернуться обратно.

На пол плюхнулся мешком с костями, доски сотряслись так, что расклеил опухшие глаза прапорщик Кипарисов. Открыться полностью им не позволила желтоватая слизь, залепившая веки.

– Пти-и-чки бо-ожьи, – прохрипел семинарист.

Днём «котелок» у штабс-капитана варил. Ещё бы не расползались дождевыми червями мысли…

К одному из больных наведался приятель. Маштаков лежал на правом боку, благодаря чему сумел разглядеть тёмно-зелёную тулью фуражки. Артиллерист, констатировал со знанием дела.

Поведение здорового в обществе хворых казалось неадекватным. Почему гость так бодр и громогласен? Он даже умудряется шпарить длинными фразами и выражать эмоции…

– Володька, ты как?! Какой отвратительный вонизм у вас! Газовая атака на Ипре [29] отдыхает!

– Скажи спасибо дизентерийщикам, – дребезжащий слабенький тенорок, вероятно, принадлежал Володьке.

Офицер в фуражке с бархатным околышем наградил Ма-

---

[29] Событие Первой мировой войны. 22 апреля 1915 года немецкая армия распылила 168 тонн хлора около бельгийского города Ипр.

штакова брезгливым взглядом.

Силы пикироваться у пулемётчика отсутствовали, но в загашнике имелась одна рациональная идея. С хрустом в локтевом суставе штабс-капитан оторвался от пола.

– Помогите шаровары с православного стащить…

Артиллерист притворился, будто не расслышал. Повторить просьбу у Маштакова не получилось. Он лежал статичной колодой, внимал чужой беседе. Удивлялся, что не теряет её мудрёную нить.

– Союзники отлили пилюлю, Володька. Сегодня в газете прочёл, извини, не принёс, пошла по рукам в батарее, так и заиграли охламоны. Так вот, англичане сулят помогать до конца июля с условием, что мы будем себя прилично вести.

– Это как?

– Плясать под их дудку. Как ещё? Ты слушай, слушай. Они заявили, что в России имеется центральное правительство, которое подчинило себе полтораста миллионов населения. А население Крыма до миллиона не дотягивает. Понимаешь, куда черти островные клонят? Сопротивление бессмысленно! Они предлагают нам помириться с большевиками, хотят признать советскую власть и установить с Совдепией торговые отношения.

– Англичане – известные маркитанты…

Маштаков, гордый тем, что уловил суть умного монолога, хотел поведать о других англичанах – о майоре Филлипсе, о лейтенанте Кинге, – которые искренне пытались по-

мочь восстановлению законной российской государственности. Не сумел сформулировать. Мелькнувшие в мозгу фамилии союзников улетучились, как пар. Досадливый клёкот вырвался из груди. Пулемётчик отключился, а когда очнулся снова, обнаружил рядом сестру милосердия в белом чепчике.

Из смешного сосуда с изогнутым носиком она пыталась напоить Кипарисова. Тот процедуре не помогал, глотать отказывался, и вода бежала по его грязным щекам, пропадая в сорных зарослях бородки.

Маштакову стало стыдно: он же командир этого чучела. И если его самого болезнь лишила «обаяния», то сестричка наверняка чувствует запахи. Страшно представить, какие чудовищные миазмы распространяет обделавшийся под себя горемыка.

– Его надо раздеть…

Девушка повернулась на сиплый голос, иллюстрируя сапфировые глаза, резкие, не соответствующие юному возрасту морщинки в их уголках, и трогательный букетик подснежников, приколотый к фартуку на груди.

– Я одна не справлюсь, – зазвенел, извиняясь, голосок. – Илларион Аристархович сказал: утром прибудут санитары из пленных. Ваш ротмистр с бакенбардами ему обещал. Они займутся лежачими. И приберутся здесь.

– Спасибо, сестрица, – болезнь сделала Маштакова непомерно сентиментальным, прослезиться он был готов по ма-

лейшему поводу.

Предписания лечащего врача пулемётчик исполнял на совесть, дул кипячённую воду кру́жками.

Всё то время, пока барышня находилась в «палате», Маштаков стоически боролся с желанием поскрести в паху. Свербело там адски. Проклятый зверинец…

Следующая ночь выдалась иной. Сперва она тянулась с натугой, как сырой прессованный каучук, потом вдруг полетела на ковре-самолёте.

Сон – это хороший симптом, думал штабс-капитан, пробуждаясь. Доброй новостью он собрался поделиться с Кипарисовым, повернулся к соседу. Сменить позицию вышло с первой попытки, опять повод для оптимизма.

Прапорщик лежал на спине. Профиль его был очерчен преувеличенно резко. Нос заострился, как обструганный. Унылое лицо приобрело восковую фактуру. В распахнутом рту деловито копошились мухи с изумрудными брюшками и хрупкими слюдяными крылышками.

– Отмучился, раб Божий, – Маштаков перекрестился и на четвереньках пополз к выходу.

То, что накануне он выучился ходить на своих двоих, пулемётчик забыл.

5
19–23 марта 1920 года
Симферополь

По прибытии в Симферополь корниловцы разошлись по отведённым местам.

Удачно встал полк Пашкевича – ему достались настоящие казармы. До смуты их занимал Крымский конный полк, привилегированная часть, чины которой охраняли царскую семью в Ливадии.

Каменные казармы были построены в соответствии с уставом «Внутренней службы», высочайше утверждённым в 1910 году. Просторные покои обеспечивали каждому нижнему чину полторы кубических сажени [30] воздуха. Спали кавалеристы на кроватях, их постели состояли из одеяла, простыни, подушки с наволочкою и тюфяка, набитого соломой.

Возведение на территории военного городка большой красивой белой мечети с изящным минаретом объяснялось кадровым составом полка, формировавшегося из крымских татар.

В феврале семнадцатого полк отказался сложить присягу, данную на верность императору. Воскрешённый в Добрармии, он оперировал в зависимости от численности в виде

[30] 14,5 куб. метра.

различных единиц – от полка до эскадрона. При отступлении белых из Одессы половина крымцев без лошадей была эвакуирована морем в Севастополь. Другая часть, сведённая в эскадрон, примкнула к группе генерала Бредова, прорвавшейся вдоль Днестра в Польшу. Там бредовцы были разоружены и интернированы.

Перевезённые в Крым кавалеристы заняли свои казармы. Наспех пополнившись, полк в начале марта выступил на фронт, где получил боевой участок у деревни ТюпДжанкой Перекопского уезда. Один из эскадронов отправился на борьбу с «зелёными» в район Бахчисарая.

С приходом корниловцев жизнь в окрестностях мечети «Велиде Шериф» закипела. Ударники быстренько вычистили жилища и конюшни. Довоенной идиллии помещениям не вернули, и тем не менее в сравнении с недавней бродячей жизнью условия казались санаторными. Надёжная железная крыша над головой, панцирная койка, подушка, регулярное горячее питание. И не грохочут вокруг пушки и не плюются свинцом пулемёты.

Открылось полковое собрание. Верхний этаж здания остался за крымцами, находившимися в отпусках после ранений и болезней. В нижнем поселился командный состав корниловцев. Столовая была устроена в библиотеке. К несказанной радости Надежды Плевицкой оказался исправным рояль, стоявший в танцевальном зале. Певица пообещала дать концерт сразу после настройки инструмента.

Второй день начался со строевых занятий. На плацу был зачитан грозный приказ генерала Кутепова о поднятии на должную высоту воинского звания и дисциплины. Апологеты пьяных безобразий и лёгкой наживы были предупреждены о самых суровых последствиях. Отдельным параграфом командирам запрещалось обращаться с просьбами о помиловании, невзирая ни на какие боевые заслуги виновных.

* * *

Офицерской роте первого полка была доверена караульная служба в штабе командующего Добровольческим корпусом, поместившемся в гостинице «Европейская».

Пулемётчики Обух и Бондаренко, до особого распоряжения оставленные при офицерской, в караулы не назначались.

Измаявшись от безделья, Обух выклянчил увольнительную в город.

– Владимир Александрыч, ты ж меня знаешь!

– Как облупленного, Ванька, – капитан Белов оторвался от корректировки постовой ведомости. – Ступай, что с тобой, занозой, делать. К перекличке чтоб вернулся. Мальчишку мне не испорть. Отцы-командиры вторые сутки в Севастополе кошевóго [31] избирают. Построения вроде не предвидится.

---

[31] Кошевой атаман – выборный глава в Запорожской Сечи. Здесь в ироническом смысле.

К выходу в люди поручик навёл марафет. Соскрёб бритвой щетину, с которой был неразлучен с самого Батайска, и преобразился. Вместе с дремучей растительностью десяток лет сбросил. Френч вычищен, прорехи наконец-то заштопаны. Бесформенный облезлый малахай сменила фуражка британского покроя с широким козырьком. Сапоги назеркалены бархоткой и между делом подвергнуты самокритике.

– Разве это обувка для уважающего себя кадрового офицера? Голенища аж на два вершка укорочены! Душка Керенский, гори он синим пламенем, экономию кожи учредил! Стыдоба!

Точно на парад прифрантился доброволец Арсений. Гимнастёрка с «дутыми» нагрудными карманами подогнана по фигуре, галифе с малиновым кантом просторны, как паруса. Низенькая кубанка чёрного каракуля заброшена на маковку, напоказ выставлена модная причёска «a la сос», зафиксированная вазелином. Усы лихо закручены в кольца. Из револьверной кобуры торчит рубчатая рукоять самовзвода, от неё к поясу тянется плетёный ремешок.

С погонами Арсению пришлось повозиться. В подражание идейным бойцам вшиты они были намертво, портняжка в родном Курске постарался. Умучился отрок распарывать мелкий потайной шовчик. Но от хлопот никуда не деться, вызваны они насущной причиной – производством в унтерофицерский чин. На каждый погон доброволец приладил по паре лычек (моточек серебряного галуна дожидался за-

ветного часа на дне вещмешка), после чего битый час усердно орудовал иголкой, все пальцы исколол. Былой красоты не восстановил, но присобачил «знаки чести» крепко.

– Не обмоешь, быстро облетят, – авторитетно заявил Обух, щелчком сбивая с погона питомца обрывок суровой нитки.

– Святое дело! – новоиспечённый младший унтер значимость события понимал.

Поручик задал вектор движения:

– Возле городского сада, помнится, водилась пристойная шашлычная.

Дорога заняла двадцать минут скорым шагом. Ориентиром служил видный издалека памятник Екатерине Великой. За чугунной оградой сада пестрели цветами кусты и клумбы. Воздух благоухал, словно в райском Эдеме. Безусловным чемпионом среди цветущих был миндаль, в его аромате смешались запахи розы и цветка вишни. В сладком, но не приторном амбре различалась пикантная кислинка.

Ещё более дурманящие запахи поджидали корниловцев в шашлычной. Рассиживаться в ожидании жареного мяса, однако, не было времени.

– Долго портняжничал, Сенька. Посему ограничимся аперитивом.

По стакану портвейна хлопнули пулемётчики и съели по куриной котлетке.

На улице Обух притормозил возле афишной тумбы. В

«Ампире» выступал известный куплетист Павел Троицкий.

– Двести пятьдесят целковых билетик, но Пашу́ля того стоит. Готовь монету, именинник. Выдвигаемся на Екатерининскую.

Поручик ориентировался в городе, как в собственном кармане. Темп ходьбы, правда, замедлялся изобилием барышень на улицах. Порывисто оборачиваясь на очередную прелестницу, Обух рисковал свернуть шею. Когда вышли на Екатерининскую, он несколько раз топнул ногой по асфальту, подкованным каблуком инспектируя на прочность.

– Литой! На века! А все эти плитки инженера Каннигисера – очковтирательство чистой воды! Что-то я трамваев, Сеня, не наблюдаю. В самый раз подскочить на бельгийском моторе. Чего вхолостую ноги бить?

Синематограф размещался в вытянутом каменном здании, известном в Симферополе, как дом купца Спиро, примыкавшем к внушительному трёхэтажному особняку с балконами. Сросшиеся дома занимали целый квартал. В кассу «Ампира» змеилась очередь.

Шурша банкнотами, поручик протиснулся к оконцу:

– Господа, пропустите защитников единой и неделимой!

Перечить штатские не рискнули. Корсарский вид единонеделимца не располагал к дискуссии.

В фойе играл духовой оркестр. Мудрый Обух купил дешёвые билеты на балкон, но направился целеустремлённо в партер. В буфете корниловцы опрокинули ещё по стакану

белого вина, аттестованного поручиком после употребления нелестно.

Расхорохорившийся Арсений жаждал претензий от стрюцких [32], чьи места они так отважно завоевали. Пускай только рискнут. Уж он их окоротит! Рекламаций, однако, не поступило. Законные обладатели дорогих билетов, вероятно, решили не связываться с беспардонными фронтовиками. Тем более, что аншлага именитый куплетист не удостоился, треть зала пустовала.

Павел Троицкий вышел на сцену с гитарой наперевес и плотоядной улыбкой наизготовку. Из-под круглых полей соломенного канотье вились густые русые кудри. Строгая чёрная визитка с длинными фалдами конфликтовала с узкими брючками в крупную клетку, намеренный мезальянс был рассчитан на экспрессию. Щекастое бритое лицо артиста со следами бурной ночи идеально вязалось с образом циничного повесы, который успешно эксплуатировался Троицким с начала его творческой карьеры.

Первым номером шли коронные политические куплеты с разудалым припевом:

– Когда дела плохи́, то вывеску меняют!

Намёки на срочную замену невезучего главкома были прозрачнее оконных стёкол, вымытых рачительной хозяйкой к празднику Светлой Пасхи.

---

[32] Стрюцкий – одно из оскорбительных прозвищ штатских лиц в дореволюционной офицерской среде.

Куплеты то и дело прерывались аплодисментами. Восхищённый Обух хлопал громче всех, его огромные пятерни, натруженные рукоятками «максима», стучали, как деревянные колотушки.

– Пашу́ля Иваныч, бра-аво! Жги глаголом!

Затем артист на разные, в том числе женские, голоса рассказывал анекдоты. В репертуаре были исключительно фривольные.

Больше других Обуху полюбился анекдот про два мужских монастыря, расположенных по соседству.

К архимандриту одного из них пришёл с жалобой мужичок из ближней деревеньки.

– Ваши монахи-охальники давеча за моей женой час по полю гоняли, – оскорблённый хлебопашец круто наворачивал на «о». – Слава Богу не догнали!

– Не догнали? – озадаченно переспросил архимандрит и, секунду помедлив, вынес вердикт. – Не мои монахи.

Насмешив публику до слёз, Троицкий принялся выжимать из неё горькие слёзы грусти. Романсы он также исполнял мастерски. Запомнились «Не слышно шума городского» и «Любила меня мать, уважала».

При начальных аккордах «Гибели «Варяга» Обух сорвал с головы фуражку и вытянулся по стойке «смирно». Его поддержали Арсений и троица марковцев, обосновавшаяся на галёрке. Чернопогонники тоже пребывали «под мухой».

Зрители не отпускали симпатягу Троицкого, дважды он

выходил на «бис».

Следующую артистку Павел представил, вакхически закатывая глаза:

– Её главная примета – декольте до аппендицита!

На костюм гибкой танцовщицы действительно пошёл минимум ткани, притом тонюсенькой. Девушка вскидывала стройные ножки так высоко и так резво, что поручик не на шутку испугался за сохранность её блестящего трико. Если оно вдруг разорвётся, обнажив сокровенные прелести, изношенное сердце старого пулемётчика не выдержит. Обух крепко зажмурился и до конца танцевального номера сидел с закрытыми глазами.

Далее началась пантомима, в ней был задействован гроб с покойником. Мимы, изображавшие родню усопшего, делили наследство в виде мышеловки со взведённой пружиной. Эмоционально жестикулируя, они рисковали остаться без пальцев.

Обух пытался разгадать жанр номера. Смеяться прикажете или плакать?

Тут «покойник» почесал тощую ляжку. Наверное, его кто-то укусил.

– Любезный! – закричали с задних рядов. – Отставить!

«Покойник» занервничал и поскрёбся ещё раз, теперь обеими руками, с хрустом. В проходе решительно застучали сапоги, это ринулись на сцену марковцы. Привычные брать препятствия, ступеньками они не воспользовались, запрыг-

нули на возвышение с пола.

В руке самого шустрого появился наган:

– Коли ты покойник, лежи, не шевелись! А то мы тебе снотворную пилюлю пропишем!

«Мертвец» окаменел от ужаса. Довольные результатом марковцы отправились на свои места. Пока они шли, «покойник» выкарабкался из гроба, с грохотом уронил прислонённую к нему крышку и стреканул за кулисы.

В зале вспыхнул хохот. Теперь Обух знал, что номер им показывали комический.

Концерт наградил поручика радужным настроением, которое надлежало закрепить.

В удачно подвернувшемся винном подвальчике выяснилось, что капиталы виновника торжества иссякли. Но на бутылку токая́, тут же быстрёхонько опустошённую, деньжат хватило, и потому променад по центру города корниловцы продолжили в полной эйфории.

Арсений засмотрелся на высоченный Долгоруковский обелиск, сооружённый в честь отъёма Крыма у турок. Задирал, задирал доброволец голову и потерял-таки свою великолепную кубанку. Колесом покатилась она под уклон по мостовой, набирая скорость. Арсений обезьяньими прыжками – за ней. Поймал, когда беглянка врезалась в подол платья респектабельной дамы.

Скандал предотвратил Обух.

– Пардон, мадам! Пардон, месье, – порцию извинений он

отвесил также солидному господину, спутнику уязвлённой женщины. – Будьте снисходительны к скромному герою, отморозившему пальцы рук в Батайском морозильнике.

Оттащив унтера в сторону, офицер прошипел:

– Который там заодно и последние мозги отморозил.

Нахлобучив растеряхе шапку по мочки ушей, поручик обернулся к Александро-Невскому собору, снял за козырёк фуражку и осенил себя размашистым крёстным знамением.

Перекрестившись, ахнул:

– Какая сволочь осмелилась из пушки по Божьему дому палить?

Кафедральный собор действительно хранил следы прямых попаданий. У колокольни снарядом был вырван угол шатра. Другая безобразная пробоина зияла в одном из малых куполов.

– Звонница, конечно, выгодная пулемётная точка, – профессионально оценил Обух. – Но не идеальная, ибо делает невозможной смену позиции.

Над площадью плыл праздничный трезвон. Сопоставив его с многолюдством на ступенях храма, поручик ахнул:

– Вот я балда! Нынче ж Вербное воскресенье. Надо ж свечку поставить архистратигу Михаилу.

Симферопольские богомольцы поспешали ко всенощной. Каждый держал в руке красноватые веточки вербы, усеянные пушистыми серебристыми «серёжками».

Грубое лицо Обуха размякло. Странно было видеть

на нём умильное выражение. Происходящему корниловец одобрительно кивал до того момента, пока не узрел непорядок. Притулившийся на паперти нищий вербы не имел.

– Почему ты обделён, убогий?

Бродяжка забормотал невнятное, в его лепете пулемётчик услышал жалобу на несправедливость. Перемахивая через ступеньку, поручик ворвался в притвор. Арсений хвостом семенил за ним.

Обух валко подошёл к свечному ящику, за которым стояли церковный староста с помощником:

– Зачем побира́шке не дали вербы для освящения?

Староста поджал бесцветные губы и ответил с укоризной:

– Негоже, господин офицер, в непотребном виде переступать порог святого храма.

Пулемётчик со вздохом приложил руку к груди, намереваясь опровергнуть обвинения в непотребстве. Мирным переговорам помешал Арсений. Его, видимо, вдохновил пример лихих марковцев в «Ампире». Проявляя самодеятельность, доброволец выхватил из кобуры револьвер. Сухо треснул взводимый курок.

– С кем говоришь, жеребячье сословие?!

Этого выкрутаса хватило, чтобы испугать теснившуюся в притворе паству, среди которой преобладали женщины и дети. Паника охватила людей стремительней, чем огонь воспламеняет сухую траву. С воплями, в полнейшем смятении они бросились вперёд. Самые быстроногие умудрились вло-

миться через царские врата в алтарь.

Ситуацию переломил высокий благообразный священник, поднявшийся на архиерейское возвышение посредине храма. Он властно потребовал замолчать. Окрик подействовал, стало тише.

– Совсем перестать! – грозно потребовал поп и запел. – Царю Небесный, Утешителю, Душе истины…

Прихожане подхватили молитву, постепенно успокаиваясь. Всё это время Обух пребывал в оцепенении. И только когда несколько дюжих алтарников[33] решительно направились в его сторону, поручик опомнился.

– Айда! – рванул унтера за рукав и бросился наутёк.

По крутым ступеням корниловцы скатились чуть не кувырком. Осмелевшие миряне затеяли погоню, но разве могли они соревноваться с людьми военными, поднаторелыми в драпе.

Отбежав на безопасное расстояние, Обух остановился. Малиновый, упыхавшийся, опёрся он ладонями на дрожащие коленки, пытаясь унять клокотанье в груди.

В силу молодости более выносливый Арсений отдышался быстро и теперь недоумённо чесал в затылке, обескураженный реакцией верующих на невинную, по его мнению, шутку.

– Не догнали? – чужим басом спросил вдруг поручик.

---

[33] Алтарник – мужчина-мирянин, помогающий священнослужителям во время богослужения.

Унтер помотал башкой, под усищами чавкнули пухлые губы:

– Не-а.

– Не мои монахи, – заключил Обух и заржал, будто застоявшийся в стойле конь.

* * *

Часа не прошло после утреннего построения, как снова раздалась команда «строиться».

– Дорвались до игры в солдатики, – проворчал капитан Белов, отправляя Борю Львова на разведку к связистам, квартировавшим по соседству.

Живчик справился с заданием в темпе вальса.

– Бузотёров шукаю́ т по ротам, Владимир Александрыч. Якобы вчера наши в кафедральном соборе набезобразили. Церковники нажаловались. Велено – всех в строй до единого, пострадавший опознавать будет.

– Кто из штабных сопровождает фискала?

– Командир полка лично.

– Не было печали. Поторопите взводных, подпоручик.

У капитана возникли подозрения, которые он решил безотлагательно проверить.

Тратить драгоценные минуты на розыск не пришлось. Зверь на ловца выбежал сам. На ходу засупониваясь, резал двор по диагонали поручик Обух.

– Твои проделки, Иван? – Белов в двух словах озвучил причину спешного построения.

Пулемётчик убедительно изобразил обиду:

– Господин командир, вы ж нас видели вечор! Прибыли вовремя, трезвые, як огурчики.

Ротный кивнул, принимая объяснения. «Огурчики» явились, конечно, не свежие, а скорее малосольные, но на ногах держались твёрдо. На вечерней перекличке присутствовали.

Только капитан за ворота, Обух метнулся во флигель. У окошка Арсений, разглядывая себя в карманное зеркальце, взбивал расчёской смоляной чуб.

– Где твоя цирюльня? – накинулся на него поручик.

– Какая?

– Ножницы, бритва? Ну! Вчера ты в умывальной раскладывал.

– Тут, – унтер распахнул горловину холщового «сидора».

Обух запустил лапы в мешок. Покопавшись, вытащил сложенную бритву и блестящие маникюрные ножнички.

– Смирно стоять! – гаркнул.

Доброволец инстинктивно вытянулся, и, пока он успел что-то сообразить, офицер ножницами молниеносно – чик-чик – обкорнал ему оба уса.

– Что вы творите?! – Арсений захныкал.

– Стоять! – в ход пошла опасная бритва. – Не то нос отрежу!

С противным хрустом, несколькими точными движения-

ми поручик освободил верхнюю губу подчинённого от жёсткой волосни.

– Беги! Погодь. На! – свою фуражку напялил на голову унтеру. – И патлы спрячь!

Сам пошагал с непокрытой головой. Встать в строй пулемётчики успели в последнюю секунду. Место прикомандированных было на левом фланге.

Первому Корниловскому полку не выгорело разместиться в Симферополе компактно. Стоянка по квартирам, однако ж, имела свои выгоды. Главный плюс для бойцов – дистанция от тормошливого начальства.

В переулке завиднелась группа людей. Шествие возглавляли полковник Гордеенко и пожилой мужчина строгого обличия в цивильном одеянии. Механически прижмурив левый глаз, Обух посадил штатского на прицел и враз опознал. То был давешний церковный староста.

Комполка демонстрировал арктическое спокойствие. Расстояние сократилось, и он заговорил в полный голос. Комментарий больше поднятым по тревоге ударникам предназначался, чем собеседнику.

– Офицерская рота занята в караулах. Её бойцам по городу некогда шляться.

– Господин полковник, я понимаю вашу досаду, – извиняться староста не собирался. – Но архиерей Вениамин подал официальную жалобу генералу Драгомирову, и я выполняю поручение его высокопреосвященства…

– Поручение носит унизительный характер. С чего вы взяли, что там были корниловцы?

– Я видел знаки. Такие же, – мужчина осторожно коснулся рукава Гордеенко, где выше локтя голубел щиток с черепом и скрещенными мечами. – Хулиганы были приметные. Один ра́жий, в штанах, обшитых на заду жёлтой кожей. Второй – чубатый усач в кубанке. Да я вам десять раз уже говорил.

– Вот именно. Смотрите. Это последнее подразделение моего полка.

Соединив перед грудью руки в молитвенном жесте, староста заскользил вдоль шеренги. Одет он был в застёгнутый наглухо старомодный кафтан. Под седой бородой на муаровой [34] аннинской ленте [35] елозила серебряная медаль, носимая на шее.

Ротный строй был куц. После Новороссийска в нём осталось тридцать семь штыков. Сыпняк продолжал когтить офицерскую.

Мимо юного унтера с расцарапанной верхней губой опознающий проплыл, не замедлив шага. Возле замыкающего замер.

– Вот они, – пальцем ткнуть не решился, указал взором, обманчиво кротким.

Гордеенко приказал Обуху выйти из строя. Тот с юнкерским усердием сделал три шага вперёд, затем – «налево кру-

---

[34] Муаровый – тиснёный, с играющим на свету рисунком.

[35] Аннинская лента – красная с жёлтой каймой.

гом». Отчётливо представился.

– Под арест. Провести дознание. К девятнадцати ноль-ноль доложить, – распоряжения были адресованы мрачному, как грозовая туча, конвойцу Гарашову.

Какое дознание может провести безграмотный инородец, полковник не думал. Отчаяние охватило его – с таким трудом выхлопотанный отпуск в родную Ялту, к матушке, которую Гордеенко не видел два года, накрылся медным тазом.

6
15–22 марта 1920 года
Феодосия – Севастополь

После эвакуации в Крым «modus operandi» [36] генерала Деникина остался прежним. Из устричной раковины главком не выбрался. Ставку он расположил в тихой Феодосии, тогда как оголённый нерв управления нокаутированной армией пульсировал в Севастополе.

Пассивность свою Антон Иванович оправдывал необходимостью дать отдых взвинченным нервам.

Он прилежно работал с бумагами, подписывал вороха́ документов, формально казавшихся нужными. В частности, упразднил Совет министров, орган, давно утративший практическое значение.

Каждый новый день огорчал расставаниями с ближайшими соратниками.

Откланялся глава Британской военной миссии генерал Холман, познавший истинную природу большевизма и потому отождествлявший интересы Белого сопротивления со своими. Новой политике Лондона, заявившего о прекращении поддержки русской контрреволюции, Герберт Кэмпбелл Холман не соответствовал.

---

[36] Образ действия (лат.).

Трудно далось прощанье с единственным настоящим другом – генералом Романовским. В приказ об освобождении бессменного начштаба от должности Антон Иванович вложил душу. Вместо сухого циркуляра сотворил хвалебную оду, где присутствовали такие строки: «Беспристрастная история оценит беззаветный труд храбрейшего воина, рыцаря долга и чести и беспредельно любящего Родину солдата и гражданина».

Девятнадцатого марта в Ставку без вызова прибыл генерал Кутепов. Время было позднее, Деникин, утомлённый штабной работой, собирался отойти ко сну, но отказать старшему добровольцу в аудиенции он был не вправе.

Кутепов доложил о встрече с генералом Слащовым, выразившим досаду в связи с инертностью главнокомандующего и предложившим собрать совет для обсуждения создавшегося положения. Итогом совещания должна стать просьба к генералу Деникину о сдаче командования. В чью пользу – Слащов не озвучил, однако намёк был прозрачным. Кто ещё, кроме спасителя Крыма, достоин возглавить армию?

Новостью происки сумасбродного комкора не стали.

Мутил воду не только он. Генерал Сидорин, пытаясь обелиться за проваленную эвакуацию Донской армии, предлагал вывести казаков из подчинения главкома.

Кочевали по полуострову разменявшие былую славу на водку генералы без армий Боровский и Покровский. Они тоже метили в «наполеоны».

Неприглядную роль в разгоравшейся смуте играл епископ Вениамин, активно лоббировавший интересы барона Врангеля.

Сил бороться с интриганами Деникин в себе не чувствовал.

Для порядка он задал вопрос о настроениях добровольцев. Кутепов ответил, что одна дивизия вполне прочная, в другой настроение удовлетворительное, в двух – неблагополучно.

Равнодушие, владевшее главкомом, достигло такой степени, что он даже не уточнил, кто из «цветных» наиболее надёжен. Какая теперь, собственно, разница?

Кутепов настойчиво рекомендовал в корне пресечь затею с совещанием.

Усилие понадобилось Антону Ивановичу для того, чтобы оторвать взгляд от письменного прибора и посмотреть в глаза собеседнику. Аспидно-чёрные, по-бараньи выпуклые, они, кажется, не умели мигать.

«Тащить и не пущать!» – в этом весь Кутепов.

Вылитый будочник из знаменитого рассказа Глеба Успенского [37].

Оставив пожелания подчинённого без комментариев, Деникин поблагодарил его и сказал, что более не задерживает.

Визит Кутепова помог принять соломоново решение. Возможность предотвратить нежелательное сборище отсутство-

[37] Успенский Г. И. (1843–1902) – русский писатель.

вала, следовательно, надо было сделать вид, будто инициатива исходит сверху.

Ночь выдалась бессонной. В соавторстве с новым начальником штаба генералом Махровым главком составил секретную телеграмму. Послание созидалось для истории, поэтому каждое слово в нём было выверено. Ни малейшего намёка на слабость. Уходя, архиважно было сохранить достоинство. Подчёркивая личные заслуги, Антон Иванович без колебаний округлил период борьбы со смутой до трёх лет в сторону увеличения. Облечён документ был в императивную форму.

Сбор начальников на военный совет «для избрания преемника главнокомандующему Вооруженными силами Юга России» назначался на двадцать первое марта. Председательство было поручено генералу Драгомирову как старшему в производстве.

Чин генерала от кавалерии Абрам Михайлович получил ещё в 1916 году. По характеру доверенной ему роли он подходил всецело. Дисциплинирован, покладист, закулисной игры не затеет.

Рекомендуя в пояснительной записке собрать начальников вплоть до командиров полков, Деникин украдкой подкладывал мину. Многолюдной ассамблее, в которой у каждой пташки свои замашки, принять общеприемлемое решение будет крайне затруднительно. Если вообще возможно.

* * *

Так и вышло. Съехавшиеся в Чесменский дворец генералы, адмиралы и штаб-офицеры, с кадетских лет усвоившие примат единоначалия, не могли уразуметь сам смысл собрания.

Затея избрать себе командующего вызывала у них оторопь. Как назвать происходящее? Генеральский совдеп? Подобной дикости даже при керенщине не практиковалось. Выходит, пришли к тому, с чем все эти годы боролись с оружием в руках. К митинговщине! К горлопанству!

Председательствующий обеспечить должный порядок не смог. После оглашения письма Деникина зал забурлил.

В присущей ему эксцентричной манере выступил генерал Слащов, сегодня щеголявший в чёрной черкеске и белом шёлковом бешмете с высоким наглухо застёгнутым воротником.

Для начала он возмутился неравенством делегаций:

– От Добровольческого корпуса присутствует тридцать человек, а от моего – вдесятеро меньше!

– Избрание главкома недопустимо! – был его следующий тезис.

– И вообще заседать мне некогда. Утром красные затеяли наступление. За сим убываю на фронт! – с такими словами Слащов демонстративно покинул зал.

Представители Крымского корпуса последовали за ним.

Слово перешло к добровольцам.

Наибольшую ретивость выказывали «дрозды». И не только на словах. Полковник Туркул прибыл в сопровождении офицерской роты, без лишних разговоров взявшей дворец под охрану. Намёк выглядел недвусмысленно.

Генерал Витковский – маленький сероглазый блондин с гвардейской выправкой – наотрез отказался от любых выборов и выразил доверие главкому.

Минутная заминка, и начальники остальных «цветных» соединений поддержали дроздовцев. В честь генерала Деникина даже троекратное «ура» прозвучало.

– Абсурд. Они присягают на верность человеку, который не нашёл в себе мужества прибыть на совет, – шепнул генерал Сидорин своему начальнику штаба Кельчевскому.

Донская делегация исчислялась восемью офицерами и погоды не делала.

По инициативе Витковского главкому была отправлена телеграмма. «Считая невозможным выборное начало в армии, – говорилось в ней, – военный совет просит генерала Деникина остаться у власти или назначить себе заместителя».

Фразу про заместителя предложил генерал Кутепов, во время совещания занимавший несвойственную для него безучастную позицию. Он удивил ещё тем, что не поставил подпись под лоялистской телеграммой в Ставку.

Деникин от назначения преемника отказался. В его ответной телеграмме превалировало кислое настроение. Нарыв уныния-таки прорвался сквозь защитный панцирь: «Разбитый нравственно, я ни одного дня не могу оставаться у власти. Требую от военного совета исполнения своего долга. Иначе Крым и армия будут ввергнуты в анархию».

* * *

Ситуация кардинально изменилась на следующий день после приезда из Константинополя опального генерала Врангеля. Со скандалом в феврале уволенный от службы беспощадный критик главкома ВСЮР популярности в армии не утратил.

Съехав на берег, барон поспешил на встречу с генералом Драгомировым. Надлежало срочно войти в курс последних событий.

Важную персону домчал мотор. Дежурный адъютант встретил Врангеля у входа в здание и проводил на второй этаж. В лабиринтах дворца, имевшего несколько названий – Чесменский, Большой, Главного командира, – легко было заблудиться.

Драгомиров, здороваясь, лучился от счастья. Видел в прибывшем палочку-выручалочку. Без прелюдий начал пересказывать суть вчерашней полемики.

– Моряки единогласно высказались за вашу кандидатуру,

Пётр Николаевич, – понижая голос, сообщил доверительно.

Разговору мешал шум, доносившийся из соседнего зала. Барон приоткрыл дверь и увидел гомонящую толпу людей в погонах. Первая ассоциация, возникшая у Врангеля, не была оригинальной. Совдеп!

– Абрам Михайлович, конструктивный разговор в таком многолюдстве невозможен. Я полагаю, надо удалить всех лиц младше командиров корпусов или равных им по власти.

Драгомиров с предложением охотно согласился.

Так с поля были сняты ударные фигуры в виде начальников именных полков и дивизий; соответственно, позиции генерала Кутепова сразу ослабли. Только его Врангель рассматривал как реального соперника в борьбе за высший командный пост.

Под эгидой повышения статуса совещания Врангель предложил пригласить генералов, оказавшихся не у дел, но имевших большие заслуги перед Белым движением.

Прозвучали фамилии:

– Шатилов, Боровский, Покровский, Юзефович, Улагай, Топорков.

Пятеро из названных в недавнем прошлом были подчинёнными барона, преуспели в карьере под его крылом. Особняком стоял генерал Боровский, однако и он, с утра удачно опохмелившийся и оттого благодушный, опасений не вызывал.

Драгомиров покладисто кивал лысой головой, полирован-

ной, как бильярдный шар, теребил распушённые концы седых усов. Старый кавалерист желал одного – побыстрее избавиться от свалившегося на него бремени.

Он пригласил высших начальников к себе в кабинет. При виде Врангеля генералы подтянулись, авторитет его был весо́м.

– Здравствуйте, господа, – экономя время, барон ограничился общим приветствием. – С вашего разрешения буду говорить сидя. Я полагаю невозможным скрыть от вас новые обстоятельства, в корне меняющие обстановку.

Врангель сообщил об ультиматуме англичан. Новость вызвала шоковую реакцию. Лица их превосходительств помрачнели.

В гнетущей тишине Драгомиров сообщил, что генерал Деникин по-прежнему настаивает на избрании главкома.

– Предлагается следующий выход из затруднительной ситуации, – генерал от кавалерии воспроизвёл идею, пятью минутами ранее подсказанную ему бароном. – Каждый из вас, господа, назовёт лицо, которое, по вашему мнению, может наиболее успешно выполнить возложенную на него задачу. Я сообщу об этом генералу Деникину с оговоркой, что пожелания участников совещания не связывают его в решении, и ещё раз предложу назначить себе преемника.

– Разрешите, ваше высокопревосходительство? – Врангель обратился к полному генералу [38] с подчёркнутым ува-

[38] Полный генерал – лицо в высшем генеральском чине (разг. дореволюц.).

жением.

Драгомиров, откровенно польщённый, со значением кивнул:

– Извольте, ваше превосходительство.

– В настоящих условиях я не вижу возможности рассчитывать на успешное продолжение борьбы. Нота англичан отнимает последние надежды. Нам предстоит испить горькую чашу до дна. Если генерал Деникин оставит армию и на одного из нас падёт тяжкий крест, то он должен знать, что именно ожидают от него соратники, данный крест вверившие. Повторяю, лично я не представляю себе возможным для нового главнокомандующего обещать победоносный выход из положения. Самое большее, что можно от него требовать, – это сохранить честь вверенного армии русского знамени.

Генералы внимали каждому слову основного претендента на власть. Все без исключения при этом просчитывали траектории своих судеб.

Выглядевший как всегда бесстрастным Кутепов констатировал крах собственных надежд. Их вдребезги разбил гамбит, блестяще разыгранный Врангелем.

«С англичанами, конечно, был выстрел наповал. Но такие ли они христопродавцы, как их малюет барон? Сюда ведь его «Император Индии» доставил. Броненосец катает отставного русского генерала по морю, будто круизный пароход. Получается, островитяне ещё в игре».

Узнай Кутепов, что британский адмирал Милн в угоду барону на целые сутки задержал отплытие линкора из Константинополя, он бы расценил пассаж об измене союзников как полный блеф.

Время стоянки, конечно, продлевалось не по прихоти Врангеля. Ему нужно было оправиться после сердечного приступа. Сыпной тиф, за малым не отнявший жизнь год назад, регулярно напоминал о себе осложнениями.

Затянувшуюся паузу прервал генерал-майор Махров. Наружность безошибочно выдавала в нём завзятого штабиста. К просторному лбу мыслителя и пытливому взору аналитика прилагались воспалённые глаза – результат хронического недосыпа. Меловая бледность вкупе с избыточной полнотой сетовали на кабинетный образ жизни. Несмотря на военную форму и наличие обязательных офицерских усов, в чертах округлого лица начштаба ВСЮР проглядывалась неуместная женственность, служившая предметом заочных шуточек сослуживцев.

– Как бы безвыходно ни казалось положение, борьбу следует продолжать, – переутомление окрасило резкий голос Махрова в скучную интонацию. – Пока у нас есть хоть один шанс из ста, мы не можем сложить оружие.

– Если бы этот шанс, Пётр Семенович, был, – с горькой иронией отреагировал генерал Шатилов. – Но, по-моему, у противника не девяносто девять шансов, а девяносто девять и девять в периоде…

Шатилов всячески отговаривал барона от поездки в Севастополь. Настроен он был крайне пессимистически. Предрекал гибель или капитуляцию армии и, как следствие, несмываемое пятно позора на честное имя Врангеля. Но оставить в трудную минуту старого боевого товарища (дружба вела отсчёт с японской войны) аристократ и генерал в третьем поколении не смог. Последовал на Голгофу следом за бароном.

Лапидарные дебаты увенчались возгласом генерала Покровского:

– Чёрт с ними с англичанами! Обойдёмся без них. Надо продолжать драться!

Демонстративное молоде́чество Виктора Леонидовича носило характер саморекламы. Лётчик-ас Великой войны [39], феноменальным образом выросший в крупного кавалерийского начальника, страдал от вынужденного безделья. Его уход с поста командующего Кавказской армией имел политическую подоплёку. Кубанцы прокляли вчерашнего кумира за свирепую расправу над вольнодумными членами Рады. Деникин, чью волю исполнил каратель, смягчил вынужденную отставку должностью главноначальствующего Крыма. Назначение сорвал генерал Слащов, выдвинувший ультиматум: «Грабитель и наёмный убийца Покровский или я!»

Сейчас бывший авиатор пробавлялся тем, что формировал в Керчи партизанский отряд на базе Чеченского полка. Затея буксовала, и амбициозному Покровскому кровь из но-

[39] Великой войной в России до революции называли Первую мировую войну.

су требовалось доказать свою полезность будущему главкому.

Примечательно, что в тесном кабинете он сидел особняком. Клубящаяся вокруг него – невысокого, хищно ссутуленного, по-ястребиному крючконосого, – чёрная аура раздвинула господ генералов по углам.

Дабы не стоять над душами участников совета, Врангель покинул дворец. Сослался на недомоганье, причём лукавить не пришлось. Затылок ломило, щемило под левой лопаткой, ныли суставы.

Пётр Николаевич рассчитывал, что свежий воздух улучшит самочувствие, благо денёк выдался дивный. Безветренный, ясный, в лазурном небе ни облачка.

Прочь гоня вялость, не делая остановок, барон поднялся на Исторический бульвар. Успокоил дыхание. С высокого холма открывалась чарующая панорама Южной бухты. Бескрайняя водная гладь блестела мириадами солнечных бликов.

Пустынные аллеи располагали к аналитике. Возможности побыть одному пришёл конец возле памятника Тотлебену [40], где объявились гуляющие.

Высокая худая фигура знаменитого генерала, облачённая в чёрную черкеску с серебряными погонами и белую папаху, моментально оказалась в центре внимания. Восхищён-

[40] Тотлеб ен Э.И. (1818–1884) – выдающийся русский военный инженер, герой обороны Севастополя в Крымскую войну.

ные взгляды и восторженные приветствия смешали мысли.

Радостный трезвон колоколов напомнил о великом православном празднике, Вербном воскресенье. Врангель резко повернулся и зашагал прочь. Он вдруг понял, с кем ему необходимо в срочном порядке поговорить.

Епископ Вениамин не напрасно производил впечатление человека, наделённого высшим знанием. Оказалось, что он ждёт барона. Объяснять причину спонтанного визита не пришлось.

– Вы хорошо сделали, что приехали сюда. Господь надоумил вас. Это ваш долг, – священник заговорил с торжественной певучестью, словно с клироса [41]. – Знаю, как тяжело вам. Знаю, какой крест вы на себя берёте. Но вы не имеете права отказываться. Вы должны принести жертву родной вам армии и России. На вас указал промысел Божий устами тех, кто верит вам и готов вручить свою участь.

В цветистых формулировках присутствовал налёт театральности. Тема уготовленного бремени преследовала Врангеля весь день.

Барон сказал, что ситуация для армии близка к катастрофе. Непривычное обращение к собеседнику смущало. Казалось, будто звучит оно нарочито.

– Владыка…

Как бы то ни было, разговор вышел тёплым, и задушев-

[41] Клирос – место в православной церкви, где во время богослужения находятся певчие и чтецы.

ность была искренней. Трагедию, нависшую над Родиной, оба понимали одинаково. Манеры большевиков были известны его высокопреосвященству не понаслышке. Когда полуостров оказался под красными, Вениамина арестовали чекисты.

– Я слышал, владыка, вы спаслись чудом, – выразил сочувствие генерал.

– Промыслом Божьим, – мягко поправил епископ.

Прервав беседу, Вениамин вынес из горницы икону Божьей Матери – старинного письма в золотой оправе с ризой, расшитой жемчугами.

– Этой иконой я решил благословить вас.

Возникла секундная пауза. Немой вопрос получил подсказку участливым взором. Врангель медленно опустился на одно колено. Простейшее гимнастическое упражнение далось трудно, грудная боль давила сердце.

Архиерейский дом генерал покинул с просветлённой душой. Рациональное объяснение смене настроения отсутствовало, и тем не менее прогресс был налицо. Барон укрепился в правильности своего решения.

Шагалось легко, обратная дорога показалась много короче.

Совет давно кончился. Старшие начальники единогласно указали на генерала Врангеля как на преемника. В Феодосию главкому улетела телеграмма-«молния» об итогах совещания.

7
19–22 марта 1920 года
Феодосия

Температура упала до нормальной, что означало – кризис миновал. На пайке́ из кипячёной воды Маштаков обессилел. Многодневное лежание на досках добавило немощи. Руки-ноги сделались тряпичными, мышцы в них атрофировались.

Доктор Илларион Аристархович перевёл штабс-капитана в категорию выздоравливающих и прописал ему усиленное питание. Практическую сторону вопроса эскулап возложил на пациента.

Госпитальное довольствие состояло из полфунта [42] говяжьих костей, одной картофелины, сваренной в «мундире», и мизерной порции капусты, тоже варёной. Овощи были старого урожая, лежалые, попахивали гнильцой.

Для восстановления сил требовался фактический приварок. Витамины и калории!

Артиллерист Володя, обитавший в углу «палаты», от навещавшего его приятеля узнал, что сносный дневной рацион на одну персону встанет в тысячу «колокольчиками».

Маштаков проревизовал свои финансы. Сколько их было

[42] Примерно 230 граммов.

до болезни, он не помнил. Шуршали в карманах какие-то деньжата, он же обчистил в «железку» [43] поручика Обуха. Пятьсот рублишек наскрёб пулемётчик «по сусекам».

Затем перебрал наследство Кипарисова. Усопший семинарист вообще оказался нищим. Ни копья за душой! Документы его, семейные фотокарточки с обломанными углами, растрёпанный блокнот в затёртой ледериновой обложке с привязанным к нему карандашиком и карманное евангелие штабс-капитан увязал в платок.

«Отдам ротному, когда вернусь», – чем хороша военная служба, всегда есть тот, кто примет за тебя нужное решение.

Окоченевший труп Кипарисова вынесли санитары. Их обязанности комендантом возложены на пленных красноармейцев. Тащили двое, один – за руки, за ноги – второй. Шлёпая босыми ступнями, заходясь в кашле, матерно спорили, кому достанутся сапоги мертвеца.

– Не мародёрствуй, сволочь, – подал голос Маштаков.

Вместо грозного окрика родилось увещевание. Никого оно, блеющее, жалкое, приструнить не могло.

Стараниями санитаров в бараке стало чище. Но вони почему-то не убавилось.

Днём выздоравливающие выбирались на улицу. Из старой черепицы они самостоятельно сложили у стены подобие завалинки. Примостившись на ней, как на насесте, грелись на солнышке. Некоторые даже до пояса раздевались.

---

[43] Карточная игра.

С мучительным наслаждением расчёсывая ногтями впалый живот и выпирающие ключицы, Маштаков любовался каштаном, произраставшим поблизости. Почки на ветках набухли до отказа. Их распирала весенняя жажда жизни. Они явно готовились к взрыву. Сквозь розовые чешуйки каждой белела влажная молочная облаґка, под ней – нежно-зелёная тугая плоть.

Штабс-капитан загадал: увижу, как прорвётся хоть одна, будет мне счастье. Таращился напрасно, фауна саботировала его тайные желания.

Итогом кооперации родов войск стал отправленный на базар гонец. Он принёс в бумажном кульке камсу́ [44] – малосолёную, жирную, отливающую чистым серебром.

«Бог войны» Володя выказал волчий аппетит. Одну за другой таскал он камсу из свёртка. Отрывал рыбёхам головы, вспарывал мизинцем брюшки, потрошил и пожирал, алчно чавкая. Приличия презирал. Перепачканные в коричневой слизи руки выпускник императорского университета вытирал о галифе с малиновым кантом.

Маштаков съел одну малявку, и его затошнило. Отвращение к вкусу и запаху рыбьего жира поселилось в нём в раннем детстве.

– Вам оставить, Михаил Николаевич? – не прекращая ударно поглощать белок, фосфор, йод и калий, справился Володя.

---

[44] Камса (хамса) – вид рыб из семейства анчоусовых.

Штабс-капитан, зажав рот ладонью, помотал головой.

Ночью Маштакову не спалось. В голове кишели мысли. Возникла острая потребность вспомнить имя Кипарисова. Попытки подобрать подходящее раз за разом оказывались тщетными. Было ли вообще оно у него, горемычного?

Память подсунула давнишний эпизод, когда на Белгородщине они на пару заступили в ночной секрет. Как жутко раздражал тогда Кипарисов. Патологической трусостью, жадным чавканьем, гнусавым говорком.

И вдруг – негаданная звенящая интонация в его каверзном вопросе про осквернённые большевиками церкви: «Конюшни в Божьих храмах – это месть или символ?»

Очередное голодное утро началось с консилиума на больную тему. Пустые желудки генерировали крамольные идеи.

– Загнать из обмундирования что-нибудь, – предложил Маштаков.

– А что у вас есть? – Володя перевёл обсуждение в практическое русло.

– Кожанка, например. Уже тепло, без неё обойдусь.

– О приказе генерала Слащова слышали?

– Нет.

– За продажу обмундирования – расстрел.

– Стращает Генерал Яша. Все стращают. Пустозвонство!

– Не скажи́те. Слащов как раз доказал, что умеет слово держать. Однако лазейка есть.

– Какая?

– О личном оружии в приказе ни слова. Что скажете, господин штабс-капитан?

Маштаков не знал, что сказать. Кобура на его портупее пустовала. Наган, видимо, остался в роте. Во избежание утраты, надо думать. Есть бельгийский браунинг. На вид игрушка, но достаточной убойной силы и проверенный в деле. Расставаться с ним желания никакого. Без оружия себя, как без штанов, чувствуешь. К тому же бельгиец дорог как память об одном очень близком человеке.

– Если объявление в газету дать? Помогите корниловцам! Попросим денег в заём. Пусть даже и под процент! – затея из категории фантастических на миг показалась пулемётчику вполне реальной.

– Военная цензура не пропустит. Мы же с вами на полном казённом ко́ште числимся!

Подумав, Маштаков согласился. В итоге они толкнули канадскую кожаную безрукавку компаньона. На купленных харчах протянули сутки, в течение которых имели даже коротенькие отрезки сытости.

На следующий день за артиллеристом явился приятель:

– Пока не поздно, Володя, возвращайся в батарею. Наши поехали в Судак за пушками. Похоже, мы продолжим существование по профилю. Если не хочешь загреметь в пехоту, поторапливайся.

И пока поручик в пожарном порядке собирался, товарищ причитал:

– Правда, как будем формироваться, один Бог знает! Самого элементарного нет. Ни единой повозки! Ни единого передка! Что говорить о походных кухнях? В Новороссийске нам обещали затруднения только с лошадьми, остального добра в Крыму, говорили, хоть завались. А в здешних цейхгаузах – шаром кати!

Так Маштаков остался без «артподдержки». Чтобы не протянуть с голодухи ноги, пришлось ему расстаться с наручными часами.

Собрав ошмётки воли в кулак, он занялся приведением себя в человеческий вид. Реабилитация давалась трудно. Простейшие ходы требовали геркулесовых усилий.

С грехом пополам пулемётчик вычистил брюки и гимнастёрку (щётку любезно одолжила милосердная сестрица). Условий для стирки одежды не представилось. Кальсоны, рассадник кровососущих паразитов, в скомканном виде улетели в костёр. Подновлённый гардероб был надет на голое тело. Грубая материя натирала кожу в деликатных местах. И это при минимуме движения! Оставалось надеяться на то, что в роте, встреча с которой близилась, сыщется лишний комплект белья.

Реанимация обуви, закованной в толстый слой окаменевшей глины, потребовала подвига.

Санитар, тот, что оказался удачливее при дележе пожитков мертвеца, добыл шматок душистого дёгтя. В листке лопуха принёс. Маштаков старательно промазал дёгтем сапо-

ги, наутро задубевшая кожа отмякла. Попутно резкий скипидарный запах приглушил гнилой барачный смрад.

Самым приличным предметом обмундирования оставалась кожаная куртка. Днём в ней стало жарковато, но пар, как известно, костей не ломит. И как только язык повернулся заикаться о её продаже?

Бытовые хлопоты приподняли настроение. Мало-помалу возвращались силы.

А ночной вопрос продолжал зудеть, настоятельно требуя ответа. Так и пришлось Маштакову вытаскивать из вещмешка свёрток с наследием Кипарисова. Отвердевшие узлы на платке развязываться отказывались, понадобилось зубы в ход пускать.

Воинский билет раскрыл тайну имени семинаристанедоучки. Оно оказалось соответствующим. Ипатий. Папаша-священник расстарался.

В Вербное воскресенье в госпиталь пожаловал ротмистр Загибалов-Лось. За прошедшие мирные дни он не просто вернул себе былое великолепие, он его умножил за счёт обновки.

На ногах обозника поскрипывали щегольские гусарские ботики с фигурными вырезами и розетками на верхней части голенищ. Огромные шпоры спадали до низа каблука. Для особой мелодичности звона в каждую была добавлена пара серебряных колечек.

Морской бриз ласково шевелил холёные бакенбарды на

бульдожьих щеках важной персоны.

Порог барака начальник нестроевой команды не переступил. Самоварно упёр руки в боки напротив сидевшего на «завалинке» Маштакова.

– Кейфуете, штабс-капитан? Курорт себе устроили!

Пулемётчик чихнул и почесал сизый рубец на правом боку. Костлявые плечи пылали алым, с солнечными ваннами «курортник» явно переусердствовал.

– Извольте встать, когда к вам старший в чине обратился!

– Устав освобождает больных от выполнения строевых приёмов, господин ротмистр, – в ответе Маштаков совместил твёрдость и почтение.

– Заступаете в патруль. Приказ полковника Ерогина. В шестнадцать тридцать быть у ворот в опрятном обмундировании, бритым и подстриженным. Повторите!

Штабс-капитан вновь не полез в бутылку, воспроизвёл распоряжение близко к тексту.

Возможность развеяться обрадовала. Лишь бы ноги не подвели в разгар несения службы. Но служба как таковая пока далече. Сперва надо решить ближние задачи, одна другой заковыристей. Сподобиться побриться и подстричься.

Разногласий насчёт причин рекрутирования соседа по «палате» у других больных не возникло. Похоже, смена верховной власти, о которой второй день кричали передовицы газет, сулила волнения.

8
22 марта 1920 года
Феодосия

Антон Иванович придвинул чистый лист бумаги, окунул перо в чернильницу и, торопясь, словно его подгоняли, начал писать.

Приказ, датированный сегодняшним числом, уже имел номер. Его первым параграфом генерал-лейтенант барон Врангель назначался главнокомандующим Вооруженными силами Юга России.

Было желание ограничиться этими двумя строками, но Деникин, подумав, решил – документ за № 2899 – исторический, в нём обязана присутствовать душа автора.

К клювику стального пёрышка что-то пристало, должно быть бумага оказалась рыхловата. Генерал поднёс ручку к глазам, намереваясь снять ворсинку. Впитавшаяся за годы службы в плоть и кровь штабная культура обязывала исполнить текст безукоризненно. Далёким потомкам (хочется верить, что – благодарным) предстоит разглядывать пожелтевший от времени артефакт в музее.

На бумагу грешил зря. Виною оказалась слеза, замутнившая взор. Антон Иванович медленно снял очки и промокнул глаза платком.

Нужные слова родились в унисон с участившимся сердцебиением.

«Всем честно шедшим со мною в тяжёлой борьбе – низкий поклон. Господи, дай победу армии, спаси Россию».

Подпись получилась растянутой и вялой, хвостик загнулся вниз. Отрекшийся от власти главком минуту просидел в тишине. Препарировал ситуацию. Нельзя хлопнуть дверью молча. Уход по-английски будет воспринят, как личная обида. Преемник заслуживает напутствия. Опять же для истории.

На свежий лист легла короткая фраза: «Благословляю генерала Врангеля на его трудный путь».

Звонком Деникин вызвал порученца, молча передал бумаги. Как ими распорядиться, полковник Колтышев знал. Минуя машинописное бюро, минуя шифровальщика – в аппаратную. Адресат обеих телеграмм – генерал Драгомиров.

Деникин вновь остался один. Шторы плотно задёрнуты. В гостиничном номере полумрак. Освещён лишь угол с письменным столом.

Итак, Врангель. Получается, барон взял верх в ожесточённом споре о стратегии борьбы с большевиками, который они вели на протяжении целого года.

Язвительных мыслей, наподобие: «Пусть теперь покомандует, раз так рвался к власти», не возникло. Охватила безмерная усталость, будто после ломовой физической работы, с которой Антон Иванович был незнаком. Но разве солдат-

ский труд легче крестьянского или пролетарского?

Отвлекаясь от чёрных дум, Деникин похвалил себя за то, что, решая государственные задачи, выкроил время позаботиться о родных и близких. Заранее вывез в Константинополь супругу Ксению Васильевну с годовалой дочкой Мариной. Совокупно пришлось взять на себя заботу о семействе Ксении. В эмиграцию отправились её мать, отчим и дед. А ещё дети покойного Лавра Георгиевича Корнилова и Наденька Колоколова, осиротевшая дочурка одного из боевых соратников.

Забота об этих людях, которые сейчас ютятся в двух комнатках русского посольства, легла на изнурённые генеральские плечи. Средства к существованию ограничены скромными накоплениями Антона Ивановича. Другой профессии, кроме военной, у него нет. Вся надежда на литературные заработки. Удастся ли прожить писательством на чужбине?

* * *

Полковник Роппонет обвёл скептическим взглядом ударников, назначенных в оцепление.

– Инвалидная команда. М-да…

Подтянутый артиллерист с рубиновым «владимирским» крестиком на груди и саблей с георгиевским темляком на боку контрастировал с расхристанной шеренгой выздоравливающих. Кое-кто в ней пошатывался, словно колыхаемый

ветром. Другие давились сухим кашлем. Низкорослый замыкающий опирался на палку.

На общем фоне Маштаков с Цыганским выглядели чуть ли не лейб-гвардейцами.

– Ваш пост на набережной, господа офицеры. Заступайте и стойте, пока я вас не сниму.

Правая сторона лица поручика Цыганского забинтована. Досталось ему в день эвакуации. При обороне станции Гайдук крохотный осколочек гранитной щебёнки, вздыбленной разрывом вражеского снаряда, срезал верхнее веко, контузив глазное яблоко. Сам глаз не вытек чудом. Рана, пустяковая с виду, была препоганой.

– Или дёргает, как будто раскалённый гвоздь в висок забивают, или чешется, хоть на стенку лезь, – пожаловался поручик.

– Глаз-то видит? – Маштаков страдальчески морщился, примеряя на себя злосчастье однополчанина.

– Доктор пока не разрешает повязку снимать. Я не тороплю. Боюсь потому что, Михаил Николаевич. Кривой кому буду нужен? Признáют нестроевым, помру не с голодухи, так с тоски.

– Ты останешься в строю, Анатоль! Мы без тебя пропадём, – как мог, успокаивал штабс-капитан.

Их отношения были приятельскими. Добровольческую карьеру оба начинали рядовыми в офицерской роте.

Цыганский вступил в полк в Харькове летом прошлого го-

да. Выносливый, бойкий, смелый, он быстро проявил себя в деле. По заслугам дважды переводился с повышением в первый батальон. Правда, вскоре возвращался в родную «дисциплинарную». Старые корниловцы, кичившиеся своим «первородством», отторгали командиров из числа неофитов.

Но популяция походников [45] неуклонно таяла от боевых потерь и болезней. В очередной заход Цыганский прижился в третьей роте. Даже обязанности помощника ротного командира там исполнял.

По дороге поручик делился новостями. Рассказал о самоубийстве капитана Кромова.

– Вы, помнится, с ним были знакомы?

– Эх, Сергей Васи-ильич, – горестно завздыхал Маштаков.

Ему чертовски жаль молчаливого сухощавого офицера с ястребиным профилем, с которым они бежали из бандитского плена. Это Кромову он обязан зачислением в полк мимо реабилитационной комиссии. Капитан поручился за нового соратника честью.

– Если уж идейные не выдерживают, какой спрос с нас, плебеев? – бормотал Маштаков себе под нос. – Зачем?! Сергей Васильич, зачем? Суда за неисполнение приказа испугался? Ну, сняли бы тебя с батальона. Ну, в чине бы понизили. Но не расстреляли бы?

– Как знать? – Цыганский, оказывается, всё слышал. –

[45] Походники – участники 1-го и 2-го Кубанских походов Добровольческой армии.

Мелким сошкам каждое лыко в строку ставится. Мы ж не «олимпийцы»! Вот кому всё с рук сходит. Разве кто-то из них ответил за новороссийскую катастрофу? Кого-то под суд отдали? Вряд ли даже пожурили. Ваше счастье, Михаил Николаевич, не видели вы по болезни, какой ад творился в порту.

– Упокой, Господи, душу раба твоего Сергея, невзирая на свершённый им тяжкий грех, – штабс-капитан на ходу обнажил голову и размашисто перекрестился.

Остановились на перекрёстке в виду гостиницы «Астория», чью охрану несла Особая офицерская рота. Элитное подразделение было укомплектовано чинами, прошедшими через Кубанские походы и вернувшимися в строй после ранений.

Преданные отставному главкому бойцы надёжно – мышь не проскочит – оцепили вход в «Асторию». Их жёлточёрные фуражки смотрелись подсолнухами, надолго опередившими сезон созревания.

Задрав головы, Маштаков с Цыганским в три глаза разглядывали огромное здание. Пять этажей были возведены в новаторском стиле модерн. Фасад украшали статуи и вазы, на крыше высилась пара башенок с ажурными куполами.

– Говорят, самый большой дом в Феодосии. Всё, как в Европе. Даже лифт есть. Михаил Николаевич, вы на лифте катались?

– Бывало.

– Счастливчик. А мне не довелось.

– Попросите у «особистов». Вдруг разрешат.

– Смешно. Как вы их назвали? «Особисты»? Холодает, однако, – Цыганский передёрнул литыми плечами. – Бр-р…

Вечерело. Оранжевое солнце, смирившись с неизбежным, медленно тонуло в море. Описывать словами палитру заката – занятие бессмысленное. Дивная картина подвластна исключительно кисти знаменитого художника Айвазовского, который, к слову, здесь в Феодосии родился и умер.

Маштаковскую хромовую куртку посвежевший ветер не пробирал, однако в мотне противным сквознячком пошаливал. Не комильфо без нижнего белья в марте месяце. Даже в Крыму.

Цыганскому ещё хуже. Он уже не ёжился, он уже зубами полязгивал. Поручик заступил в наряд в одной рубахе, правда, в шерстяной. Шинель осталась в роте, а рота умотала за сто вёрст в Симферополь.

– Как вообще нам доверили заботу о высочайшей особе? Пусть даже во второй линии оцепления? – боль поотпустила, и Анатолий вновь сделался разговорчивым. – В Новороссийске слух прошёл, будто кто-то из наших готовит покушение на Царя Антона. Так он стремглав к англичанам под крылышко нырнул. Поставили бы сюда «дроздов». Этим за счастье выслужиться! Они же – «латыши» Деникина. Мне вчера рассказали, как они в Севастополе за него глотки рвали на генеральском совете.

По сути корниловское усиление носило бутафорский характер. Цыганский вооружён трёхлинейкой с примкнутым штыком. Патронов ему не выдали. Кобура на боку Маштакова холостая. Наличие карманного браунинга штабс-капитан на разводе скрыл. Резонно подумал – отберут, ищи-свищи потом.

Поручик на полуслове умолк. Сморщился, как от кислятины. Застонал сдавленно. Ладонью принялся тереть через бинты надбровье, пытаясь унять зуд в недрах глазницы.

– У-у-у…

Маштаков отвернулся. Занял себя разглядыванием достопримечательностей Генуэзской улицы. От местных он знал, что это главная улица города. Широкая и полностью вымощена булыжником. Застроена солидными каменными домами. На том, что примыкал к «Астории», растянулась вывеска «Петербургский Международный Банк». По краю тротуара ровненько высажены деревья. Там же уличные фонари, их шпале́ра [46] пореже. Прохожих мало, время военное, да и темновато уже. Светильники не зажжены, надо думать, из экономии.

Охрана у входа гостиницы умолкла и подтянулась. Верный признак того, что на подходе начальство.

– Подберёмся-ка поближе, – Маштаков проявил любопытство к историческому событию.

Всего на десяток шагов удалось корниловцам приблизить-

[46] Шпалера – ряд, шеренга (устар.).

ся к эпицентру. Сурового обличия «особист» в коричневой шинели осадил их властным жестом.

Из подъезда вышли двое военных. Первый, с купеческим брюшком, был хорошо знаком по осваговским [47] портретам. Клинышек бородки выбелен благородной сединой. Сохранившие природный чёрный цвет длинные усы, обычно торчащие вразлёт, сейчас уныло обвисли. Деникин был одет в серый плащ-накидку без погон.

«Видимо, правда, боится покушения, раз конспирируется», – логический вывод Маштаков оставил при себе.

На шаг от Антона Ивановича отставал осанистый генерал в двубортном серо-голубом пальто. У него были отёчные щёки, коротко подстриженные усики и сердитые глаза навыкате.

– Романовский! – громко шепнул поручик, – Вот он злыдень! Драпает…

Свергнутых с Олимпа «богов» поджидал автомобиль, в который они уселись с проворством, завидным для их солидных комплекций. Хлопнули дверцы и авто рвануло в направлении порта. Поспешивший за ним рысью конвой состоял из четырёх всадников.

– Финита ля комедиа! Генералы бегут за границу, чтобы писать там мемуары о своих подвигах, – к бедняге Цыганскому вернулось красноречие. – А рядовым бойцам предсто-

---

[47] ОСВАГ (Осведомительное Агентство) – информационно-пропагандистский орган ВСЮР.

ит до конца расхлёбывать кашу, которую их превосходительства заварили. Правильно я говорю, Михаил Николаевич? Царь Антон сулил нам скорую победу, а сам всё просрал. По какому праву он сам себя в почётную отставку отправил? Не справился с командованием армией? Ладушки. С полком-то, поди, должен справиться? Воюй дальше, генерал!

– Он старый, чтобы с нами по степям рысачить.

– Ничего страшного! Заодно жирок сбросит. А то с них всё как с гуся вода.

– Они оба заплатят, Анатоль, – многозначительно намекнул Маштаков. – Каждый по своему счёту. Один, причём, очень скоро.

– Вы опять прознали какой-то секрет, господин капитан, – у поручика заблестел единственный глаз. – Как тогда в Орле с заминированным дворцом Скоропадского! [48] Приоткройте завесу тайны. Я настаиваю!

– Да что я могу знать? Мелю всякую чушь. После тифа в голове каша.

– Предскажите тогда что-нибудь попроще. Например, когда нас снимут с поста? – Цыганский легко сменил тему разговора. – Жрать охота, мочи нет. У вас сухаря случаем не завалялось?

– Увы. Но есть деньжата от продажи часов. С утра намерен совершить вылазку на рынок.

– Возьмите меня в пайщики, Михаил Николаевич.

---

[48] Об этом можно прочесть в романе М. Макарова «Зона комфорта».

– Отставить болтовню, поручик. Разводящий на горизонте.

Изящный, будто вырезанный из картона силуэт полковника Роппонета красиво, с чёткой отмашкой правой руки вышагивал на фоне богатых красок догоравшего заката. Аккомпанементом его маршу был кликушеский плач чаек.

На рейде меж плавучей «мелюзги» выделялась подсвеченная сигнальными огнями громада «Императора Индии». Броненосец готовился к отплытию. Деникин с Романовским уже поднялись на борт. Их свиту англичане не приняли.

Вероятно, сочли – не по Сеньке шапка. Другой причины отказа не было, места на дредноуте хватало с избытком. Бывшие адъютанты нашли приют на французском миноносце, стоявшем с холодными котлами. Никто не предполагал, что это маловажное обстоятельство сыграет на руку террористу, задумавшему свести счёты с тем, кого окопное офицерство назначило злым гением Добрармии.

9
15–23 марта 1920 года
Феодосия

Линия дач, повторяя изгибы морского побережья, уходила за мост, за урочище Ташлык, а потом за железнодорожное полотно, где тянулась дальше, до самых казарм Рожнова.

За шикарным двухэтажным особняком табачного фабриканта Майтопа, на берегу речки Байбуга́, вблизи её устья, находилась дача инженера путей сообщения Чалаева. Сам инженер, не познав горестей мировой войны и ужасов русского бунта, достигнув преклонных лет, удачно отошёл в мир иной в благословенном 1913 году. Его вдова, нуждаясь в средствах, сдавала комнаты в наём.

В марте г-жа Чалаева по рекомендации давней подруги Натали Трефиловой пустила на лето её племянницу Ирину, бежавшую от большевиков. Племянница пожаловала с материка не одна. Помимо малютки сына, при Ирине имелся представленный её мужем Георгий Поликарпович Курганов, габаритный, бородатый, вечно голодный господин, ряженный под простолюдина, с плохо скрываемыми замашками хваткого негоцианта.

Вторая пара, ещё более странная, состояла из Светланы Петровны Баженовой и Алекса Пляскина. Непонятно, кем

приходилась молодому красавцу с внешностью английского денди завядшая светская дама, носившая траур по сыну-офицеру. То ли любовницей, то ли компаньонкой. Возможно, здесь обе ипостаси присутствовали.

Зато понятной как пареная репа была харьковчанка Антонина Васильевна, в прошлом кухарка, теперь прислуга за всё.

Не успели гости разобрать вещи, как получили пополнение в свои ряды. В ворота требовательно постучался гвардейский полковник. Смуглолицый, горбоносый, он выглядел щёголем до кончиков ногтей, если не брать во внимание закованную в гипс ногу и обшарпанные костыли.

Но и этим дело не закончилось. На следующее утро объявилось ещё двое господ. Торопясь открыть им дверь, схватившийся за сердце Курганов охнул: «контрразведка». Полномочия новоприбывших оказались столь исключительными, что великолепный лейб-гренадёр без спора освободил для них мезонин. Поспешную ретираду полковник объяснил тем, что ему затруднительно скакать на костылях по крутым лестницам.

Старший контрразведчик назвался Аверьяном Аполинарьевичем. Был он молчалив и чрезвычайно силён физически. Играючи перекрестился двухпудовой гирей, год назад забытой на веранде постояльцем из цирка шапито.

Его подручный, щекастый, губастый увалень лет сорока, одетый в длинную синюю поддёвку со сборами на пояснице

и высокий картуз с лаковым козырьком, старательно прикидывался добряком. Этот выказал завидную сноровку в растопке самовара.

От внезапного многолюдья почтенная вдова сперва опешила. К счастью, квартиранты оказались людьми приличными. Попоек и скандалов не устраивали. За проживанье заплатили вперёд. И даже в меру способностей помогали по хозяйству – кто от скуки, а кто по привычке.

Бесценной помощницей оказалась Антонина Васильевна. Переболев в Новороссийске тифом, она быстро поставила себя на ноги. Разлёживаться ей было недосуг. Страстную неделю труженица начала, как полагается, с уборки дома. Управившись, подбила хозяйку съездить на рынок за провизией. Близившееся Христово воскресенье обязывало позаботиться о праздничной трапезе.

Экспедицию затруднило, но не отменило дальнее расстояние.

– В прежние времена сюда пароконные фаэтоны из города с ветерком катали, – ностальгировала вдова. – За проезд брали сорок копеек днём и шестьдесят ночью.

– Батюшки, и тогда была дороговизна! – прислуга меряла жизнь по своим доходам.

Вернулись к полудню с увесистыми кошёлками. Перетаскав припасы на кухню, Антонина Васильевна, обуреваемая неким безотложным посылом, заторопилась во двор. Гулявший там Курганов пытался убаюкать младенца.

– Георгий Поликарпыч, кого я нонче на базаре встреи́ ла… Вы не поверите!

Об обещании помалкивать, данном часом ранее, женщина забыла напрочь.

– Кого? – Курганов перестал качать коляску.

Хныкавший ребёнок в тот же миг разрыдался.

– Ирэн, забери его! – перекрикивая наследника, зло гаркнул любящий отец.

Ирина вышла непричёсанная, с бесцветным измученным лицом. Тягуче зевнула.

Толкнув коляску в её сторону, Курганов подцепил под локоть кухарку и увлёк за угол. Какую бы ересь ни собиралась поведать дражайшая Антонина Васильевна, она дала повод освободиться от постылого ярма няньки.

– Слушаю тебя.

– Ой… Вот прямо так, носом к носу, столкнулася я с тем штабс-капитаном, Витеньки нашего покойного команде-ром, который давешним летом на Соборной у нас гостил. Фамилию евонную я не знаю, и тогда не знала. А звать его, кажись, Михал Николаич. Вы ещё ругалися на него, Георгий Поликарпыч, говорили, что он альфу́с…

– Альфонс. И чего он там делал?

– Так, в рыбном ряду толокси. Приценивался к чему подешевше. С им ещё офицерик был, одноглазый. Оба худющие, грязные, как побирушки. Штаны дырявые, сапоги каши просют… Сообчил, что он в околотке бедует… Чи ранетый,

чи хворый…

– И ты, добрая душа, конечно, сказала ему, что Светлана Петровна в Феодосии?

– Сказала. Не надо было? Ой, дура я, дура! Я ить, жалеючи, в гости его позвала.

– Он принял приглашение?

– Сказал, как силёнок наберётся, придёт проведать.

– Языку твоему, Антонина, поганая метла позавидует! Наболтала ты зря. Но слово не воробей, обратно не поймаешь. Теперь рот на замок и никому больше! Светлане Петровне, в том числе. Ни полслова! Проболтаешься – вылетишь на улицу! С поросячьим визгом вылетишь!

– Ой, куды ж я в чужом краю подамси?

– Это если проболтаешься. А будешь держать язык на привязи, будешь и дальше как у Христа за пазухой барствовать на генеральской даче. Побожись, что не расскажешь.

– Вот вам крест! – преданно тараща глаза, женщина осенила себя знамением.

– Ладно. Поверю. Ступай на кухню, поторопись с обедом. Кишка кишке уже стучит по башке!

Двумя часами позднее, принося в жертву законный послеобеденный сон, Курганов караулил за воротами жильцов мезонина. Контрразведчики с рассветом уходили в город по своим тайным делам. Возвращались в разное время, злющие.

– Викентий Викторович! – тяжёлым галопом дозорный ринулся к старшему агенту.

Напоровшись на испепеляющий взор, осёкся:

– Извините… Не привыкну никак… Не запомню… Память слабая стала от недоедания…

– Переходи к сути, Жорж!

Курганов пересказал новость, принесённую на хвосте прислугой.

Адуев воспринял её спокойно:

– Совпадение не случайно. Полагаю, ваш приятель Маштаков здесь с той же целью, что и я. Что ж, появился шанс задать ему вопросы, которые при прошлой встрече помешал поставить один скользкий господин. Проявим гостеприимство. Когда Маштаков заявится, немедленно сообщите мне или Порфирьичу. Если нас не будет, задержите его до нашего возвращения. Любым способом! Надо будет ночевать оставить, оставляйте. Хоть в койку к Баженовой кладите.

– Она ещё слаба после болезни.

– Ничего. Ей надо взбодриться. Сколько можно хандрить? Я шучу, Жорж. Где ваше хвалёное чувство юмора? Можете не отвечать. Что у нас с путешествием за море? Поговорили с раненым героем?

– Да какой он раненый, Аверьян… э-э-э…

– Аполинарьевич.

– Да-да, спасибо, извините. Его, оказывается, корниловцы в порту мобилизовали. Он – бежать. Когда лез через забор, упал. Весь его подвиг. Расспросил, конечно. Говорит – нужен Анатолий Кузьмич, который паспортами заведует. Это

второй полковник, его друг. Он должен сюда прийти. У них так договорено было.

– Что ж, надеюсь на вас, Жорж. И перестаньте уже путать меня с другими, – глядя в глаза Курганову, контрразведчик пальцами сжал его рыхлое плечо.

Тот охнул от боли и просел в коленях.

10
18–24 марта 1920 года
Феодосия

Адуев с Порфирьичем рыскали в поисках золота Русско-Азиатского банка. След давным-давно остыл, сыскачи шарили вслепую. Делали много лишних ходов. Попадалí и в передряги. Одна из катавасий увенчалась пальбой. К счастью, потери понесла другая сторона, портовые мазурики.

Для феодосийского КРО [49], куда Адуев наведался в первый же день, они устанавливали связи красного шпиона Макарова. Опальный адъютант Мая благодаря прессе приобрёл скандальную известность, поэтому приезд коллег из Севастополя местных не удивил. Их насторожило рвение гостей. Возникли вопросы, на которые пришлось давать развёрнутые пояснения.

– У нас вакансия по должности начальника, – Адуев убедительно разыграл откровение. – Отчего бы её не занять мне? С грядущим приходом к власти барона Врангеля отношение к чинам корпуса [50] изменится кардинально. Во главе контрразведки армии будет поставлен генерал Климóвич.

---

[49] КРО – контрразведывательное отделение.

[50] Имеется в виду Отдельный корпус жандармов, политическая полиция Российской империи.

Помните его приоритеты, ротмистр? Евгений Константинович бездельников не жалует. Хочу показать его превосходительству товар лицом.

Четверо суток пахоты вхолостую были вознаграждены серьёзной удачей. Нашёлся помощник машиниста из паровозной бригады поезда командармдобра.

Причина, по которой он застрял в Феодосии, была простой. Свалился в тифу. Когда выкарабкался, обнаружил, что родной Царицын под красными. Возвращаться домой страшновато, комиссары обязательно спросят за службу у Деникина. Да и через фронты как пробраться? Осмотрелся. Молодые рукастые мужики в цене. Сошёлся с пригожей домовитой солдаткой, зарабатывавшей на жизнь выделкой пакли. Сперва ей подсоблял, потом устроился в депо, обезопасился от мобилизации.

Беседа с ним не заладилась. Словесные угрозы дюжий паровозник игнорировал. Заявил, что кулака Порфирьичева не боится.

В стойле [51] громыхали железом хмурые работяги в грязных брезентовых робах. Раздувать кадило в чужой епархии было чревато.

Посему Адуев подобрал к фигуранту деликатный ключик:

– Егорушка, ты ведь приказ злостно саботируешь. Какой? Ты знаешь какой. Все машинисты на строжайшем учёте состоят. Спрос на фронте на вашу братию велик. А ты прики-

[51] Помещение паровозного депо, приспособленное для ремонтных работ.

нулся башмачником. Или чем ты тут промышляешь? Костыли забиваешь? Сладко тебе под бабьей юбкой? Так я могу сию минуту коменданта известить. Что будешь делать? В бега ударишься? С намóленного-то места?

– Спрашивайте, – парняга хрустко поскрёб косматый затылок. – Вспомнить бы только. Вы б ещё, господа хорошие, через год заявились.

Совместными усилиями они оживили тот хмурый декабрьский день, когда бригада перегнала «сормовцев» [52] из Севастополя в Феодосию. Сопровождал состав адъютант генерала Май-Маевского. На станции товарный вагон опорожнили и перецепили к другому эшелону. Паровозы с машинистами поступили в распоряжение коменданта станции. Разгрузкой вагона заведовал здешний чиновник.

– Как найти его? – Адуев, волк в овечьей шкуре, предпринимал титанические усилия, чтобы клыки из-под верхней губы не вылезли.

– Чего его искать-то? Тут он.

– Имя-фамилию назови.

– Сперва пообещайте, что меня не выдадите. Ну и, что отстанете.

– Продолжишь нам помогать, будем дружить. По рукам?

– По рукам, – простая душа Егор протянул чумазую лапу.

Адуев с улыбочкой указал на неё глазами Порфирьичу:

– Удостоверь нашу сделку, милейший.

---

[52] Пассажирский паровоз конструкции Сормовского завода.

После того, как вербальный договор скрепило рукопожатие, машинист сообщил:

– Звать Леонтий Модестыч. Сидит в конторке. Которая в па́ке.

– Пака это?

– Я знаю. Тьфу, – Порфирьич харкнул на ладонь и принялся рьяно тереть её платком. – Пойдёмте.

На улице он понюхал пятерню и гадливо перекривился:

– Теперича от мазуты евонной хрен отмоешься!

Приземистое здание пакгауза растянулось вдоль запа́сного пути. Вход в контору был с торца. Внутри за стойкой сортировал бумаги длинноволосый долгоносый человечек невнятного возраста. Облачён он был в тёмно-зелёную форменную тужурку. На чёрном бархате околыша фуражки скрестились бронзовые топорик и якорёк, эмблема казённых железных дорог.

Человечек побледнел, как известь, узнав, откуда гости. Вытянулся, руки к бокам припечатал, отрекомендовался официально:

– Агент по экспедиции багажа и товаров Разум.

Несмотря на свою мизерабельную[53] наружность, служащий выказал характер. Отказался подчиняться без ведома начальника станции.

Засопел, привычно засучивая рукава, Порфирьич. Адуев его остудил. Устрашить просто. Можно напугать так, что че-

[53] Мизерабельный – невзрачный, жалкий (устар.).

ловек имя собственное забудет. А этот божий одуванчик нужен в здравом уме и твёрдой памяти.

– Тогда пройдёмте к начальству, – контрразведчик изрёк тоном, не терпящим возражений.

С начальником станции они уже были знакомы. По требованию Адуева тот искал (и не нашёл), куда в первых числах декабря отправились паровозы из генеральского поезда, а с ними – обслуга.

«В распоряжение отдела военных сообщений Добровольческого корпуса», – полученная отписка завела в тупик, тогда как ларчик, как сейчас выяснилось, открывался просто.

– Почему вы скрыли от меня существование господина Разума? – выкатывая слова-булыжники, контрразведчик делал зловещие паузы.

Цвет растерянной физиономии железнодорожника по красноте сравнялся с колером тульи его нарядной фуражки.

– Вы меня спрашивали об ином, – залепетал усач в своё оправдание, – Я правдиво ответил на все ваши вопросы. Содействовал как мог.

– Надо мыслить шире. Не держаться за стенку, аки слепец. Надеюсь, вы затруднили нашу работу по скудоумию, а не в целях пособничества врагу. Дайте указание подчинённому!

– Господи, какое пособничество? Как вы могли подумать? Леонтий Модестович, незамедлительно дайте господам всё, что только им потребуется.

Провожая до двери, начальник станции квохтал:

– Всё будет в наилучшем виде! У Леонтия Модестовича каждый ордерок в своём гнёздышке.

По возвращении в пакгауз чиновник с пристальным вниманием выслушал Адуева. Одобрительно кивнул, реагируя на даты. Конкретика существенно облегчала поиск.

Медленно, вдумчиво кладовщик листал амбарную книгу. Ползал указательным пальцем по строчкам, сверху вниз и обратно. Не прошло и десяти минут, как он вскинул голову, победно встряхнул жирными волосами. За круглыми стёклышками очков горело ликование.

– Нашёл-с!

– Молодца́. Дальнейшие действия?

Адуев боялся, что бумагомарака разведёт руками. Увы-с! Без малого четыре месяца минуло…

Но Леонтий Модестович целеустремлённо повёл на склад. Когда вошли, закрыл ворота и заложил их изнутри тяжёлым засовом.

В лабиринте стеллажей и штабелей разнородного имущества он ориентировался наизусть. Прокладывая путь, поднял облако пыли. Выглянул из-за пирамиды ящиков. Теперь он был похож на сказочного гнома, хранителя несметных богатств.

– Здесь! – указал на полутёмный угол, доверху заложенный объёмистыми связками бумаг.

Вперёд шагнул Порфирьич, его сольный выход. Кряхтя, начал разбирать завал. Ножом располосовал шпагат на вы-

бранной наугад пачуґе. Освобождённые от пут бумаги рассыпались с испуганным шелестом.

Стопку листов Порфирьич вручил для проверки Адуеву. Тот мельком просмотрел. Что тут у нас? Копии приказов по штабу армии. Служебная переписка аж за май девятнадцатого. В общем, канцелярщина, утратившая какую-либо ценность.

– Можно поаккуратней? – пискнул «гном».

Адуев швырнул бумаги на пол.

– Ориентируйся по весу.

Порфирьич задачу понял. Стал одну за другой перекидывать вязки в сторону. Пылища взвилась до самого потолка, заставив Адуева расчихаться. Он попятился к дверям за глотком свежего воздуха.

– Господин полковник! Тут эта…

Адуев остановился. Глаза слезились. В носу свербело нестерпимо. Заломило в затылке, в висках. Проклятая аллергия!

Пять пачек оказались гораздо тяжелее остальных. Каждая тянула фунтов на семь [54]. Чуть меньше весил один золотой слиток из числа разыскиваемых.

– Проверь.

Отгородившись спиной, будто ширмой, Порфирьич склонился над вызвавшей подозрение связкой. Затрещал разрываемый шпагат, захрустела бумага. Воровато оглянувшись,

[54] 3,18 кг.

унтер проверил, где соглядатай. Адуев успокоил жестом – не видит.

Порфирьич молча выпрямился. В руках он держал брусок жирно-жёлтого цвета с вдавленным клеймом на боку.

У Адуева воробьём затрепетало сердце. Неуж?! Усилие понадобилось, чтобы радость не вырвалась из клетки.

– Верни обратно.

В сердцевине бумаг зияла ниша, вырезанная под нужный размер. Примитивность и ненадёжность тайника говорили о том, что сработавший его находился в условиях цейтнота.

Другие тяжёлые вязки потрошить не стали. Иного объяснения их аномальному весу быть не могло. Вдвоём с максимальным усердием, толкаясь локтями, перебрали пирамиду до основания. Остальные пачки летали, как пёрышки. Количество связок с драгоценной начинкой осталось прежним. Пять.

– Вот эти…кх… документы я изымаю, – Адуев пытался говорить равнодушно.

– Расписочку извольте, – кажется, чиновник ничего не заподозрил.

Удостоверяя свои полномочия, контрразведчик воспользовался резервным документом. Того, кто может пойти по их следам, этот финт ненадолго уведёт в сторону.

Добычу вынесли на пандус, охранять её был оставлен Порфирьич. «Гном» с Адуевым переместились в конторку.

– В том вагоне было ещё имущество. Где оно?

– Ящики. Восемь штук. Но их получили-с, – хрупкий палец с чёрной каёмкой под ногтем поехал по графам. – Двадцать пятого января-с. Капитан Листовский Вэ Фэ. За получение они расписались. Вот-с.

Адуев отвернулся, пряча реакцию. Для верности пришлось задействовать носовой платок.

«Ах, наглец адъютантишка! Моими данными назвался. Персональное адью[55] ручкой сделал! Отчество не знал или забыл, потому «Фэ». Каков прохвост! И не трус, отдаю должное. После побега рискнул заявиться сюда и основную часть груза выцарапать. Копаться в архивных залежах не стал, времени не имел на раскопки».

– Как выглядел этот Листовский? – отсморкавшись, промокнув слёзы, Адуев возобновил расспросы.

– Виноват, не помню-с. Ящики хорошо помню. Были выкрашены зелёной краской. Небольшие, но весьма тяжёлые. Каждый опечатан сургучной печатью. Содержимое в реестре не указано.

Ещё пару минут потеребил контрразведчик Леонтия Модестовича. Ни одной детальки более не вытряс. Годами службы чиновник был натаскан на документы и вещи. Люди были для него на одно лицо.

«Пусть и меня не запомнит», – резюмировал Адуев, прощаясь.

Подчинённого он обнаружил с незнакомым выражением

---

[55] Адью – прощай, до свидания (франц.).

на губастой «вывеске». С философски задумчивым. Причина рефлексии лежала на поверхности. Госпожа алчность! «Мыслитель» нуждался в курсе интенсивной терапии.

– В одиночку тут не справиться. Ни мне, ни тебе, Порфирьич. Без меня тебе не уйти за кордон. А без тебя у меня спина открыта. Давай и дальше жить в мире и согласии. Один слиток – твой. Получишь, когда на пароход взойдём. Чтоб тебе не думалось о плохом. Условия принимаются?

Унтер не стал оправдываться, дескать, он и в мыслях дурного не держал. Энергично тряхнул мясными подбородками, соглашаясь.

Для перевозки трофеев нужен был транспорт. Из кабинета начальника станции Адуев протелефонировал в местное отделение контрразведки. В распоряжении феодосийцев, помнится, имелся дряхленький «фордик».

– Окажите содействие, ротмистр. Мы с уловом. Изъяли шрифты для подпольной типографии.

– Поздравляю, господин подполковник. Объявились вы кстати. Для вас «молния». Прочесть?

– Читайте. Раз вы приняли, какие теперь секреты.

– Срочно отзываетесь Севастополь. Тэчэка. Начальник КРО полковник Будогоский. Тэчэка, – офицер на другом конце провода сделал паузу, после которой добавил. – Похоже, генерал Климович заполнил руководящую вакансию.

– Кхм, – ответа впопад не нашлось.

– Так, может, шрифты нам оставите? Какой резон вам те-

перь усердствовать?

– Пришлите поскорее авто, ротмистр. С ног валимся от усталости.

Вступать в переговоры по телефону, да ещё при посторонних, Адуев не собирался. Собирался как можно оперативнее решить два вопроса. Где надёжно спрятать золото? И какую уважительную причину придумать для того, чтобы отвертеться от возвращения в Севастополь?

11
22–24 марта 1920 года
Севастополь

Первым шагом Врангеля на посту главнокомандующего ВСЮР стал ответ на ультиматум англичан.

Признавая, что без помощи извне борьба его войск становится невозможной, от прямых переговоров с противником барон отказывался наотрез.

Судьбу армии, флота, а также населения Крыма он отдавал на справедливое решение правительства Великобритании. При этом высказал убеждение, что англичане обязаны принять меры для обеспечения неприкосновенности антисоветских сил, учитывая их преданность общему делу стран Антанты.

Сделанное персонально ему предложение о приюте вне России Врангель полагал необходимым распространить на всех, кто предпочтёт оставление Родины принятию пощады от врага.

Срок для передачи Крыма большевикам, по мнению главкома, должен составить не менее двух месяцев. В течение этого времени союзники должны продолжать снабжать армию и население всем необходимым.

По своей сути послание носило характер мольбы о помо-

щи. Отказ обрекал на скорую и верную гибель десятки тысяч человек. Однако по интонации это была нота, в которой адресату в повелительной форме указывалось, что он обязан и должен сделать.

Радиотелеграмма улетела в Константинополь в день вступления барона в должность. Получателем значился британский адмирал Джон де Робек.

Реакция на обращение последовала в целом нейтральная. Корректный ответ джентльмена. Так или иначе содержавшаяся в нём фраза о том, что верховный комиссар Великобритании разделяет озабоченность русских союзников, была расценена обнадёживающе.

Для развития успеха Врангель откомандировал в Константинополь генерала Шатилова, свою «правую руку».

– Прояви лучшие дипломатические качества, Павлуша, – наедине главком обращался к помощнику по-дружески. – Блесни красноречием! Твоя задача – не позволить англичанам выйти из игры. Пусть втянутся в переговоры с «товарищами», увязнут в них. Нам с тобой нужно выиграть время. Надо привести армию и тыл в порядок, а корабли обеспечить углём на случай эвакуации.

Съехав с крейсера «Генерал Корнилов», Врангель обосновался в одноэтажном особняке с маленьким садом. Когда-то здесь была резиденция великого князя Алексея Александровича [56], последнего генерал-адмирала Российской империи.

---

[56] Великий князь Алексей Александрович (1850–1908) – четвёртый сын импе-

После его скандальной отставки, вызванной разгромом русской эскадры в Цусимском сражении, дом сменил несколько хозяев. Среди моряков особняк был известен как «Малый дворец». Располагался он удобно, на возвышенности напротив Владимирского собора – усыпальницы адмиралов.

Для поиска выхода из кризиса следовало осознать его масштабы.

Существенным подспорьем служил доклад, подготовленный генералом Махровым. За недолгое время нахождения на посту главного штабиста Пётр Семёнович проделал колоссальную аналитическую работу. Документ содержал множество толковых соображений. Состоянию вооружённых сил в нём давалась негативная оценка.

В Крым удалось перебросить около двадцати пяти тысяч добровольцев и десять тысяч донцов.

Казаки представляли собой деморализованные, безоружные и вдобавок безлошадные толпы. Станичников разместили в окрестностях Евпатории.

Добровольческие полки, сохранив винтовки и пулемёты, тяжёлое вооружение утратили. Артиллерия и обозы остались в Новороссийске. Люди были потрясены морально. Правда, начальники обещали привести их в чувство в кратчайший срок. Заверяли – вовсю кипит работа по реорганизации, укомплектованию и снабжению именных соединений.

Врангель проверил объективность докладов путём выбо-

ратора Александра II.

рочных смотров дивизий. Изменения в лучшую сторону действительно наблюдались, особенно хорошо показали себя корниловцы.

Фронт удерживался корпусом генерала Слащова, состоявшим из огромного количества мелких войсковых частей. Всего их насчитывалось до полусотни, цифра была приблизительной. Корпус имел в активе три с половиной тысячи штыков и две тысячи сабель. Слащов заявлял, что сил для обороны перешейков у него достаточно. То, что противостоящая ему тринадцатая советская армия числом превосходила его корпус вдвое, «Спасителя Крыма» не смущало.

Как военачальник Слащов устраивал главкома. Вызывали тревогу его моральные качества, усугублявшиеся пристрастием к вину. Злые языки утверждали, что вином дело не ограничивалось.

На довольствии в армии числилось более ста пятидесяти тысяч человек. Боевой элемент не превышал одной шестой части. Остальные были сугубые «рты» – раненые, больные, инвалиды, воспитанники кадетских корпусов и военных училищ, чины резерва и тыловых учреждений.

Миниатюрному в российских масштабах Крыму предстояло кормить всю эту громаду. Служивым людям надлежало регулярно выплачивать жалованье. Где взять финансы? Казна была пуста. Единственная экспедиция заготовления государственных бумаг не успевала печатать деньги, которые стремительно обесценивались.

Хлеба в городах уже не хватало. Цены на него беспрерывно росли. Не было угля, «голодал» не только флот, но и железнодорожный транспорт.

Богатейшие запасы обмундирования и снаряжения были брошены на материке. Огнеприпасов, в особенности артиллерийских снарядов, имелось ничтожно мало.

Уцелевшие орудия нечем было запрячь. Осталась без лошадей и кавалерия. Единственная конная часть – дивизия генерала Морозова – входила в корпус Слащова. Дефицит конского состава пополнить в Крыму не представлялось возможным. Тем более, что начались весенние полевые работы.

Дисциплина в войсках развинтилась. Пьянство и грабежи стали обычным явлением.

Дурной пример показывали представители генералитета, ударившиеся в политиканство. Больше всех доставляли проблем бывшие командармы Покровский и Боровский. В орбиту их интриг втягивались проходимцы разных мастей.

Смутьянов надлежало срочно выдворить за пределы Крыма.

* * *

Вспомнишь чёрта – и он появится.

– Ваше превосходительство, – штудирование документа прервал адъютант, – прибыл генерал Покровский. Просит принять. Говорит, имел с вами договорённость.

Врангель скрипнул зубами. После совещания о передаче власти Покровский перехватил его на лестнице. При свидетелях язык не повернулся отказать в личной встрече сподвижнику, только что рьяно поддержавшему твою кандидатуру. Вдобавок обоих слишком многое связывало.

Что ж, если трудного разговора не избежать, пусть он случится скорее.

– Просите.

Покровский вошёл бесшумно и плавно, будто вплыл. Стук шагов по паркету скрали горские сапоги из мягкой кожи. Генерал был одет кубанцем, иного обмундирования он не признавал. Чёрная черкеска, чёрный бешмет с тесным воротником-стойкой. На широкой груди к левому кармашку для газырей приколот орден св. Георгия, заслуженный на Великой войне.

Газеты и журналы того периода изобиловали описаниями геройств русских воинов. Подвиг лётчика Покровского остался в памяти благодаря его экзотике. Преследуя на «фармане» [57] австрийский «Альбатрос», поручик искусным маневром и выстрелами из маузера понудил врага сесть на землю. Без раздумий снизился сам и пленил совершенно исправный аппарат вместе с экипажем на виду подбегавших неприятельских цепей. Репортёры склонны к гиперболам, однако, зная фантастическую смелость Виктора Покровского, в правдивость истории верилось.

[57] «Фарман» – аэроплан, выпускавшийся в 1910–1916 годах.

Экс-авиатор бросил сжатую ладонь к виску:

– Ваше превосходительство, генерал-лейтенант Покровский прибыл по кадровому вопросу.

Барон требовательно осмотрел визитёра. Сегодня тот был не просто трезв, а свежохонек, будто только что снят с парниковой грядки. Выбрит до матового блеска, кончики усов лихо подкручены. Приятное амбре брокаровского [58] одеколона сопровождало щёголя. Подготовился к важной аудиенции он серьёзно. Значит, способен держать себя в узде, не в пример своему закадычному приятелю Боровскому, начинавшему день с большой рюмки водки.

– Располагайтесь, Виктор Леонидович, – Врангель решил обойтись без рукопожатия.

Обращение по имени-отчеству имело целью смягчить казённость приёма.

– Десять минут, – границы разговора были очерчены сразу.

– Ваше превосходительство, я получил распоряжение о передаче чинов формируемого мною полка. Конных – генералу Барбовичу, пеших – в Марковскую дивизию.

– Всё правильно. Выполняется мой приказ о переустройстве армии на регулярной основе. Время партизанских отрядов прошло.

– А что со мной, ваше превосходительство? Готов при-

---

[58] «Брокар и Ко» – одна из крупнейших парфюмерных фирм России начала XX века.

нять любую должность.

– Так уж и любую? Эскадронным же не пойдёте?

Покровский нервно сглотнул, маскируя обиду.

– Войск у нас теперь крайне мало, в особенности конных, – посетовал главком. – Свободного соединения для вас нет. Даже отдельной части не сыщется.

– Отправьте меня к генералу Улагаю. Я помогу ему навести порядок.

В тесной ловушке кавказского побережья в районе Туапсе и Сочи застряли Кубанская армия и примкнувший к ней четвёртый Донской корпус. Сорок тысяч отборных бойцов пятились к границе с Грузией под чахлым нажимом красных. Воевать казаки не желали, митинговали, мечтали о мире с большевиками.

– Исключено. После расправы над Радой вы для кубанцев персона нон грата.

Покровский зло сузил глаза. В них читалось: «Тогда в Екатеринодаре я действовал по твоему прямому указанию, Пётр Николаевич. Но теперь ты – главнокомандующий. А я – ноль без палочки».

– Готов выполнить любой приказ, ваше превосходительство. Вы же меня знаете. Столько вместе пройдено.

В том-то и дело, что барон слишком хорошо знал Виктора Покровского. Отдавая дань его уму, энергии и силе воли, ведал, насколько генерал неразборчив в средствах и склонен к авантюре. Одна только попытка продать за границу запа-

сы леса, подаренного армии царицынскими промышленниками и предназначенного для постройки укреплений, чего стоила! Ещё хлеще была затея учредить при своём корпусе валютный фонд.

В его частях борьба с большевизмом рассматривалась как способ наживы. Дурные инстинкты подчинённых Покровский не только не пресекал, он их поощрял. Его штаб напоминал стан разбойничьего атамана. Невежественная свита пьянствовала и творила произвол. Начальник штаба влияния на командующего не имел.

В период успехов, изрядно налимонившись, Покровский раздавал подручным хлебные должности: «Ты, Малеванов, назначаешься Московским генерал-губернатором! Ты, Сербин, – комендантом Москвы!» После дележа шкуры неубитого медведя Виктор Леонидович палил из револьвера в потолок, а казаки орали песни и качали своего «батьку» на руках.

Свидетелем подобных безобразий Врангель не был, о них информировали «доброжелатели». В общем контексте доклады звучали убедительно.

При этом войска, предводимые Покровским, одержали множество побед. Вчерашний лётчик успешно справлялся с командованием как корпусом, так и конными группами. Врангель ставил перед ним наиболее сложные задачи. Подчинённого ни разу не пришлось упрекнуть в неисполнительности или строптивости.

После того как в ноябре прошлого года барон по настоянию Деникина принял Добрармию, на посту командующего Кавказской армией его сменил не кто иной, как Покровский. В этой ипостаси он также показал себя достойно.

Так что основания обижаться у генерала имелись веские. Его, многажды проверенного рубаку, стоявшего у истоков Белого движения на юге России, горящего желанием продолжать борьбу, гонят прочь, как шелудивого пса.

Беседа тет-а-тет не поколебала решения, принятого главкомом. Начальникам, потворствующим грабежам и бессудным расправам, нет места в его армии!

Визитёр съёжился. Невысокий, визуально сделался ещё меньше. При этом глаза его остекленели. Генерал-изгой бурил взглядом высокопоставленного собеседника. Врангелю стало неуютно.

О патологической жестокости Покровского ходило много разговоров. Их бóльшая часть, конечно, была мифами. Но если правдой оставалась хотя бы толи́ка…

К барону понимание психического нездоровья ретивого подчинённого пришло в канун Великокняжеской операции [59]. Он приехал в расположение корпуса Покровского. От командиров других соединений, от того же Шатилова, поступали тревожные сведения относительно бесчинств бандитских шаек в ближнем тылу.

У Покровского царили тишь да гладь. На станции стоял

[59] Операция проходила в мае 1919 года.

чистенький поезд – питательный пункт княгини Урусовой. Рабочие ходили по струнке. Издалека здоровались, сдёргивали с голов картузы, кланялись.

За обедом Врангель поинтересовался:

– Как вам удалось добиться порядка?

– В отношении большевиков надо применять террор, самый беспощадный террор, – Покровский охотно поделился опытом. – Только таким путём можно добиться положительных результатов.

– А наличии шахт не мешает? Мне говорили, что в них прячутся красноармейцы и по ночам они совершают вылазки.

– Я приказал залить шахты водой.

– Надеюсь, сперва проверили, не было ли там людей?

– Зачем? Кто не спрятался, я не виноват, – ответу сопутствовало наисерьезнейшее выражение лица.

Вероятно, это была шутка. Её хватило, чтобы у Врангеля пропал аппетит.

…Исчерпана тема разговора. Повисла пауза, тягостная для обоих. Одетые по-кубански, генералы не были казаками по происхождению. Покровский – уроженец Нижнего Новгорода, барон родился в Ковенской губернии [60]. Для Кубани оба – незваные пришельцы с далёкого холодного севера. Тем не менее два года кряду именно они вершили судьбы каза-

---

[60] Северо-западная губерния Российской империи. Губернский город – Ковно (ныне Каунас).

чьего края. Покровский даже пытался избраться войсковым атаманом. Его амбициозную затею не поддержал Деникин: чересчур непредсказуемым был претендент на атаманскую булаву.

Врангель взглянул на часы. Покровский понял его без слов.

– Честь имею, ваше превосходительство! Если вдруг понадоблюсь, дайте знать. Прилечу стремглав.

– Благодарю за службу, Виктор Леонидович. Прощайте.

Оставшись один, главком расстегнул верхнюю пуговку на вороте бешмета, помял пальцами шею. Абсолютно корректный по форме разговор опустошил энергетически.

Дурнота не отступила. Пришлось идти к окну, бороться с перекосившейся створкой. Хлынувшая в кабинет прохлада была подслащена ароматом цветущей во дворике магнолии. Крупные бело-розовые и пурпурные цветы нарядно облепили ветви раскидистого дерева. Главком вдохнул полной грудью, со старанием вентилируя лёгкие. Горечь, оставленную визитом злонравного гостя, следовало изгнать из себя как можно быстрее.

* * *

Вернуться в кондицию помог доклад Махрова. Аналитика затянула исподволь. Начальник штаба поднял широкий спектр вопросов, каждый разобрав по косточкам. Победа в

гражданской войне одной стрельбой из пушек и конными атаками не обеспечивается. Отдельные главы были посвящены проблемам народоправства, административного управления, экономики, транспорта…

Дельные мысли главком подчёркивал синим карандашом. Соглашаясь или, наоборот, дискутируя с докладчиком, делал пометки на полях. Ремарки были под стать динамическому характеру барона. Многие «взрывались» знаками восклицания.

Генштабисты уровня Махрова – на вес золота высшей пробы. Деловые качества генерала известны Врангелю непонаслышке. Тот служил под его командой в Кавказской армии начальником военных сообщений. Широко образован, владеет тремя иностранными языками. Обладает серьёзным военно-административным опытом. Ума гибкого и быстрого, весьма живой. И всё-таки придётся с ним расстаться. Пётр Семёнович заигрался в «демократизм». Взглядами своими бравирует и помощников себе подобрал такого же левацкого толка. Чуть ли не эсеровский кружок учредил в Ставке.

Привыкший по-кавалерийски скоро принимать решения, Врангель готов был в первый же день заменить Махрова на Шатилова.

Спору нет, Павлуша не такой гениальный штабист, и в академии он, помнится, учился с прохладцей. Зато они знакомы с японской войны, когда служили в отдельном дивизи-

оне разведчиков. Оттуда и повелось – Павлуша и Петруша. Правда, сейчас Шатилов из уважения к высшей должности старинного друга даже в неофициальной обстановке обращается исключительно по имени-отчеству. Субординация обязывает. Итак, Шатилов не штабная косточка, но он потрясающе работоспособен, задачи любой трудности способен решать с минимальной затратой времени. И он стократно проверен боями и походами. Крайне важно, что ему можно доверять, как себе.

Помимо того, Павел Николаевич – мастер в принятии взвешенных решений. Именно он порекомендовал воздержаться от увольнения генерала Махрова. Не то у штабных офицеров, назначенных при Деникине, опустятся руки, а полезных среди них немало. Врангель согласился, а для Шатилова учредил должность помощника, правомочного заменять главкома во всех областях.

На десятой странице барон добрался до краеугольного камня внутренней политики. По земельному вопросу референт выдвинул смелые предложения: «Крестьяне должны быть наделены землею; крупное землевладелие должно прекратить своё существование. Для сего нужны следующие конкретные меры: Объявить в декларации максимум земельной единоличной собственности, обратив теперь же всё остальное в государственный земельный фонд».

– Слишком радикально, Пётр Семёнович! – Врангель схватился за карандаш и быстро написал на полях: «Это вер-

но, но сейчас невозможно, ибо отчуждение связано с расценкой, каковую фактически сделать нельзя».

Есть, определённо есть польза от вольнодумства Махрова. Он мыслит творчески, тогда как генерал Романовский, прежний бессменный начальник штаба главкома, был за-шорен чисто военными аспектами.

Вот ещё одно толковое соображение: «Надо победить большевиков не силой оружия, надо победить их идейно». Его барон одобрил ремаркой: «Глубоко правильно».

Встречались и заблуждения. Высоколобый штабист, привыкший делать академические выкладки в тиши кабинета, не понимал психологии казачества. Он бодро констатировал: «На Северном Кавказе у нас в настоящее время имеется боеспособная Сочинская группа ген. Улагая».

На самом деле боеспособность пресловутой группы устремилась к нулю. Остатки Кубанской армии разлагались во весь опор. Будущего у неё нет. Хорошо, если удастся морем вывезти в Крым офицерский состав.

А вот идея переименовать Добровольческую армию вполне здравая. Системе пополнений по мобилизации название давно противоречит, чем даёт пропаганде противника лишний повод для насмешек. Крымская Русская армия – такое предложение выдвинул генерал Махров.

Барон произнёс альтернативный вариант вслух. Первое слово показалось лишним. Оно придавало местнический оттенок. Зачем самим втискиваться в прокрустово ложе полу-

острова? Надо мыслить масштабно, глядеть в перспективу. Пусть будет – Русская армия. Красиво и лаконично.

Да, названия именных дивизий следует унифицировать. Зачем в Марковской и Дроздовской упоминание, что они якобы офицерские? Козырять кастовостью, противопоставлять себя народу губительно для дела. Просто – стрелковая Дроздовская и пехотная Марковская.

Бумаги легли в сторону. Непозволительная роскошь для человека, замыслившего свернуть горы, зацикливаться на одном вопросе. Звонком Врангель вызвал адъютанта.

– Напомните сегодняшний распорядок.

– С десяти ноль-ноль приём депутаций. Затем – епископ Вениамин. В пятнадцать тридцать – представители союзнических военных миссий. Ваше превосходительство, также вы велели вызвать коменданта главной квартиры [61]. Не знаю, куда его вклинить. Очень плотный график.

– Коменда-ант, – секунда понадобилась, чтобы вспомнить причину. – Возьмите его на себя. Пусть распорядится, чтобы против памятника адмиралу Нахимову утром был сооружён подиум для аналоя [62].

– Слушаюсь.

На завтра назначен торжественный молебен и парад вой-

---

[61] Главная квартира – на театре военных действий место пребывания командующего армией.

[62] Аналой – употребляемый при богослужении высокий четырёхугольный столик с покатым верхом.

скам. Затем – обедня в Морском соборе и крестный ход во главе с епископом Севастопольским Вениамином. Пышной церемонии благоприятствовал праздник Благовещения.

Епископ Вениамин импонировал энергией и смелостью. В нём чувствовалась искренняя вера. Он обладал редкостным даром слова, паства буквально боготворила его. Идеальный кандидат на пост главы военного и морского духовенства.

Жаль, что владыка не глянулся Шатилову.

– Скажу, что думаю, Пётр Николаевич. Излишне экзальтированные люди меня настораживают. От таких всё время ждёшь подвоха.

– Присмотрись получше, Павлуша, – настоятельно порекомендовал помощнику главком. Первое впечатление часто обманывает, ты знаешь. Я уверен, что Вениамин – именно тот человек, который поможет нам поднять христианскую мораль в войсках!

Вновь отворилась дверь. В проёме застыл адъютант. Появление без вызова означало экстраординарное. Отнюдь не доклад об исполнении рядового поручения.

Худощавое симпатичное лицо офицера было растерянным. В руке, поднятой на уровень груди, он комкал обрывок телеграфной ленты.

– «Молния» из Константинополя, ваше превосходительство, – голос предательски дрогнул. – Убит генерал Романовский…

12
25 марта 1920 года
Феодосия

– Собаке – собачья смерть! – с пафосом воскликнул поручик Цыганский, когда Маштаков, развернув «Голос Юга», зачитал новость о гибели бывшего начштаба ВСЮР.

– Анатоль, в тебе гибнет великий актёр, – пулемётчик в ответ подпустил шпильку. – Трагик!

Выяснять, чем конкретно убиенный генерал Романовский насолил поручику, он не стал. Тема была изъезжена вдоль и поперёк. Все претензии Цыганского носили умозрительный характер.

– Из категории «Ты виноват лишь в том, что хочется мне кушать» [63].

– Да, Михаил Николаевич, жрать охота люто! На ту сотню, что вы истратили на бульварную газетку, можно было полтора фунта ситного [64] купить.

Здесь Маштакову возразить нечего. Крымская дороговизна ужасала. Цены скакали, как блохи, причём исключительно вверх. Фунт любого съестно́го регулярно дорожал на

---

[63] Фраза из басни И. А. Крылова «Волк и ягнёнок».

[64] Ситный хлеб, ситник – хлеб высшего сорта из отборной (просеянной через сито) пшеничной муки.

пятьдесят рублей, а то и на круглую сотню. Взлетев, цены держались пару дней, затем следовал новый виток.

Фунт картофеля уже стоил полтораста целковых, мяса – пятьсот, фунт подсолнечного масла – девятьсот, сахар достиг тысячи. На такие деликатесы, как сахар, обитатели госпиталя Красного Креста не претендовали. Дули жидкий чаёк вприглядку.

– Скорей бы в полк! – Цыганский поправил повязку на глазу. – Получим жалованье за январь и февраль. А может, сразу и за март. Там не пишут, кто Иван Палыча шлёпнул?

– Неизвестному злоумышленнику удалось скрыться.

– Моло́д'чик!

Комментария от Маштакова вновь не последовало. Он своими проблемами был озабочен.

Случайно встретив на базаре баженовскую прислугу, штабс-капитан загорелся желанием увидеть саму Светлану Петровну. Чуть не рванул сломя голову, толком не представляя маршрута. Хорошо вовремя опомнился. Куда он такой? Вшивый, грязный, дурнопахнущий. Да и не доковылять пешком, слаб. Со слов Антонины Васильевны, дача инженера Чалаева находилась далече. За мостом, за урочищем Ташлык. А на извозчика нет денег.

Сперва надлежало привести себя в более-менее потребный вид. Постираться в обязательном порядке. Но не было сменки. Не форсить же голым, пока сохнет постиранное?

Кряхтя, Маштаков уселся под каштаном, раскрыл перо-

чинный ножичек и принялся лезвием скрести брюки. Грязь была липкой, как смола, чёрной, как деготь, а воняла, как… Чего прибедняться? Как дерьмо воняла.

После механической чистки штаны сделались подозрительно полосатыми. То ли заношенная пижама, то ли роба арестантская. Не суть. Главное, что изменений в лучшую сторону предмет гардероба не претерпел.

Да и без исподнего неприемлемо являться к женщине, с которой был когда-то близок. Не любовное свидание планируется, визит вежливости, но всё равно надо блюсти приличия.

На месте не сиделось, и штабс-капитан снова отправился на базар. В наивном расчёте прикупить что-то по дешёвке. Те же подштанники.

С изумлением обнаружил – обмундирование на барахолке в широком ассортименте. Причём новёхонькое. Шерстяные одеяла, английские френчи, шаровары, кожаные жилетки, шнурованные ботинки, обмотки, носки, сухарные сумки и даже носовые платки.

Коробейничал свой брат, военный. Пребывал здоровенный белобрысый «братишка» в непонятном чине-звании (погоны прикрыты башлыком). Цены он ломил бешеные.

– Откуда? – Маштаков любовно огладил ладонью замечательные трикотажные кальсоны цвета беж.

– От короля Георга! – праздных зевак блондин раскусывал с одного взгляда. – Неча тут клешнями засусоленными товар

щупать! Есть деньжата, – вскинув прозрачные глаза, он узрел звёздочки на погонах и соизволил перейти на «вы», – берите.

Его напарник оказался менее деликатен. Без слов оттёр Маштакова в сторону и пихнул плечом. Совсем несильно, но пулемётчик замахал руками, как ветряная мельница крыльями. Еле удержался на ватных ногах. Жидкий после тифа, сил на то, чтобы разозлиться он не имел. Не мог в ответ рявкнуть, а ещё лучше – браунингом пригрозить. Подумал: «Отнимут». Осознание собственной ничтожности ввергло штабс-капитана в плаксивое настроение. Хлюпая носом, побрёл он обратно.

Об унижении рассказал Цыганскому. Так расстроен был, что игнорировал присутствие на «завалинке» своего давнего недруга Загибалова-Лося.

Начальник нестроевой команды, видимо, испытывал дефицит общения. Просочиться в избранное общество артиллеристов ему не удалось, поэтому он взял в привычку часами просиживать в больничном саду возле сушильни.

– Много кого новороссийская катастрофа разорила, но кое-кто на ней нагрелся, – поведал Загибалов-Лось, ероша ухоженный газон бакенбардов. – Эти «кое-кто» умудрились не только личное добро вывезти, но и английские склады раздербанить. Вот они сейчас и устроили ярмарку. А попутно в казну лапу запустили. Казёнными суммами распоряжаются без малейшего зазрения совести. Ежели их призовут к ответу, оправдание перед прокурором наготове: «Всё оста-

лось в Новороссийске! Не успели погрузить». Полковую приходно-расходную книгу за борт швырнул, и поди уличи такого во враках!

Речь, начавшаяся, как обвинительная, завершилась ревнивым вздохом.

В первом Корниловском полку подобные аферы исключались. По крайней мере, без благословения прямого начальства.

Цыганский вдруг подскочил, как ужаленный, и молча ушёл. Пяти минут не прошло, объявился.

– Господин ротмистр, – со смиренным почтением взял под козырёк, – вас полковник Роппонет вызывают.

– Зачем? – тыловик встревожился, интерес председателя суда чести артбригады не мог носить праздного характера.

– Не могу знать. Велено прибыть самым быстрым аллюром.

Загибалов-Лось вернулся насупленный. Протянул Маштакову пару нижнего белья.

– Можно было не ябедничать, а обратиться в установленном порядке.

Дают – бери. Маштаков протянул руку за гостинцем.

– Э! – ротмистр спрятал свёрток за спину. – Сперва расписаться в получении. Знаю вас!

Ближе к ужину случилось ещё одно событие. В барак пожаловал фельдфебель-артиллерист – медноусый дядя, поперёк себя шире, ноги гну́ты колесом.

Объявил с важным видом:

– Так что: завтра дивизион убывает в Симферополь. Всем выздоровевшим следовать с дивизионом. Годность к службе подтвердить врачебным свидетельством.

– Побежали к Иллариону Аристарховичу за свидетельством, – Цыганский тотчас бросил портняжничать и полез головой в ворот гимнастёрки. – Пока очередь к нему не выстроилась.

Маштакову дважды повторять не пришлось. Удерживая рукой выпрыгивающее наружу сердце, он пытался не отстать от резвого поручика. Рассеяно думал: «Не судьба, значит, увидеть Светлану. Не судьба… Выдастся ли ещё такой случай?»

О том, что в его распоряжении целый вечер, штабскапитан забыл. Зато он знал наверняка – ночь предстоит бессонная, наполненная изощрённым самоедством.

* * *

Адуев-Листовский напрасно прождал Маштакова на даче инженера Чалаева. Не сбылись ожидания заполучить подсказку, которая, как представлялось, кратчайшим путём приведёт к основной части золота.

Впрочем, и самому Адуеву пришлось в тот же день покинуть Феодосию.

Начальник севастопольского КРО топал ногами. Прилете-

ла ещё одна гневная депеша, в ней Будогоский требовал вернуться уже именем генерала Климовича. Незамедлительно!

Реформы, начатые Врангелем в первые дни правления, контрразведку не миновали. Бесконтрольности и злоупотреблениям в её рядах главком объявил беспощадную войну. Специальная комиссия во главе с сенатором Кальпицким начала сплошную ревизию контрразведывательных органов Крыма. Моральному облику сотрудников уделялось особое внимание. Потому причина ярости полковника Будогского была вполне понятна. Вторая его телеграмма не изгнанием из отделения грозила, а военно-полевым судом за дезертирство.

С новым начальством Адуева объединяло жандармское прошлое, но лично знакомы они не были. Дремучий провинциал Будогоский до революции служил в Сарапуле, где вроде бы отличился борьбой с татарскими просветителями. Молва также приписывала ему тайную организацию еврейских погромов.

– Возвращаемся в Севастополь, Порфирьич, – Адуев измельчил послание до крошечных обрывков. – Надо потянуть время. Как видишь, ситуация с иностранными паспортами и визами подвисла.

Долгожданное явление полковника-генштабиста случилось накануне. Сперва оно обнадёжило, а потом разочаровало. Полковник валился с ног от усталости и трясся от голода. Дар речи вернулся к нему лишь после двух глубоких тарелок

ухи из рыбной мелочи. Отяжелев, размякнув, он похвалился, как ловко улизнул от мобилизовавших его корниловцев. Выпросил отпуск в город и был таков.

Из кармана генштабист выдернул мятую бумаженцию. Оседлал переносицу пенсне в черепаховой оправе и прочёл, нервически посмеиваясь:

– Увольнительная записка выдана…хе-хе…рядовому офицерской роты первого Корниловского ударного полка… Как вам венец моей карьеры, господа? Нет, ты полюбуйся, Абрек, полюбуйся, – величая приятеля прозвищем, приставшим в кадетском корпусе, сунул листочек лейб-гренадёру.

Действующий статус генштабиста оказался туманным. Управление, где он служил, расформированию не подверглось, но деятельность свою после эвакуации не возобновило. Сотрудники обречённо ждали у моря погоды. Особых надежд на восстановление прежних полномочий они не питали.

И всё равно Адуев дал господам полковникам задание предприимчиво готовить отъезд за границу.

– С меня – валюта. С вас – турецкие визы и паспорта без отметок «на случай эвакуации».

Курганову велено было всемерно помогать офицерам. Рвения порученцы не выказали.

– На всё воля Божья, – философски вздохнул генштабист, из последних сил борясь со сном.

Найденные в пакгаузе слитки Порфирьич туго замотал в

тряпьё и уложил в кофр, дно которого предварительно укрепил при помощи дощечек. Обязанности носильщика унтер взял на себя. Золото решено было увезти с собой.

– М-да, не пушинка, – Адуев рукой взвесил поклажу. – Таскать с собой накладно, да и подозрительно. Но и здесь прикопать не выход. Себе мы не принадлежим. А ну опять идиоты-начальники загонят в горы «зелёных» ловить?

О свежей идее, как выскользнуть с добычей из «крымской бутылки», контрразведчик благоразумно помалкивал.

Убийство генерала Романовского давало удачный повод для командировки в Константинополь. Надлежало обосновать свою полезность в поисках злоумышленника. Покамест сколь-либо убедительных аргументов на ум не приходило, однако виднелась ниточка, за кончик которой можно уцепиться.

Контрразведку при канцелярии представителя ВСЮР в Константинополе, из дипломатических соображений деликатно именуемую «паспортной частью», возглавлял генерал-майор Глобачёв. Под его патронажем Адуев три года назад выполнил в Петрограде одно поручение, щекотливое настолько, что обязано запомниться доверителю навек. Ниточка была тонюсенькой, тянуть за неё следовало крайне деликатно. Но шустро.

13
23–26 марта 1920 года
Симферополь

Прославленному полководцу Суворову приписана пафосная фраза: «Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом!» Упомянутые мечты Скоблина при выборе карьеры не посещали. Генеральство казалось юноше таким же недостижимым, как Полярная звезда. Вот до полного полковника дорасти он втайне надеялся. Когда-нибудь в далёком будущем. Через обязательные четверть века беспорочной службы, в канун выхода в отставку.

Однако судьба-индейка преподнесла ему генералмайорский чин. И не на закате жизни, а в цветущем возрасте. В двадцать шесть лет! За особые отличия.

Первым героя дня поздравил Капнин. Ближайший соратник вкрапил в здравицу энциклопедический пассаж, до которых генштабисты ох как охочи:

– Николай Владимирович, ты войдёшь в историю, как самый молодой русский генерал после Александра Кутайсова [65]. Правда, у графа были колоссальные наследственные ресурсы. А ты всего добился сам!

---

[65] Кутай сов А.И. (1784–1812) – русский генерал-майор. Погиб в Бородинском сражении.

Озвученная фамилия ничего не сказала начдиву, но он со знанием дела кивнул.

Оставшись один, Скоблин встал перед зеркалом. Выпрямился, согнал под ремнём за спину складки гимнастёрки, расправил плечи. Белые зигзаги, змеившиеся на беспросветных красно-чёрных погонах, магнитом притянули взор.

Окончивший ускоренный курс Чугуевского военного училища немногим более пяти лет назад, сейчас он должен был ходить в поручиках. Но это в обычное время, а ему выпало жить в особенное.

Когда спасовал́ и убелённые сединами генералы с академическим образованием, на авансцену гражданской войны вышли дерзкие самородки в обер-офицерских чинах, одним из которых был Скоблин. В боевой работе, помимо исключительной личной доблести, он обнаружил умение стремительно принимать верные, зачастую нетрафаретные тактические решения. Последовательно пройдя ступени командира роты, батальона, полка и бригады, доказал, что способен на большее. Поставленный (не без сомнений!) во главе дивизии оказанное доверие оправдал. Маститые полководцы Добрармии вынуждены были признать, что молодой офицер наделён оперативно-стратегическим даром.

Столь резвому карьерному росту недоброжелатели, которых хватало, находили иные объяснения. По их мнению, главные таланты старшего корниловца заключались в способности изощрённо интриговать и шагать по головам со-

служивцев. Хулá до ушей Скоблина доходила, он, разумеется, злился. Оправдывался перед собой: «В том, что я не даю затереть себя в угол и грамотно преподношу свои заслуги, ничего нет от лукавого!»

Новоиспечённый генерал озорно подмигнул отражению в зеркале. Мог ли кто вообразить, что он – сорвиголова, голубятник и второгодник из уездного малороссийского городка – станет знаменитым военачальником?

Тем же приказом был произведён в полковники капитан Капнин. К повышению в чине начштаба Корниловской дивизии представлялся ещё полгода назад. Покойный генерал Тимановский подписал представление вскоре после взятия Курска. Бумаге не дал ход генерал-квартирмейстер ПлющикПлющевский, точивший зуб на Капнина за его ершистый характер.

Своим первым кадровым распоряжением новый главком дал понять, что не намерен уподобляться предшественнику и чахнуть над генеральскими погонами на манер царя Кащея. Самоотверженные, стойкие борцы с большевизмом будут награждаться сообразно заслугам! В связи с тем что выбор стимулов ограничен, чинопроизводство остаётся самым действенным из них.

Критиканы расценили поощрение ударников как гонорар за их роль в смещении с должности генерала Деникина. Слухи приписывали корниловцам попытку переворота. Якобы в Новороссийске они не только вынашивали замысел убить

генерала Романовского, но и пытались обманом заступить в караул вместо англичан, охранявших главнокомандующего ВСЮР, для ареста последнего.

На историческом совещании в Большом дворце Скоблин и его командиры полков вели себя индифферентно. В преданности Деникину, как дроздовцы, не клялись. Троекратное «ура» в его честь не кричали. Их холодность сказала не меньше, чем эмоциональный призыв моряков о передаче власти барону Врангелю.

Однако назвать приказ несправедливым язык не поворачивался даже у хулителей. Корниловцы – старейшая добровольческая часть. Кого ставить во главу наградного списка, как не их? Во время эвакуации Новороссийска дивизия Скоблина шла с боями в арьергарде. Защищала подступы к порту, несла потери, когда все остальные, охваченные кто сумятицей, а большинство – животной паникой, спешно грузились на суда.

До подписания приказа о производстве главком наведался в Симферополь, где провёл смотр ударному соединению. Увиденным остался доволен. Экипировка, вооружение, выправка и строевая дисциплина корниловцев были на высоте. Они даже умудрились перевезти морем два орудия с запряжками [66].

Полки прошли торжественным маршем, и Врангель выступил перед ними с речью, в которой взял на себя обяза-

[66] Запряжка – лошади, перевозящие пушки.

тельство:

– Я с честью выведу вас из создавшегося положения!

Он сказал те же слова, что и Деникин, но поданы они были иначе.

Барон выглядел чрезвычайно эффектно. На голову выше всех, стройный, как кипарис, он был затянут в чёрную черкеску с мягкими серебряными погонами и изящным кинжалом на поясе. Низкая смуш́ ковая папаха, тоже чёрная, была надета бодро, той особой манерой, что в гвардейской среде именовалась «строгой щеголеватостью». Разница в возрасте у главкомов составляла шесть лет, однако могло показаться, будто седобородый тучный Деникин годится своему преемнику в отцы.

Громовой голос Врангеля летал над замершим плацем. Барон говорил с войсками кратко и ясно. Этим он также отличался от Деникина, любившим выстраивать сложные вербальные конструкции.

Уверенный в себе, главнокомандующий сумел внушить надежду подчинённым. Его речь заметно взбодрила ударников, многим положение перестало казаться безнадёжным.

Десять дней пребывания в Крыму позволили Скоблину укрепить дивизию и в основном за счёт расформированных частей.

Наиболее крупным было пополнение из остатков Кавказского стрелкового полка. Полсотни бойцов во главе с полковником Бржезицким влилось во второй Корниловский

полк. Бржезицкий был офицером из кадровых. Ставить такого на роту казалось неразумным, тогда как должности комбатов были укомплектованы. Пашкевич временно прикрепил Бржезицкого к штабу, учитывая его большой опыт организатора. Кроме того, полковник обладал каллиграфическим почерком.

– Поручаю вам, Александр Иосифович, ведение журнала боевых действий. Давно пора привести документацию в порядок, – Пашкевич облёк распоряжение в форму, необидную для вчерашнего командира полка.

Единичные пополнения поступали из разных мест. Корниловцам давно казалось, что с красными дерутся только они, да ещё марковцы, дроздовцы и алексеевцы, а тут объявилась целая орава других частей. Названия некоторых звучали экзотически. Сводный Туркестанский полк, Туземный конный полк, Виленский полк, пулемётные курсы при Британской миссии, семнадцатый инженерный отряд, комендатура города Ялты и прочая, и прочая.

Одни бойцы вливались в строй, другие его покидали. Возобновились факты дезертирства. Помимо новеньких, в горы бежали мобилизованные на материке и там же поставленные в строй пленные. Серьёзный урон продолжала наносить эпидемия тифа.

Части в итоге оставались небольшими по численности. В них вновь сделалась заметной офицерская прослойка. Сейчас она составляла до половины личного состава. Особенно

много господ офицеров было в первом полку.

Затянувшееся до неприличия любование погонами прервал Капнин:

– Разрешите, ваше превосходительство?

– Слушаю! – Скоблин отвернулся от зеркала.

Поспешность, с которой он это сделал, вышла несолидной для обладателя генеральского чина.

– Командиры полков поздравить прибыли.

– До вечера не дотерпели?

На девятнадцать ноль-ноль был назначен праздничный ужин. Обстановка не благоволила шумным застольям, но повод выдался веский. Проигнорировать его было преступно.

Скоблин метнул взгляд на погоны начальника штаба. Порядок, успел поменять на полковничьи.

– Что с вами, ухорезами, поделать? Приглашай, Константин Львович.

Гуськом вошли плечистый удалец Гордеенко, болезненно худой Пашкевич и аналогичной бесплотной комплекции Щеглов, подстриженный «под ноль».

Следом адъютант Копецкий, прихрамывая, провёл в комнату ординарца с подносом, на котором высилась бутылка шампанского.

Капнин дождался, пока нижний чин сервирует стол, разольёт по бокалам и покинет помещение.

– Ваше превосходительство, позвольте ближайшему кругу соратников поздравить вас с производством! – лобастая

голова штабиста склонилась в учтивом полупоклоне.

Затем слово получили командиры полков. Витийствовать окопники были не мастера. Каждый ограничился паройтройкой незатейливых фраз. Символический «вспрыск» уложился в четверть часа. Ужин планировался куда более основательным. Званы были также помощники командиров полков, наиболее заслуженные батальонные и старшие артиллеристы.

– Надежду Васильевну не забудьте, – напомнил Скоблин Пашкевичу. – Давно не радовала нас песней.

– Слушаюсь, ваше превосходительство, – интонация взявшего под козырёк полковника прозвучала тускло.

Повод для меланхолии давала растущая симпатия начдива к знаменитой певице. Оказываемые им знаки внимания (достаточно смелые) Плевицкая поощряла. Не заметить взаимной игры было невозможно. В то же время с каждым днём остывали романтические отношения Надежды Васильевны и Пашкевича. Похоже, Курский соловей сто раз пожалела, что при переходе в стан белых поторопилась с выбором покровителя.

Новоиспечённый генерал не был силён по части выпивки. Энергию черпал из перманентной игры со смертью, на шестом году войны ставшей смыслом бытия. Бокала шампанского хватило, чтобы голова наводнилась игривыми мыслями. Неделя в тылу – и отдохнувший молодой организм потребовал женщину. Ночами обуревали похотливые сновиде-

ния. Неудовлетворённость отвлекала от службы. Половому вопросу требовалось найти решение. Но не крутить же начальнику дивизии шашни с сёстрами милосердия? Положение обязывало заиметь достойную спутницу жизни. Таковой виделась Плевицкая. Но как без скандала и обид умыкнуть её от Эмблемы? От ближайшего соратника…

На пороге возник адъютант:

– К вам делегация, ваше пґевосходительство, – штаб-ротмистр приятно, по-домашнему грассировал.

– Кто? – сильной затяжкой добив папиросу, Скоблин отправил окурок в пепельницу.

– Пґедставители земства.

Начдив поморщился, на что Копецкий сочувственно развёл руками. Дать визитёрам от ворот поворот было нельзя. Главком наобещал прессе руководствоваться демократическими принципами и широко раскрыть двери общественности.

– Просите.

Вошли трое. Респектабельный чиновник в мундире почтово-телеграфного ведомства предводительствовал. На полшага от него отставали бородач купеческого обличия и остроносенькая дама, судя по короткой стрижке и свободному крою одежды, эмансипе.

– Добрый день, господин… э-э-э, – заминка в приветствии надворного советника [67] объяснялась неожиданной деталью

[67] Надворный советник – гражданский чин 7-го класса в Табели о рангах в

форменного обмундирования хозяина кабинета, – ваше превосходительство…

Новость о повышении в чине старшего корниловца просочиться в печать не успела. Посему вышел сюрприз.

– Здравствуйте, господа. Здравствуйте, мадам. Присаживайтесь. Внимательно вас слушаю.

– Благодарю, – ловко откинув фалды сюртука, чиновник опустился на стул, скрипнувший под его массой. – Мы уполномочены горожанами заявить ходатайство о возвращении населению Симферополя возможности посылать своих детей в школы. Право на образование является…

– Какие к тому препятствия? – пресекая пустословие, Скоблин перебил докладчика.

– Повешенные на фонарях и трамвайных столбах, – умудрённый службист принял телеграфный стиль общения.

– Повешены дебоширы и грабители. Для вашего же спокойствия.

– Всё это так. Однако дети боятся. Один…э-э-э… наказанный, в брюках, обшитых снизу жёлтой кожей, такой, знаете, очень корпулен́тный [68] мужчина, упал. Под тяжестью тела оборвалась верёвка. В итоге картина получилась ужасная…

– На мостовую выплеснулся мозг! – истерично воскликнула дама.

Треугольник её личика залила меловая бледность. До об-

Российской империи, соответствовал чину подполковника в армии.

[68] Корпулентный – тучный, упитанный (книжн.).

морока хрупкого создания оставался крохотный шажок.

– Приговоры исполнены по приказу командующего корпусом. Вам надлежит обратиться к нему.

– Так мы к вам прямиком из «Европейской». В штабе корпуса нам сообщили, что генерал Кутепов убыл в Севастополь. В данное время вы… э-э-э… главный воинский начальник в городе, ваше превосходительство.

Скоблин на минуту задумался. Для наведения порядка Александр Павлович прибегнул к своему излюбленному методу. Жестокому, средневековому, но эффективному до чёртиков. Причём результат обеспечивался именно наглядностью казни.

«Разгул, хулиганство и бесчинства, наблюдавшиеся в первые дни по прибытии армии в Крым, мною пресечены!» – с гордостью доложил Кутепов главкому.

Бóльшая часть смертных приговоров была вынесена за малозначительные прегрешения. Стекло разбил в ресторане – отправляйся на фонарь! Пулемётчика-виртуоза Обуха вздёрнули за то, что начудил в церкви пьяный. Первопоходника! Безобидная в принципе была с его стороны шалость. Но комкор исполняет прямой приказ Врангеля.

А тот сказал в интервью: армия обязана заслужить доверие населения. Дисциплина должна вновь стать железной.

С другой стороны, негоже висельникам сутками раскачиваться на улицах. Гниют на солнышке. Смердят. Заразу распространяют.

– Хорошо. Я отдам приказ. От земства – гужевой транспорт и рабочие руки, – начдив резко поднялся, давая понять, что беседа окончена.

Сколько можно военным подменять гражданскую власть? Надоело! Врангель проблему понимает и обещает освободить армию от несвойственных функций. Уже предприняты конкретные шаги. Из Франции вызван именитый государственный деятель Кривошеин, бывший царский министр. Какое именно министерство он возглавлял, Скоблин не помнил – что-то, связанное с аграрной реформой. На этого Кривошеина главком возлагает большие надежды. Планирует назначить председателем правительства. Посмотрим, что из этого выйдет. Скоблин особенных надежд на штатских не возлагал. Все затеи шпаков ограничивались, как правило, сотрясением воздуха!

Вновь заглянул Копецкий:

– Ваше пгевосходительство, газгешите?

Адъютант вошёл и тщательно прикрыл за собой дверь. Смущённое выражение смуглого лица выдавало – известие принёс неприятное.

– Не тяните, Платон Васильевич.

– Ваше пгевосходительство, в пгиёмной вдова есаула Милеева. Пгосит об аудиенции.

– Зачем её пустили в штаб?! – генерал нахмурил смоляные брови.

Гнев начальства Копецкого не смутил. Выпускник Харь-

ковской духовной семинарии, Варшавского университета и Елисаветградского кавалерийского училища умел аргументировать свою позицию:

– Она – офицегская вдова в тгауге. Часовой её пгопустил. Возможно, на посту стоял тот, кто помнит есаула с пегвого похода. Как командига пулемётной готы, как…

– Прекратите, штаб-ротмистр. Я знаю, кто такой Милеев. И жену его помню. Нина Александровна, кажется? Скандальная дама. Что ей угодно?

– Ходатайствует о денежном вспоможении в связи с утгатой когмильца.

– О чём этот кормилец думал, когда стрелялся? Не офицеры, а барышни кисейные! Ладно, Кромов – студент, неврастеник, Достоевского начитался, но Коля-то Милеев – кадровый. Казак к тому же!

До октября прошлого года есаул Милеев командовал третьим Корниловским полком. В бою он проявлял исключительную храбрость. Подчинённые любили есаула за справедливость и заботу, при том что он держал их в ежовых рукавицах, пресекая любые факты самоснабжения.

Всё бы хорошо, но у Милеева не сложились отношения с начдивом. Будучи на целых семь лет старше Скоблина по возрасту и производству, есаул считал его выскочкой. Столкнулись лбами два крутых но́рова. В Милееве взыграл темперамент степняка-оренбуржца, в начальнике дивизии забурлила черкесская кровь матери. Последнее слово, разумеется,

осталось за офицером, наделённым бóльшей властью.

Повод снятия Милеева с должности нашёлся быстро. Есаул был любителем «заложить за воротник». Неудачи, понесённые третьим Корниловским в боях с Эстонской дивизией, Скоблин приписал пьянству командира. Действительная причина крылась в том, что недавно сформированный полк был слаб числом. Отстранение «в связи с неумением поднять боеспособность части на должную высоту» исключало работу Милеева на других командных постах.

Есаул отправился в тыл, где болтался неприкаянный. В итоге прибился к кубанской конной части. А какая там дисциплина? Милеев слетел с нареза вконец. Пил беспробудно. Новороссийская катастрофа его доконала. Застрелился есаул из трёхлинейки. Наган он или пропил, или побоялся осечки. Разулся, лёг на землю, вложил ствол винтовки в рот и нажал на спусковой крючок большим пальцем правой ноги.

– Проявите смекалку, ротмистр. Оградите меня от скорбящей вдовы. Помощь? Окажем в размере пяти тысяч «колокольчиками». Выражать сочувствие мне некогда.

– Понимаю, такой день.

– Причём тут день? Скажите – генерал не имеет возможности принять. Занят.

Копецкий покинул кабинет, а Скоблин присел за стол и подвинул к себе кипу документов, дожидавшихся подписания. Не удержался, быстро привстал и глянул в зеркало. Белые зигзаги на погонах были на месте.

14
26–27 марта 1920 года
Феодосия – Джанкой – Симферополь

Погрузка затягивалась. Артиллеристы по не имеющей оправдания причине не запасли деревянных колодок, которыми пушки крепятся на платформах. Стальные тросы для растяжек в наличии, а колодок нет. На охоту идти – собак кормить, и возле рельсов наперебой застучали топоры. Двое солдат тороí ко обтёсывали поленья – изгибистые и суковатые (строевого леса в нищем ресурсами Крыму не сыскать).

Соответственно нервничал комендант. Застрявший на втором пути воинский состав ломал через коленку график движения. Пропускная способность тупиковой станции и без того оставляла желать лучшего.

Зато сохранял ледяную невозмутимость комбриг Ерогин. Понимал – подгонять бесполезно, люди и без того лезут из кожи вон. Согнать им в помощь толпу народа – затея пустая. В орудийных расчётах преобладали обер-офицеры и вольнопёры, плотницкому делу они не обучены.

Разговор на перроне под часами вёлся на отвлечённую тему.

Ерогин озадаченно принюхивался, тонкие ноздри носа – хрящеватого, с острой горбинкой – трепетали:

– Не пойму, господа, это акация благоухает? Неужели расцвела?

Полковник Роппонет, внешне также показательно спокойный, отвечал невпопад:

– В большую войну для перевозки артбригады девять эшелонов требовали, сейчас одного хватило.

– Так всего четыре орудия имеем, Юрий Николаевич, – кротко вздохнул Ерогин, и в следующий секунду, словно подрессоренный, вскинулся на носках. – Всё, Фильченко?! Наконец-то. Крепите пушки.

– По ваго-она-ам! – в раструб ладоней зычно скомандовал Роппонет.

Единственный зелёный вагон по субординации достался офицерам. К третьему классу теперь у господ уважительное отношение. Сюда же определили выздоровевших.

Маштаков уселся у окна. За лучшее место – узкую багажную полку на третьем ярусе, где можно нежиться в одиночестве, – по причине физической слабости конкурировать не стал. Вторая полка столь комфортных условий в переполненном вагоне не предоставит. Она, как и нижняя, будет с «подселением».

А вот крючок на стене пулемётчик поторопился занять. Повесил кожанку и тощий «сидор». С облегчением шевельнул ноющими плечами. Скарба – малость, но пока шагали до станции, котомка успела натрудить спину.

Сел в вагон – и вроде бы полдела сделано. Та полови-

на, что во власти пассажира. Можно на законном основании праздно глазеть в окошко, курортные интересности рассматривать.

Одноэтажное здание вокзала – беленькое и нарядненькое, будто с открытки, – растянулось вдоль перрона. С противоположной стороны у него посредине выступал портик. Этой выпуклой архитектурной деталью штабс-капитан заинтересовался, когда пересекали мощённую булыжником площадь. Полукруглая ротонда опиралась на четыре массивные колонны. Цвет их – бежевый, тепловатый – удачно гармонировал с тёмными гранитными ступенями.

Феодосийский железнодорожный вокзал расположен оригинально, на морской набережной.

– Давно построен? – Маштаков обернулся к Цыганскому.

– Чёрт его знает, – поручик равнодушно пожал плечами. – Спроси́те у друга своего Обуха. Пока вдоль побережья плыли, он лекции про здешние достопримечательности читал. Вся палуба заслушалась!

Цыганский ловко вскарабкался на вторую полку и растянулся там, блаженствуя.

– Напрасно, господин штабс-капитан, – осудил он Маштакова за выбор места. – Путь предстоит неблизкий.

В кубрик набилось одиннадцать человек.

– Комплект-с! – констатировал тощий подпоручик с сапёрными эмблемами на погонах.

Для своего скромного чина он выглядел перестарком, из-

рядно за сорок. Верных десять лет добавил сыпняк, кожу лица иссушив, измяв в жёлтый пергамент. Однако держался сапёр бодро. С весёлой наглинкой поблёскивал водянистыми глазами. Не иначе, забытое ощущение себя здоровым напитывало энергией.

Он добровольно принял роль «банкомёта»:

– Итак, господа. По одному пассажиру – на багажных. Моя, чур, вон та! По паре комбатантов – внизу и на вторых полках. И один на полу в проходе ляжет. Более никого не пустим. Комплект-с!

Паровоз свистнул, состав резко дёрнулся, подпоручик едва удержался на ногах. Свалившийся сверху вещмешок сбил с его головы фуражку. Обнажился бугристый череп, практически голый, если не считать клочков волос на висках и темени – желтоватых и пушистых.

– Поехали! – радостно объявил кандидат на прозвище «Цыплёнок». – Следующая станция – Джанкой.

– Поехали с орехами, поскакали с калачами, – пробормотал под нос Маштаков.

Сапёр цапнул ручку окна, натужился и с треском рванул фрамугу вверх. В вагон потекла свежесть, амбре цветущих акаций мешалось в ней с терпким душком йода, исторгнутым полусонным утренним морем.

Поезд тащился самым малым, черепашьим ходом. Железнодорожная насыпь пролегала вдоль берега. По левую сторону уползали назад дачи, соперничающие друг с другом в

дворцовой роскоши. Древнегреческий стиль с кариатидами и статуями античных героев сменялся испано-мавританским с ажурными куполами и изящными башенками-минаретами.

Нежная зелень садов обильно подкрашена розовым, то буйствовал цветущий миндаль. Эпизодично мелькали белые очажки́ распускающейся черешни.

Голова состава нырнула под каменный мост с чугунным парапетом. Маштаков успел рассмотреть цифры «1892», выбитые над аркой центрального пролёта. Они означали год постройки.

Ехали очень недолго. В предместье Сарыголь случилась остановка. Здесь паровоз дозаправился водой.

Дальше покатили бойчее. Мерный стук колёс породил у путешественников в погонах иллюзию свободы. Как будто всё дурное осталось позади. Поездка выписала краткосрочную вольную от кабалы воинской службы. Хочешь – отсыпайся впрок, а хочешь – просто валяйся, мечтай о мире и доме. Или бездумно смотри в окно, кулаком подперев колючий подбородок. Грызи кислый ржаной сухарь. А коли повезёт кипяточком разжиться, благодари Бога за дарованные минуты счастья!

Обосновались, обжились пассажиры, перезнакомились. Потекли разговоры, в долгой дороге без них никак.

Тема номер один – ситуация на фронте. Сегодняшнее положение обнадёживало. Слащов в очередной раз отразил набег большевиков на Перекоп. Ворота в Крым Генерал Яша

держал запертыми на крепкий засов.

– Талантов у него, оказывается, поболе, чем у наших полководцев! – критиканское настроение Цыганского не отпускало.

– Красным в Таврии сильно мешает Махно, – авторитетно заявил долговязый прапорщик, указательным пальцем возвращая к переносице очки, сползшие на кончик носа. – Батька вовсю гуляет по их тылам. Вдобавок на Украине активизировался Петлюра.

– С атаманами мы заключим союз. К ним уже отправлены эмиссары – в любой компании найдётся тот, кто осведомлён лучше остальных.

Таковым оказался сапёр, при знакомстве церемонно представившийся Евгением Евгеньевичем.

– Командование планирует высадить ряд десантов, – вещал он, таинственно понижая голос. – Один точно будет в Одессе. Высадка приурочена к польскому наступлению. Генерал Брусилов обещает открыть полякам фронт. Большевики в панике побегут. А тут – мы! Прямиком из моря, в чешуе, как жар горя!

На вопрос, откуда дровишки, Евгений ответил загадочной улыбкой. Его широкий рот напоминал лягушачий. В уголках бескровных губ шелушились трещинки-заеды.

Так и подмывало Маштакова справиться, когда же господин подпоручик был причислен к Генеральному штабу. Сдержался. Без него полемисты нашлись. Цыганский был в

числе самых язвительных.

Умаявшись сидеть, штабс-капитан решил – пора принять горизонтальное положение. Начал с того, что со знанием дела уложил в изголовье свёрнутую куртку. Чтобы в тесноте избавиться от сапог, пришлось покряхтеть, покорячиться. Сопревшие ноги добавили в кислую атмосферу кубрика ещё одну порцию «ароматов». В их сложном букете доминировал едкий душок мокрой псины. Выручало открытое окно, приток свежего воздуха разбавлял избыточную концентрацию вони.

Спальное место Маштакова, уважая его чин, сапёр обременил самым миниатюрным сопостельником. Белгородскому добровольцу Ко́те семнадцать лет то ли на днях исполнилось, то ли должно исполниться вот-вот. На тифозной «диете» юноша истаял, как свеча. Ветхое обмундирование на нём болталось.

Котя ляжет головой к сквозному проходу, а пока он ютился на краешке полки. Штабс-капитан поджал ноги, давая скромнику побольше места.

Сон уволок в свои тенёта тихой сапой. Он перестал быть пыткой. И даже восстанавливал силы. В гомеопатических, правда, дозах. Кошмары мучить перестали, но видения оставались чрезмерно яркими. Сейчас вот Маштакову на-снилось, будто у него хлынула кровь из носа. Бежит алыми ручьями из обеих ноздрей и никак не останавливается. «Захлебнусь!» – испугался штабс-капитан. Очнулся, не пони-

мая, где явь. Сердце трепетало, как у загнанного собаками зайчишки. С опаской ощупал лицо. Сухое. Уф-ф…

Сколько проспал – неизвестно. Наручные часы приказали долго жить. Проели их на пару с поручиком Цыганским, от больничной голодухи спасаясь.

Другого занятия нет, опять Маштаков уставился в окошко. «Фил́ ьму» там крутили скучную. Поля, поля, поля, бол́ ь-шей частью невспаханные. Редкие лесополосы меж ними. Степи без конца и края. Повторяющийся тускло-зелёный пейзаж навевал уныние. Мелькнувший полустанок разнообразия не внёс.

Посреди голой степи остановились. Как надолго – непонятно. Выждав пяток минут, люди гуськом потянулись наружу. Возможность оправиться, не выстаивая длинной очереди к единственной уборной, надлежало использовать. Не было также лишним размять затекшие без движения конечности.

Соскрёб себя с полки и Маштаков. Загромождённый скарбом проход выглядел полосой препятствий. Чтобы пробраться в тамбур, пришлось попыхтеть.

Вблизи степь оказалась испятнанной белыми и жёлтыми цветами. Весна!

Час спустя движение возобновилось. Разговоры утомили. Словесную баталию продолжали самые стойкие диспутанты – сапёр и Цыганский.

Скудные запасы харчей давно подъедены. Кишки свело, животы к спинам прилипли.

Сообразив, что выздоровевшие не стоят на котловом довольствии, артиллеристы, сами далеко не богатеи, поделились провизией. Гостинцы на время притупили чувство голода.

Поезд тащился вяло. Случилось ещё несколько остановок, встречные составы пропускали.

Маштаков вооружился карманным евангелием покойного Кипарисова. Слюдяные странички требовали крайне деликатного обращения. Бисерный шрифт разбирался с трудом. Штабс-капитан листал, не проникая в смысл. Споткнулся на строчке: «Блаженны плачущие ныне, ибо воссмеётесь».

Трижды повторил заповедь, обнадёживаясь. «Хорошо бы так случилось», – с такой мыслью уснул. Пробудился уже во тьме. Монотонно постукивали колёса. Под потолком с тоскливым скрипом качался фонарь. Пламя за треснутым, копотью облизанным стеклом трепетало от сквозняка, как живое.

Маштаков лежал на полке один, подселенец по неведомой причине отсутствовал. Вагон был наполнен звуками ночной казармы. Глухой кашель забивал мучительные стоны и невнятное бормотанье.

Наверху бубнил охрипший басок Цыганского:

– Здесь я с вами, Евгений Евгеньич, соглашусь полностью. Деникин поступил подло. Удрал за границу, бросив армию на произвол. И теперь катается как сыр в масле! Молодую жену ублажает. С дочуркой нянчится. Говорят, англичане присвоили ему титул лорда. Поселили в роскошном особня-

ке в центре Лондона на берегу Темзы…

Следующее пробуждение спровоцировал холод. Лязгая зубами, пулемётчик выдернул из-под головы куртку, торопливо накрылся ею.

Вернуться в сон не смог. Стал подглядывать в щёлку. Обнаружил, что Котя материализовался и в данный момент усаживается на полке по-турецки. Стараясь действовать бесшумно, юноша закатал штанину на одной ноге. На хрупкой щиколотке открылась багровая мокнущая язва размером с ладонь. Трогательной дудочкой вытянув губы, Котя принялся дуть на неё. Слеза торила светлую дорожку по замурзанной щеке добровольца. Маштаков поспешил зашторить амбразуру. Не в его привычках было шпионить за чужими страданиями. От своих бед столы ломились.

«Где мы едем?» – немой вопрос адресовался оконному проёму.

Снаружи буйствовали краски. Там разлилось бескрайнее море тюльпанов – алых, золотистых, фиолетовых, розовых.

Штабс-капитан кулаками потёр глаза, тестируя сказочный пейзаж на предмет галлюцинации. Всё-таки явь. Бывает же на свете такая красота.

Допыхтели до станции. На сей раз до большой, узловой. Тут тебе и паровозное депо, и мастерские. И вокзал посолиднее феодосийского.

– Джанкой, – оповестил всезнайка Евгений Евгеньевич.

Артиллерийские полковники деловито покинули вагон,

остальным велено было оставаться на месте.

Умолк перестук колёс, и оказалось, что существуют другие звуки. Из того же, впрочем, репертуара. Гнусаво трубили рожки стрелочников, с натужным скрипом и позвякиванием прополз грузовой состав. От горечи угольного дыма запершило в горле.

И тут поверх деловитого путейского гомона пробубнила канонада. Глухая, однако явственная. Артиллеристы на слух привычно определили калибр и дистанцию.

– Гаубица четыре с половиной дюйма.

– Примерно десять вёрст.

Население вагона напряглось. В голове каждого воскресли отодвинутые на периферию мысли о войне. Враг так близко? Неужели прорван фронт?!

Состав дёрнулся, это отцепился и принялся рьяно маневрировать паровоз, присвистывая, как Соловей-разбойник. Вскоре «хвост» поезда сделался «головой».

Пассажиры перевели дух. Значит, обратно на юг двинем. Подальше от жуткого грома пушек. Станция назначения – Симферополь. Не сейчас ещё пойдём умирать. Ожив, люди вернулись к вопросам быта. Начали думать о простых вещах.

Как бы сообразить умыться да кипяточка раздобыть.

* * *

Эшелон прибыл в Симферополь под вечер. Пока артилле-

ристы разгружались, спеша управиться до темноты, команда выздоровевших корниловцев, вооружением и лошадьми не обременённая, потопала в расположение дивизии.

Загибалов-Лось на правах старшего в чине выстроил ударников в колонну по трое. Преисполненный важности, словно он отборными гвардейцами верховодил, а не полу-инвалидами, рявкнул «шагом марш».

– Сейчас скомандует: «Песню запевай», – проворчал Цыганский.

– А я спою. Дуня с вёдрами идёт, комиссару не даёт! – шагавший с ним в одной шеренге худосочный сапёр не унывал.

Строй быстро растянулся. Кто послабее, начали сбиваться в задние ряды, а потом отваливаться. В их числе был Маштаков. Сначала он стоически пытался сократить отставание и даже переходил на одышливую трусцу, но надолго его не хватило. Сдался и поплёлся, правый бок рукой массируя. На случай претензий со стороны начальства припас наставление доктора Иллариона Аристарховича. Всех перенёсших тиф эскулап предупредил – физические нагрузки чреваты параличом сердца.

Другой уважительной причиной движения вне строя было шефство над белгородцем Котей. Тот расхромался окончательно.

Города оба не знали. На каждом перекрёстке Маштаков спрашивал у прохожих дорогу. Потом им указали надёжный ориентир – торчащий над крышами белый островерхий ми-

нарет. Казармы Крымского конного полка, занятые корниловцами, соседствовали с мечетью.

Поддерживая один другого, пулемётчик с добровольцем приковыляли в разгар фильтрационной процедуры.

За столом во дворе восседала комиссия, возглавляемая незнакомым дюжим полковником.

Медицину представлял сутуловатый зауряд-чиновник в английском френче с узкими серебряными погонами. Врач он был недоучившийся, о чём говорили поперечные золотые галуны на погонах. Время состарило серебро и золото, потемнев, они мало отличались по колеру.

Здесь же со скучающим видом присутствовал адъютант Копецкий.

Комиссия глубоко не пахала, соответственно, очередь двигалась споро.

Поднеся руку к козырьку, к столу с левой ноги шагнул поручик Цыганский. Его бравый доклад был выслушан председательствующим бесстрастно. Вообще держался полковник официально до чопорности. По добровольческим меркам был он очень немолод, порядка сорока лет. Экипирован в однобортный китель цвета хаки со стоячим воротником.

Такие, из дореволюционного гардероба, в Добрармии встречались редко. Китель был сильно поношенный, но при этом вызывающе аккуратный. Пожалуй, даже отутюженный. Рукав отмечен трёхцветным углом, а вот аляповатый корниловский шеврон на нём отсутствовал.

Врач велел Цыганскому снять повязку. Поручик со вздохом повиновался. Глаз без верхнего века смотрелся жутковато. Выкаченный шаром, как у рака, он придавал лицу изумлённое выражение. Рана под бровью имела по краям вдавленные точечки от снятых швов. Минуты не прошло, глаз заслезился. Поручик буркнул: «виноват» и бережно промокнул влагу изнанкой снятой повязки.

– Видите им? – необычное ранение профессионально заинтересовало зауряд-врача.

– Мутновато, – признался Цыганский.

– Как прицеливаться-то будете?

– Могу левым.

– В третью роту. Там должность взводного вакантна, – постановил полковник, склонился над ведомостью и каллиграфическим почерком заполнил пустую графу.

Подпоручика Евгения Евгеньевича в одну минуту определили по специальности в отдельную инженерную роту.

– Пулемётчик? – следующий вопрос адресовался Маштакову.

– Был прикомандирован к пулемётной команде.

– Там сейчас комплект. В офицерскую роту первого полка ступайте.

– Как скажете.

Панибратский ответ ошеломил полковника. Он откинулся к спинке стула, набирая в лёгкие воздуха. Наверняка, чтобы гаркнуть во всю мощь.

Маштаков оказался шустрее. Вытянулся и приколотил руки ко швам:

– Виноват, господин полковник! Слушаюсь!

Когда он, сделав «налево кругом», переместился на периферию, его окликнул вставший из-за стола Копецкий. Близко адъютант не подошёл. Руки он держал заложенными за спину.

– С выздоговлением, – за перестраховку по части профилактики инфекционных заболеваний извинился улыбкой.

– Это кто такой суровый? – шёпотом спросил Маштаков.

– Полковник Бгжезицкий. Бывший командиг Кавказского стгелкового полка. Остатки его кавказцев влиты в наш втогой полк.

– Правда, что у Горчакова полный штат?

– Укомплектовали чинами пулемётных кугсов пги Бгитанской миссии. На вид чегтовски бгавые вояки. Хватит им уже учительствовать, пускай повоюют. Почему спгашивате? Не хотите в офицегскую?

Пропустив вопросы мимо ушей, Маштаков озвучил свою просьбу:

– Господин ротмистр, велите зауряд-лекарю, чтоб мальчишку осмотрел. Мальчишка хорохорится, а у него нога гниёт.

– Вот этот «исполин»?

– Так точно.

– Хогошо.

– Господин штаб-ротмистр, вы мне нужны! – терпение Бржезицкого иссякло.

Стоя к полковнику спиной, Копецкий скроил сердитую мину, которую сопроводил смиренной репликой:

– Бегу, Александг Иосифович. Бегу.

Маштаков с длинным прапорщиком в очках отправились в роту. Офицерская на ночь глядя обустраивалась в казарме. Ударники расставляли поржавелые панцирные койки и ободранные кособокие шкафчики. На живую руку наводили подобие порядка.

Дислокацию ротного выдал раскатистый бас в глубине покоев:

– Господин вольноопределяющийся, прижмите веник к полу! Что вы гладите им, как кузину по причинному месту?! А вы, господин доброволец, оросите проход водой! Пылищу подняли, не вздохнуть! Белору-учки!

Попытка пулемётчика перейти на строевой шаг потерпела фиаско. Ноги – переваренные макаронины – едва отрывались от пола.

– Господин капитан, штабс-капитан Маштаков прибыл из госпиталя для прохождения службы.

– Вольно-о! – Белов откликнулся напористо.

Он ещё пребывал в образе погонщика брыклив́ого стада.

Выслушав доклад прапорщика, ротный отправил его во взвод, после чего увлёк Маштакова на улицу.

– Ну, здравствуйте, Михаил Николаевич! – обнял и затор-

мошил. – Боевой вы мой землячок…

Маскируя порыв сентиментальности, Белов достал из кармана портсигар. Повертел в руке – массивный, отливающий сытой желтизной. Не дождавшись реакции на богатую обновку, распахнул её.

– Стамбо́ли[69]!

Маштаков послушно угостился толстой папиросой с золотым ободком. Прикурил неуклюже, будто в первый раз, и пыхнул, не затягиваясь.

– Побаиваетесь? – догадался капитан.

– Угу.

– Здоровьице, значит, не ахти. Но выглядите много лучше, чем в судный день в Новороссийске. Вас тогда на «Корнилов» в виде полутрупа грузили. Не помните? Ну, ещё бы. Ничего, пара суток верных в вашем распоряжении. Отдохнёте, побаи́тесь, приоденетесь, подхарчитесь. В госпитале, поди, голодали? Мы тут не жируем, однако горячее питание налажено. Офицерскую ведь по приезде в караул законопатили. Сегодня только я отбоярился. Со скандалом! Битый час доказывал – роту надо сплотить, подтянуть. А как это прикажете сделать, коли люди по постам разбросаны? Много новых, мутных. Таких, как этот вот очкарик Анцыгин. У него, кстати, второе пришествие. Был зачислен в роту перед эвакуацией, и сразу его приступ малярии скрутил.

---

[69] Стамбо́ли и И.В. – русский купец 1-й гильдии, основатель табачного производства в г. Феодосия.

Почти две недели Белов не видел Маштакова, а тот ротного – аж с января месяца. С того дня, когда на станции Каял штабс-капитана изъяли в пулемётную команду. Был шанс свидеться во время отступления, но Маштакова ещё дальше закинули, в третий полк, по пятам которого шли неудачи, увенчавшиеся елизаветинской трагедией.

Высоченный, мосластый, жилистый ротный остался таким же бедовым и острым на язык. Взор его по-прежнему насмешлив. Худое лицо успело загореть до коричневы: больше всего досталось от крымского солнца носу-уточке – он облез и стал пятнистым, красно-розовым. Коротко подстриженные белесые усы вызывающе топорщились.

– Куда вас определить? – размышляя, капитан забросил вылинявшую фуражку на затылок. – На бывшем вашем взводе Риммер хорошо работает. Не буду ему руки отбивать. С учётом здоровья пулемётчиком потянете? «Льюис» ваш в целости. Пока с ним Бондаренко нянчится, но у него ещё молоко на губах…

– А поручик Обух где?

– Где, – Белов почему-то затруднился с ответом.

Погримасничал в поисках нужных слов и вдруг спохватился, вспомнил, что ему нужно в штаб.

– Всё узнаете от Бондарен́ ки! – невежливо отмахнулся.

Маштаков вернулся в казарму. Отделение пулемётчиков входило в штат первого взвода. Надо было представиться непосредственному начальству.

В полутёмном коридоре на него налетел Львов.

– Михаил Николаевич! – Боря обрадовался, как ребёнок. – Вы успели! Здóрово! Днями выступаем на фронт!

– Что за шум в расположении?! – из цейхгауза вальяжно вышел Риммер, на погонах которого прибавилось звёздочек.

Усилие понадобилось новоиспечённому поручику, дабы сохранить суровое выражение на скуластой физиономии.

Маштаков доложил подчёркнуто церемонно, добавив:

– Поздравляю с производством.

– Он до сих пор не обмыл! – взвился Львов. – Говорит, пока начдив с начштаба свои погоны не вспрыснут, я не раскошелюсь. Представляете, во всей дивизии только троих произвели. Скоблина, Капнина и господина Риммера! Нижние чины в расчёт не берутся.

– Брось трепаться, Борька, – Андрей всё-таки раскололся, сверкнул червонной фиксой. – Не слушайте, Михаил Николаевич, этого пустозвона. В приказе больше фамилий значилось. Не скажу, что много, но поболе трёх. Строй взвод на перекличку, комик! Господин штабс-капитан, вы пока обживайтесь. Вашего подчинённого я отпущу. Подтяните его. Он совсем раскис. Если не очень устали, после отбоя можно чайку сообразить. За чаем и поговорим.

В казарме не заблудишься. Второго номера своего расчёта Маштаков нашёл быстро, а вот узнал не сразу.

Человек, горбившийся на табурете, был мельче телесно и старше годами. Где знаменитые на всю роту бравые усищи?

Где начёсанный-напомаженный кок? Вместо щегольской кубанки – фуражка британского образца с бесформенной тульей. Головной убор был на несколько размеров больше положенного, оттого нахлобучен на уши чуть не по мочки. Соответственно, у его обладателя вид недотёпы. И погоны другие, на каждом по паре серебряных лычек. Глядел младший унтер оторопело. На появление офицера всё же среагировал. Подхватился с табуретки.

Поднёс к козырьку расслабленную руку:

– Господин штабс-капитан…

На этом доклад оборвался. Пухлые губы, новая деталь в облике добровольца Бондаренко, прежде скрытая буйной растительностью, дрожали. Происхождение коричневых ссадин под носом вызывало вопросы.

Маштаков взял ударника за кисть, опустил руку.

– Здравствуй, Арсений. Да ты садись.

И сам присел на койку. Часа на ногах хватило, чтобы покрыться испариной.

– Рассказывай, что стряслось, – разница в возрасте позволяла штабс-капитану разговаривать с отцовской интонацией.

Арсений, заикаясь, поведал историю про их с поручиком Обухом увольнение в город, про то, как они гуляли и пили вино, а потом прока́зили в кафедральном соборе. И как наутро командир полка привёл церковного старосту опознавать бедокуров. Как Обуха арестовали и увели под конвоем. А

потом… потом его повесили на уличном фонаре по приказу генерала Кутепова.

– Из-за меня всё. Это ведь я нищим вербу раздавал и наганом старосте пригрозил. А господин поручик меня спасли. Усы мне насухую сбрили, – ногтем Бондаренко ковырнул болячку на верхней губе. – И фуражку свою заместо моей кубанки…

Маштаков кивал и кивал, как китайский болванчик, со всем соглашаясь. Что ещё делать, он не знал. Сказать, разве, банальную фразу: «Ничего не изменишь, сынок. Жизнь продолжается».

Дурная новость умножила слабость. Изображение поплыло перед глазами. В висках тонюсенько запищало.

Обвально слабея, штабс-капитан подумал: «Ваньки нет больше. Кто теперь поведает, когда феодосийский вокзал построен?»

– Твоя койка? – спросил на выдохе. – Полежу немножко. Силёнки чего-то кончились.

И Маштаков осторожно прилёг на бок, руки прижал к груди, а коленки к животу подтянул. Так в жалкой позе эмбриона и задремал.

15
25–30 марта 1920 года
Севастополь – Симферополь – Севастополь

Новость о смерти генерала Романовского обрастала подробностями. Как всегда, гуляло множество разноречивых слухов. Ставка главнокомандующего, в отличие от прочих интересантов, имела возможность получать информацию из первых уст.

Наиболее полную картину о событиях двадцать третьего марта содержал рапорт генерала Агапеева, представлявшего ВСЮР при союзном командовании.

Узнав из телефонного сообщения о внезапном приезде в Константинополь генерала Деникина, Агапеев немедленно отправился на пристань, где встретил экс-главкома и генерала Романовского, которых сопроводил в русское посольство.

Пока Агапеев с Деникиным решали бытовые вопросы, Романовский отлучился в вестибюль. Когда он возвращался, в биллиардной к нему подошёл высокий худой человек, одетый в офицерское пальто мирного времени с золотыми погонами. Неизвестный выхватил из кармана револьвер и трижды выстрелил в Романовского, после чего скрылся через чёрный ход. Спустя несколько минут раненый генерал скон-

чался. Доктор, осмотревший его труп, поведал – шансы спасти Романовскому жизнь отсутствовали. Одна пуля попала в сердце, другая разорвала сонную артерию.

Вернувшийся из Константинополя генерал Шатилов дополнил рапорт военного агента нюансами, которые не доверишь бумаге.

В связи с поздним временем Павел Николаевич справился в приёмной, не терпит ли его доклад до утра.

– Главнокомандующий вас ожидает, ваше превосходительство, – адъютант имел насчёт Шатилова чёткие указания.

Не в характере Врангеля было откладывать важное на потом. Со дня вступления в должность он работал по двенадцать часов, требуя такого же усердия от подчинённых.

Барон забросал вопросами с порога. Первый касался реакции предшественника на случившееся:

– Якобы он упал в обморок?

– Разговор такой был, – кивнул Шатилов, усаживаясь визави хозяина кабинета, – однако очевидцы не подтвердили. По утверждению Агапеева, с Деникиным случилась психологическая перемена. Он сделался непривычно груб. По-человечески первую реакцию Антона Ивановича понять можно. Внезапная трагическая смерть ближайшего соратника, давнего друга… Некрасиво выглядит его дальнейшее поведение. Он заявил, что не желает видеть на панихиде ни одного русского офицера.

– А что за история с вторжением в наше посольство английских солдат?

– Она ещё более неприглядная. Супруга Деникина, запаниковав, обратилась к генералу Холману с просьбой прислать войска для защиты её мужа. Наш консул немедленно заявил протест. Нарушение принципа экстерриториальности! Азбука международного права. Холман ответил, что бывший главнокомандующий находится под покровительством Короны, и они не могут отказать ему в защите. Инцидент легко мог предотвратить сам Деникин. Агапеев при свидетелях попросил его урезонить англичан. Куда там! Деникин не пожелал никого слушать. Дальше – больше. Кроме английских офицеров, в посольство прибыл караул гу́ркосов.

– Это кто?

– Колониальные войска. Новозеландцы или непальцы, могу ошибиться. Не суть. Сопа́тки коричневые, скуластые, глазки маленькие, свирепые. В широкополых шляпах, вооружены многозарядными винчестерами. Словно со страниц романа Жюля Верна сошли! Они образовали коридор от комнаты Деникина до самой церкви. На наших соотечественников сей демарш произвёл шокирующее впечатление. Сразу после панихиды Деникин с семьёй укрылись на английском госпитальном судне, а наутро отчалили на дредноуте «Мальборо». С Агапеевым Деникин даже не попрощался.

– Тебе, Павлуша, как будто, жаль Агапеева. Слишком он обидчив, гляжу. А ведь бардак у себя развёл. Чем он объясняет происшествие? Почему в посольстве проходной двор?

– Говорит, что вынужден был предоставить часть комнат беженцам, терпящим нужду. Он неоднократно ходатайствовал перед союзниками об обеспечении охраны здания стражей из русских солдат. Речь вёл всего о тридцати штыках. Есть подтверждающие письма. Французы разрешили, англичане же в своей манере заупрямились. О приезде Деникина и Романовского генерал Агапеев узнал в час их прибытия…

– Сто уважительных причин, в общем. Агапеева придётся с должности сместить. Но сделаем это в корректной форме. Главное его упущение состоит в том, что он не сумел обеспечить достоинство России. Приказ надо выписать так, чтобы англичане услышали упрёк в их адрес.

«Бей своих, чтобы чужие боялись?» – со скепсисом подумал Шатилов, но возражать не стал.

Морское путешествие далось генералу трудно, изнурила качка. Миноносец – не круизный лайнер.

Вдобавок разнылась рана, полученная год назад при покорении Чечни. Пуля тогда пробила щиколотку, раздробив мелкие кости сустава.

Хотелось побыстрее раздеться до белья, стянуть тесные сапоги, умыться и рухнуть на диван. В подвале «Малого дворца» помощнику главкома было отведено помещение, служившее одновременно кабинетом и спальней. В данную

минуту каморка без окон представлялась ему райским уголком.

Похоронен генерал Романовский был на Греческом кладбище.

– Семью известили? – какими бы ни были разногласия с покойным при жизни, его родных они не должны были затронуть.

– Да. Вдова и дочь в Сербии. Приедут на могилу, как только смогут.

– Что с розыском убийцы?

– Англичане назначили по делу следователя и потребовали от Агапеева полного содействия в расследовании. При этом поставили условие – если стрелок не будет найден, они вышлют в Крым всех русских офицеров, проживающих в Константинополе и окрест [70].

– В таком случае они окажут нам услугу, – впервые с начала разговора худое лицо Врангеля посетила улыбка. – Ряды нашей армии сразу удвоятся. Но это пустая угроза. Реализовать её у англичан, несмотря на всю их фанаберию, нет ни сил, ни средств.

– Кроме того, английский следователь предложил генералу Агапееву сделать объявление. Тому, кто укажет на убийцу, англичане ассигнуют тысячу фунтов.

– И что наш Агапеев?

– Счёл такой метод недостойным для русской власти. По-

[70] В окрестности, вокруг (устар.).

рекомендовал следователю делать подобные ангажементы от своего имени.

– Правильно. Что ещё по этому вопросу?

– Генерал Глобачёв просит командировать к нему в Константинополь несколько квалифицированных сотрудников. Намеревается утереть англичанам нос и сыскать террориста самостоятельно.

– Пусть подготовят распоряжение, я подпишу. Обязательное условие – действовать крайне деликатно, без жандармской кондовости. Чужая страна, чужие законы.

Врангель дотянулся до звонка на краю стола. На пороге вырос адъютант.

– Чем-нибудь угостите нас, ротмистр? – главком вдруг почувствовал, как обессилел. – Павел Николаевич с дороги, а я его пришпориваю.

– Чай и бутерброды, ваше превосходительство, подадут в течение пары минут. Но лучше поужинать. В столовой накрыто на два куверта [71].

– Павел Николаевич, ты как?

Шатилов взглянул на часы:

– Поздновато чревоугодничать. Я обошёлся бы чаем.

Барон кивком одобрил слова помощника.

---

[71] Куверт – обеденный прибор на накрытом столе (франц.).

* * *

Горячий крепкий чай, да ещё с лимоном оказался кстати. Генералы взбодрились. Основную цель миссии Шатилова – переговоры вокруг отказа англичан от оказания помощи ВСЮР – препарировали с искрой.

Шатилов был принят верховным комиссаром адмиралом де Робеком на борту броненосца «Император Индии». Обстановка встречи выглядела дружественной. Темы убийства генерала Романовского адмирал не коснулся. Расследование находилось за пределами его компетенции.

Посланник сразу перешёл к сути. Первый вопрос – как англичанами принята нота Врангеля на их ультиматум, второй – может ли Белая армия рассчитывать хотя бы на временное снабжение.

Де Робек от прямых ответов уклонился, сказав, что ждёт распоряжений из Лондона.

Содержание письма Врангеля он знал, в связи с чем поинтересовался:

– На какую помощь вы рассчитываете, если предложения нашего правительства вами отвергнуты?

Шатилову понадобилось всё его красноречие, чтобы изложить дело иначе.

– Я сказал, что рекомендации Лондона нами в целом приняты, но мы исходим из того, что из переговоров с Совдепи-

ей у англичан ничего не выйдет. Поэтому мы должны быть готовы к атаке на Крым и собираемся защищать его, пока не будет окончательно выяснена судьба армии.

Де Робек обмолвился, что белогвардейцам лучше на снабжение из-за границы не рассчитывать. Затем спросил, как им видится обеспечение нейтралитета Крыма в период переговоров с Москвой.

– Я ответил, – Шатилов лукаво улыбнулся, – что оптимальным обеспечением безопасности будет посылка англичанами энного числа батальонов, которые займут выходы с полуострова. Атаковать их большевики не отважатся.

– Могу представить реакцию адмирала, – смелая импровизация Врангелю пришлась по душе. – Дар речи он часом не потерял?

– Зришь в корень, Пётр Николаевич. Де Робек в настоящий ужас пришёл и попросил даже не думать о такой возможности. Таким образом, наши переговоры можно аттестовать, как формальные, если бы не моя встреча с английским генералом… – Шатилов прикрыл глаза и легонько постукал себя пальцем по виску. – Фамилия из головы вылетела. Вспомню, озвучу… Так вот, я получил от него заверение, что, несмотря на туманность распоряжений правительства, он примет меры, дабы уже прибывшие пароходы с запасами для нашей армии будут нам отправлены. И своё слово он сдержал: два парохода ушли в Феодосию. Мне показалось, что де Робек об этом щедром жесте был осведомлён.

– Ни капли сомнений! Без ведома адмирала муха не пролетит. Павлуша, я оцениваю результат твоей поездки как отменный. С нами разговаривают, нам не объявили бойкот. Мы выигрываем время. Благодарю за службу!

– Рад стараться, ваше превосходительство. С твоего разрешения, Пётр Николаевич, я пойду отдыхать? Боюсь заснуть сидя…

* * *

При новом главкоме Ставка просыпалась рано. В восемь утра начинались оперативные совещания. Сегодняшнее было посвящено укреплению северных выходов из Крыма.

Докладчиком выступал начальник штаба. Генерал Махров подготовился на ять, излагал тезисы так громко и чётко, будто стоял на кафедре перед переполненной аудиторией. Показное рвение Петра Семёновича свидетельствовало о том, что слух о зашатавшемся под ним кресле, невзирая на режим конфиденциальности, до генерала всё-таки дошёл.

– Необходимо, не жалея средств, привести оборонительную линию в сильную укреплённую позицию! Для этого надо деятельно продолжать сооружение проволочной сети, закладку мин и фугасов, постройку батарей и блокгаузов [72]! Скорейшее окончание железной дороги Джанкой – Юшунь

[72] Блокгауз – фортификационное сооружение для ведения кругового ружейного и артиллерийского огня.

имеет первостепенное значение! – к помощи лежавшей перед ним справки штабист не прибегал. – Необходим материал, а также рабочие и транспортные средства. Проволоки имеется на месяц работы. Соответственно необходимо прямо сейчас просить у союзников сто тысяч пудов колючей проволоки. Не менее! Доставить её предстоит из Салоник. Колья добываются из местных лесных разработок. Желательно усилить их рубку и доставку на фронт. В Севастополе есть много различных металлических башен, стальных плит, мин, орудий и прочего. Руководство работами организовано, имеется большой кадр инженеров. Самый острый вопрос – с рабочими и транспортом. Разрешение данной проблемы вижу в привлечении общественности…

Главком вежливым жестом остановил выступающего:

– Благодарю, Пётр Семёнович. Аналитика глубокая. Расчёты произведены детальные.

Начштаба склонил голову в учтивом полупоклоне. Благосклонный настрой Врангеля он расценил оптимистически. Ещё бы осушить липкую испарину, пробившую сократовский лоб. Махров комкал в ладони платок. Сдержался, выказывать волнение было не комильфо.

– Теперь наши грандиозные замыслы надлежит реализовать, – барон резюмировал услышанное. – Упования на общество, на современных Мининых, увы, из области фантазий. Воплощать задачу предстоит генералу Юзефовичу. Поручаю ему организацию и руководство работами. Яков Дави-

дович в представлении не нуждается, – главком повёл длинной рукой в сторону хмурого генерала, сидевшего в углу кабинета.

– Вопросы к докладчику возникли, Яков Давидович?

– Нет, – не разжимая губ, отозвался Юзефович, лаконизмом подтверждая прозвище Великий Молчальник, приставшее к нему в далёкие годы юнкерства.

Красноречием, равно как и живостью характера, он не отличался и тогда. Всегда был сдержан и неулыбчив. Причина, возможно, крылась в происхождении. Юзефович вышел из дворянской семьи литовских татар. Был магометанином по вероисповеданию.

Азиатское отчётливо проступало в разрезе его глаз. И без того узкие с возрастом они превратились в щёлки за счёт набрякших коричневых подглазин. Голову генерал взял в обычай брить наголо, причёска ежом осталась в прошлом. Крылатые брови и густые усы были одной масти – вороной.

Потомственный военный Юзефович имел фундаментальное образование. За плечами, украшенными генераллейтенантскими погонами, – Полоцкий кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевская академия Генштаба. Перечисленные учебные заведения окончены Великим Молчальником с отличием.

Великую войну он проделал на ответственных штабных и строевых постах. Из экзотики – служба в знаменитой Дикой дивизии. Вершина карьеры – командующий двенадцатой ар-

мией.

Врангель познакомился с ним в январе 1919 года, принимая Кавказскую Добровольческую армию. Юзефович был назначен к нему начальником штаба.

Барон очень скоро понял, что угрюмая маска ближайшего подчинённого скрывает глубокую эрудицию и бесценный боевой опыт. Формулировки штабиста были сжатыми и всегда точными. Его трудоспособность поражала.

Когда барон свалился в тифу, генерал Юзефович с успехом замещал его.

На этапе реорганизации ВСЮР он был одним из претендентов на должность командармдобра. Деникин, однако, сделал выбор в пользу Май-Маевского.

Врангель пытался отстоять кандидатуру Якова Давидовича, на что услышал: с командованием армией Юзефович не справится, он – генерал весьма средних способностей. Время показало, какую фатальную кадровую ошибку допустил экс-главком.

– Без дела ваш протеже не останется. Он возглавит формирующийся пятый кавалерийский корпус! – закругляя памятный разговор, Деникин подсластил пилюлю.

Новая должность Юзефовича с учётом качества вверенного ему соединения была очевидным понижением. Скроенный на живую нитку малочисленный корпус растянулся на фронте в пятьдесят вёрст. В боях с превосходящим противником он быстро истаял и был сведён в бригаду.

Переживая допущенную в отношении него предвзятость, Юзефович стал ещё более бирюковатым. Прежнего усердия в нём не наблюдалось. Тем не менее Врангель был уверен, что сумеет растормошить старого солдата. По крайней мере, его порядочность не вызывала сомнений. К рукам Якова Давидовича не пристанет ни копейки, при том что на строительство оборонительных сооружений будут отпущены миллионы.

Великий Молчальник принял у генерала Махрова папку с документацией и положил перед собой. Пролистнуть не удосужился. Его плоское смуглое лицо осталось непроницаемым, как у каменного идола на степном кургане.

* * *

Следующим утром Врангель выехал в Симферополь. Торопился лично, не из причёсанных докладов узнать, чем живут «цветные» полки и их начальники.

Инспекцию ознаменовал инцидент, регулярной армии противопоказанный.

На вокзале главкома встречали два почётных караула. Один – от Добровольческого корпуса, второй – от частей, подчинённых генералу Слащову.

Юнкера-константиновцы [73] были выстроены на платфор-

[73] Воспитанники 1-го Киевского Великого Князя Константина Константиновича военного училища.

ме. Их правый фланг венчал сам Слащов, благодаря своему экзотическому одеянию заметный издалека. Опушённая чёрным мехом короткая белая куртка с мягкими серебряными погонами пошита в талию. Низко срезанная чёрная меховая шапка (почему-то без кокарды) сбита на висок. На груди – неуставная чехарда. Орден св. Георгия пришпилен посредине, на горностаевой оторочке вровень с ним справа и слева привинчены знаки – академический и родного лейб-гвардии Финляндского полка.

С юнкерским шиком подойдя с докладом, генерал сообщил, что прибыл с фронта для охраны главнокомандующего, так как не доверяет добровольцам.

– Я в особой охране не нуждаюсь, – чёрствым тоном отреагировал Врангель и пошагал к взявшим ружья на караул корниловцам.

Ожидавший иной реакции Слащов опешил. Лицо его, осунувшееся и обрюзглое одновременно, исказила гримаса страдания.

Приняв доклад генерала Кутепова, им сопровождаемый, Врангель двинул на площадь, где были выстроены войска.

Более сюрпризов не случилось. Главком бодро обошёл с приветствиями строй ударников. Встав на середину площади, произнёс краткую речь. Простые и понятные слова произнесены были громовым голосом с властной интонацией. В ответ взорвалось оглушительное «ура».

Последовательно доказывая тезис о религиозности армии,

о богоугодности её борьбы, Врангель отстоял молебствие в Александро-Невском соборе.

Демонстрируя открытость вождя для общества, принял ряд должностных лиц и земских деятелей.

Затем объехал лечебные заведения, где выслушал нужды врачебного персонала. Наведавшись в палаты, подбодрил раненых и больных.

Поездкой барон остался доволен. По возвращении сообщил Шатилову, что настроение войск заметно повысилось, их боеспособность возрождается на глазах.

– Надо готовить операцию, которая создаст для нас выгодное исходное положение.

Сказано – сделано. Наутро – рабочее совещание. Основной докладчик – вновь генерал Махров. Генерал Шатилов назначен содокладчиком. Исподволь готовя ближайшего помощника к принятию должности начштаба армии, Врангель подключил его к разработке плана. Умница Махров дыхание в затылок, разумеется, почуял. Оттого усердствовал пуще прежнего.

– Занятые нами позиции неудобны, в связи с чем активная оборона чрезвычайно затруднительна. Летом Сиваш мелеет, и позиции легко обходятся. Особенно беспокоит Чонгарский полуостров, там противник стоит вплотную. Тёплая погода позволит ему жить под открытым небом и спокойно сосредотачивать войска. Поэтому представляется настоятельно необходимым выдвинуть часть позиций вперёд, овла-

дев выходами из Сальковского и Перекопского дефиле.

Доклад сопровождался пассами указки по закреплённой на стене топографической карте из атласа Стрельбицкого [74].

– Для операции следует использовать части Добровольческого корпуса. Произведём на обоих флангах противника десанты. Действуя ими в тыл большевиков, одновременно нанесём удар с фронта! – увлёкшись, Махров едва не порвал десятивёрстку остриём указки.

Общий замысел впечатлил главкома.

– Пётр Семёнович, к детальной разработке операции привлеките командующего флотом.

– Павел Николаевич, – развивая мысль, Врангель без паузы обратился к Шатилову, – вы сегодня же снеситесь с нашей морской базой в Константинополе. Уголь, необходимый для десантных операций, должен быть доставлен срочно.

На следующем совещании, сутки спустя, обсуждалась конкретика. Тактических условных знаков на карте добавилось, теперь она пестрела синими и красными овалами, ромбами, дугами, флажками. Синие, хищно заострённые стрелы, изогнутые и прямые, обозначали удары из Крыма.

– К Юшуни выдвинутся марковцы. Их атака совместно со второй Донской и тридцать четвёртой пехотной дивизиями отбросит красных от Перекопа! – указка в пухлой руке начальника штаба сделала энергичное движение.

---

[74] Атлас «Специальных карт Европейской России» составлен картографом И. А. Стрельбицким.

На занятиях по штыковому бою такой выпад предваряет команда: «Коротким – коли!»

– Одновременно на левом фланге у посёлка Хорлы высаживается Дроздовская дивизия. На правом, у деревни Кирилловка, выгружается Алексеевская бригада, – теперь указка, порхая, очертила арки маневров на периферию. – Десантные силы наносят фланговые удары, разрывают фронт противника, парализуют его попытки к контрнаступлению и соединяются с главными силами на Перекопе и Чонгаре.

В теории план выглядел безукоризненно. Махров в очередной раз подтвердил реноме штабного оператора высшей квалификации.

– Генерал Лукомский уже выслал топливо для судов, предназначенных для десанта, – добавил с места Шатилов.

– Отлично! – Врангель одобрил дебют нового представителя при союзном командовании.

Из присутствующих только главком и Шатилов знали о казусе, сопутствовавшему важному кадровому решению.

Закружившийся в чехарде срочных дел Врангель, провожая Шатилова в Константинополь, оговорился, озвучивая фамилию преемника оскандалившегося генерала Агапеева. Назвал Лукомского вместо Драгомирова. Последний был куда более подходящим кандидатом, он владел языками, его знали иностранцы. А главное, Абрама Михайловича следовало поощрить за мудрое председательство на судьбоносном военном совете.

Шатилов довёл до Лукомского вердикт главкома, прежде чем недоразумение выяснилось. Отыгрывать было неприемлемо, и Врангель утвердил назначение. Досаду приструнил доводом, что Лукомский тоже крупная величина, и его также можно причислить к когорте единомышленников, подвергнувшихся гонениям за отстаивание собственного мнения по поводу стратегии борьбы с большевизмом. Лукомский был уволен Деникиным со службы одновременно с бароном. Опять же Александр Сергеевич имел твёрдые политические взгляды. Он – убеждённый монархист. Немного смущала его принадлежность к масонской ложе…

– Насколько сильна противостоящая нам тринадцатая армия? – выслушав доклад, Врангель перешёл к вопросам.

– На передовой насчитывает порядка шести тысяч штыков и трёх тысяч шашек. Качественный состав достаточно высок. Наиболее стойкие соединения – Эстонская и Латышская пехотные дивизии. Хорошо работает кавдивизия червонного казачества.

– Наши старые знакомцы. Ударная группа, которая опрокинула генерала Кутепова под Орлом. Что известно о их моральном духе?

– Расцениваю как удовлетворительный, но присутствует надлом неудачными боями за овладение перешейками. Ещё более разлагающе на них действует позиционное стояние.

– Не обольщаетесь, Пётр Семёнович? Недооценка противника всегда чревата.

– Опираюсь строго на данные разведки, ваше превосходительство.

– Кто командует тринадцатой армией?

– Некий Пау́ ка. Латыш, бывший подполковник, выпускник Николаевской академии. До этого у красных командовал стрелковой дивизией. Мы с ним сталкивались при отступлении через Донбасс. Неглуп, упорен.

– Однако ворваться в Крым на плечах слабых войск Слащова не смог.

– Согласен, ваше превосходительство. Звёзд с неба не хватает. Это видно и по тому, как он расположил армию. Эшелонирование в глубину отсутствует. Тыл организован мало.

– Ну что же, господа, преподнесём этому Пауку́ первый урок! Разорвём паучьи тенета! – к концу совещания настроение Врангеля поднялось настолько, что он позволил себе каламбур.

16
30 марта 1920 года
Севастополь

Всё складывалось настолько гладко, что Адуев боялся поверить в реальность происходящего. Сперва подвернулась счастливая оказия в Константинополь с адъютантом генерала Шатилова. Эстафету удач подхватил начальник паспортной части заморского представительства Глобачёв. Немедля отреагировав на письмо, их превосходительство затребовал в своё распоряжение персонально подполковника Адуева и одного сотрудника по усмотрению оного [75]. Таковым, разумеется, оказался унтер-офицер Порфирьев.

В севастопольском КРО царил ералаш. Ревизия специальной комиссии сенатора Кальпицкого фактически парализовала деятельность подразделения. При этом от его начальника полковника Будогоского требовали немедленных результатов по ликвидации активизировавшего большевистского подполья.

Взмыленные коллеги по цеху не оценили проф ита Адуева. Цель командирования расценили как авантюрную. Поиск убийцы злого гения Доброволии казался сослуживцам зряшным предприятием. Генерал Романовский – битая карта. Ра-

[75] Оный – вышеупомянутый (канц., устар.).

ди его загробной тени подвергать себя опасности? Увольте. За стрелком однозначно стоит некая тайная организация. Судя по эффективности её действий, могущественная. Что может противопоставить ей сыщик-одиночка? Тем более на чужбине на правах туриста?

Разуверить коллег подполковник не пытался, напротив, цементировал их выводы.

– Что я могу поделать, господа? Приказ есть приказ, – вздыхал он удручённо.

На удивление быстро были оформлены командировочные документы.

Уже к полудню Адуев получил в канцелярии бумаги, отблагодарив делопроизводителя за расторопность сигарой «Ля Хабанера»:

– Оцените, юноша! Гаванский табак не чета крымскому!

Распоряжение прочёл в коридоре и обомлел. Его фамилия была на месте, но вторую строчку вместо Порфирьева занимал штабс-капитан Пискарёв.

Адуев, растолкав очередь в приёмной, пробился к начальнику отделения.

– Господин полковник, произошла досадная ошибка!

– Никакой ошибки, – Будогоский не оторвался от правки отпечатанного на машинке документа. – Командируются офицеры, вы и Пискарёв. Нижний чин, филёр [76] не та фигура.

---

[76] Филёр – агент охранного отделения.

– Но генерал Глобачёв истребовал квалифицированных сотрудников. Господина Пискарёва я знаю хорошо, он таковым не является.

– А коли знакомы, то знаете, чей он протеже. Всё, господин Адуев! Покиньте кабинет. У меня, в отличие от вас, невпроворот дел!

Не найдя дополнительных доводов, подполковник в смятении вышел.

На лестнице раскинул руки для объятий пресловутый господин Пискарёв.

За пять месяцев, минувших со дня их последней встречи, штабс-капитан не изменил своим привычкам, пребывая в служебное время подшофе. Набрякший портрет его имел насыщенный багровый колер, нос-клубень был расписан ажурной сеточкой фиолетовых прожилок. Усы оставались подстриженными по английской моде – кончики заострены и эксцентрично приподняты.

Орден св. Владимира с мечами и бантом декларировал героическую суть его обладателя. Образ прошедшего огонь и воду окопника дополняла пара серебряных нашивок на обшлаге поношенного френча.

«Вот, впрочем, и обновка, – отметил Адуев. – Прежде, помнится, лычка за ранение у него была одна. Добавил для внушительности».

Владимир с мечами и галуны на рукаве были чистейшей липой. Тыловое ничтожество Пискарёв сделал карье-

ру за счёт родства с генерал-квартирмейстером. После отставки генкварта его покровителем стал протопресвитер [77], в чьи любимчики проныра затесался в дни оставления Курска. Штабс-капитан тогда вывез из города чудотворную икону Знамения Божьей Матери. Рядовой поступок был раздут в подвиг былинного масштаба. «Не прояви отважный офицер инициативы, святыня обязательно угодила бы в руки богопротивных большевиков!» – так преподнесли наверх.

Скромным чином хитрец довольствовался неспроста. Как пить дать рассчитывал в случае пленения отрекомендоваться пешкой, притом мобилизованной, слова подкрепив заготовленным документиком.

Адуеву он нагадил дважды. В Харькове подсидел на должности начальника оперативного отделения, а затем, добивая поверженного, донёс о его былой службе в Отдельном корпусе жандармов. По прямому назначению использовал нелюбовь к царским жандармам заигравшегося в либерализм генерала Деникина.

Подполковник не таил зла на Пискарёва. Глупо злиться на клопа, исподтишка покусавшего тебя в постели. Такого просто следует раздавить при случае.

К тому же, если взглянуть под другим углом, кляуза носатого пьянчуги вышла во благо. Благодаря ей Адуев с комфортом покинул материк до того, как посыпался фронт.

---

[77] Протопресвитер – высшее звание белого духовенства в православных церквях.

Полковник Двигубский, храни Господь его от всяческих невзгод, придумал ассистенту задание в Крыму.

Отношение к штабс-капитану, как к насекомому, чей укус не смертелен, изменилось бы кардинально, узнай Адуев о том, что именно Пискарёв выдал адрес на Максимилиановской, где его подкараулили боевики ЧК.

Почасовы́е коньячные вспрыски заряжали Пискарёва театральным жизнелюбием. Его отличала оригинальная картавость – раскатистая, со звонким прищёлкиванием. Он будто катал во рту обжигающий нёбо вареник.

– Так это вы! Какая р-радость! А я ломаю голову, что за Адуев назначен мне в помощники? Понимаю, понимаю, вопрросы личной безопасности. Вы же перрежили покушение! А я вот за псевдонимами не прячусь. Азм есть – фаталист!

Притушив взор, подполковник стоически глотал упрёки в малодушии и прочую ересь.

Когда Пискарёв затащил его в угловую каморку, Адуев приготовился выслушивать завиральные идеи насчёт грядущего расследования. Вместо этого был посвящён в наисекретнейший план бескровной победы над гидрой большевизма.

Оказывается, Синод собирается устроить грандиозный крестный ход. Женщины, дети, старики, калеки на костылях двинутся с иконами и молитвами в Москву. Поведут их духовные пастыри. Стрелять в безоружных коммунисты не решатся. Шествие будет денно и нощно прирастать людьми.

В златоглавую под малиновый звон сорока́ сороко́в [78] войдёт миллион паломников.

– И вот тогда прроснётся совесть, и ррусский народ прримиррится! – вскричал Пискарёв, брызгаясь слюной.

Когтистая лапка его терзала лучший адуевский пиджак. Подполковник заторопился высвободить рукав, бормоча, что до отплытия ему нужно уладить уйму дел.

– Встречаемся на причале, – прощальная фраза вышла мизерабельной.

Психическое нездоровье компаньона, самовластно назначившего себя старшим следственной бригады, пуга́ло.

Приоритетом, однако, являлось выяснение отношений с другим компаньоном, ожидавшим указаний на съёмной квартире.

Здесь важна была наглядность доводов. Адуев выложил на столешницу приказ, разгладил его ладонью и членораздельно озвучил содержание.

Порфирьич с опаской взял в руки казённую бумагу. Напряг тугую кожу на покатом лбу, в трудное шевеление привёл мясистые губы. Так читают по слогам дети. С грехом пополам достигнув подписи «Генерал-майор Климович Е. К.», унтер огорошенно крякнул.

Адуев терпеливо объяснил, что шанса переиграть распоряжение нет.

Порфирьич набычился. Задира́тельно выставил из-под

[78] Происходит от выражения «Москва – город сорока́ сороко́в церквей».

стола ногу в сапоге с «гамбургским передóм» – матовой головкой при лаковом голенище.

– Скажи что-нибудь! – не выдержал подполковник. – Веришь мне?

Сохраняя обличье каменным, унтер пожал неохватными плечами.

– Ну, спасибо, Лука Евсеевич! – ради исключительного случая Адуев вспомнил имя-отчество подручного, отказываясь от всегдашнего квазиприятельского «Порфирьича», порождения фамилии. – Мы ж с тобой не один пуд соли съели! В десятый раз повторяю – ты мне нужен. Мне даже таскать этот чёртов сундук несподручно. Тотчас привлеку внимание. Что за тяжесть у вас в багаже, господин хороший? Кирпичи-с? А ты, богатырь земли русской, пронёс бы на борт, как пушинку. Разумеешь?

Порфирьич безмолвствовал.

– Молчишь? Послушай тогда меня. Предлагаю увезти золото в Константинополь и там положить в надёжный банк. Тебя незамедлительно уведомлю телеграфом – в какой – и включу во владельцы сейфа с собою наравне. Другой вариант – забирай свой ненаглядный слиток. И таскайся с ним как с писаной торбой!

Унтер попросил время подумать до утра.

Стали отходить ко сну. Адуев запер дверь на задвижку. Старательно подпёр её стулом. Оценивая надёжность фортеции, хмыкнул: «В бирюльки играю».

Расшнуровал ботинки. Разувшись, пошевелил пальцами натруженных ног. Прикинул, стоит ли раздеваться до белья. Безопасней, конечно, лечь одетым. Но нельзя завтра выглядеть бродягой. Публика на верхней палубе соберётся чистая. Выделяться негоже.

Браунинг привычно нырнул под комковатую подушку. Адуев проверил, удобно ли, если что, будет взяться за рукоять.

Набитый золотыми слитками кофр был задвинут глубоко под топчан.

За тонкой дощатой перегородкой повернулся на другой бок Порфирьич, жалобно заныла под его тушей панцирная сетка.

Можно было без риска ставить рубль против сотни, что пройда забаррикадировал дверь со своей стороны.

17
28–30 марта 1920 года
Симферополь – станция Курман-Кемельчи

На фронте снова бои. Красные предприняли отчаянную попытку прорваться в Крым. Якобы они даже заняли Перекоп, но были оттуда выбиты. Якобы даже с треском. Получен приказ выступить на помощь частям генерала Слащова.

По тому, как вальяжно шла передислокация, корниловцы сделали вывод об отсутствии кризиса.

На север эшелоном отправлены остатки третьего полка. В этом опять усматривалось пренебрежение к «младшему брату». «Старшие» – первый и второй полки – в Симферополе продолжали спокойно готовиться к Пасхе.

Хозчасть под командой продувно́го Загибалова-Лося закупала провизию к праздничной трапезе. В казармах была проведена генеральная уборка.

Впрочем, в первом полку обстановка сугубо будничная. Карп Гордеенко выгнал на плац всех, включая досрочно вернувшихся из госпиталей.

Роты рубили по брусчатке строевым шагом. На другом конце площади шлифовались ружейные приёмы. Второй час занятий принёс потери. Из шеренг стали выпадать недоле-

чённые. Их приводили в чувство, прыская водой в лицо, и под руки уводили в казармы. Один вольнопёр так и не очухался, его утащили на брезенте.

Маштакову пока удавалось держаться на своих двоих. Давалось это непросто. Карусель в извилинах вкупе с подгибающимися ногами создавали эффект морской качки. Небольшой, балла в три-четыре, но достаточной, чтобы мотать, как пьяного. Проявилось ещё одно последствие тифа – звуки сделались до безобразия громкими. От этого жутковато. Казалось, будто на тебя орут, а ты не можешь ответить.

Поваляться на пружинной кровати штабс-капитану удалось всего-ничего. Но в баню он сходить успел. Подстричься тоже. Как мог, привёл в порядок обмундирование и теперь не смотрелся в строю белой вороной. Впрочем, франтом не выглядел ни один из бойцов.

Особенно люто Гордеенко муштровал первый батальон. По его собственному выражению, изгонял беса после позорного самоубийства капитана Кромова.

– Вдолбите в головы себе! Вы – солдаты, а не институтки! Хотите умереть, делайте это на поле боя! Результат тот же, зато сохраните честь!

Безусое лицо полковника пылало. То ли загар на упрямых скулах не улёгся, то ли клокотала под черепом ярость, изнутри воспламеняя обличье.

К офицерской роте отношение оказалось, всё-таки, более лояльным. В частности, разрешено перекурить.

Под акацией (на треть распустившаяся, она давала жиденькую тень) стабунились «дирижёры» первого взвода.

– Чего он какой злобный? – полуобморочный Маштаков, не отваживаясь закурить, вертел в пальцах папироску. – В страстну́ю-то субботу грешно лютовать.

Подпоручик Львов по-совиному округлил глаза. Убавив голос, так чтобы слышали лишь особо доверенные, с заговорщическим видом поведал:

– Это он после Новороссийска никак не оправится. Его ж как тогда комендантом корабля назначили, так он и рад был стараться. Встал на трапе, револьвер в одной руке, в другой – нагайка. Пьянущий при этом в зюзю. На борт пускает только наших, и то с одним чемоданом или мешком. У кого вещей больше, лишнее сей секунд в море летит. Тут наверх карабкается солдатик, чемоданами и кулями обвешан, как вьючный мул. Гордеенко как на него заорёт: «Бросай!» И всю его родню по восходящей и нисходящей! Служивый в три погибели согнут, что-то лепечет, объяснить пытается. Куда там! Гордеенко его со всей дури нагайкой крест-накрест. Шевелись, залётные! Чемоданы так и посыпались в море. Бултых! Бултых! Солдатик выпрямляется, и наш Король Кожи видит собственного денщика. Немая сцена!

– Вся его коммерция пошла прахом. А добра там, господа, было на многие мильоны! – трудно понять, чего больше в голосе Риммера, злости или зависти.

К полудню Гордеенко сподобился выпустить пар. Сам ли

догадался, подсказал ли кто, что великая суббота не подходящий день для муштры. Полк распущен по казармам. В кафедральный собор отправилась делегация для освящения яиц и куличей.

Бытовых забот накануне выхода на передовую – прорва, но дела забуксовали. У безделья уважительная причина: «Нынче работать грешно». Ударники расселись стайками в спальном помещении. Разговоры, с чего бы ни начинались, сводились к одному – чем же всё-таки сердце успокоится.

Маштакову после больничного узилища общение с людьми в радость. Благодарный слушатель, каждое слово он впитывал как губка.

– Мы переехали в Крым не для того, чтобы прекращать борьбу! – новые звёздочки на погонах обязывали Риммера хорохориться.

Маштаков покладисто кивал, хмыкая про себя: «Переехали разве? Драпанули!»

– Маленький Крым и огромная Россия, – прапорщик Королёц костлявыми ладонями изобразил неравные чаши весов. – Только чудо может спасти нас.

И ему поддакнул Маштаков, думая, что чудес не случалось со времён воскресения Христа. Станет ли следующим положительная резолюция на прошении Корольца о переводе в нестроевое подразделение? По ценной специальности «телеграфист».

– Народ, испытав ужасы большевизма, дружно перейдёт

на нашу сторону, а мы до того часа как-нибудь продержимся в Крыму! – отчеканил Борис Львов.

Подпоручик наверняка за кем-то попугайничал, для его юных лет умозаключение слишком мудрёно. Маштаков, продолжая дудеть в унисон с ближними, отреагировал на «философию» жестом восхищения, отчего польщённый Боря горделиво задрал нос.

Разговор с Беловым носил приватный характер, офицеры уединились в курилке.

– Деваться нам некуда, – ротный затягивался экономно, в портсигаре – последняя папироса, чёртова шагистика помешала пополнить запас. – Куда поведут, туда и пойдём. Врангель – молодчина, бодрит, как чистый спирт. Но заряда после его встрясок хватает ненадолго. Наутро – тоска чище похмельной.

Маштаков протяжно вздохнул. Тот редкий случай, когда он принял мнение однополчанина от аза до ижицы.

Ротмистр Загибалов-Лось расстарался на славу. На столах в плошках и мисках красовались горки крашеных яиц, пухлые куличи, облитые глазурью, кровяная колбаса, ветчинное сало, вино и главное блюдо – жаркое. Запахи яств дурманили головы.

Ждали начдива, сказано, что он в штабе корпуса. Наконец раздалась команда: «Смирно, равнение на средину!» Скоблин подкатил в пролётке, запряжённой парой ледащих [79], но

[79] Ледащий – исхудалый (прост.).

на удивление резвых лошадок.

С ловкостью гимнаста соскочив на землю, старший корниловец привычно загнал назад за ремень складки чёрной гимнастёрки. Расправил плечи, принимая позу, соответствующую торжественному поводу.

– Христос воскрес, и Россия воскреснет! – провозгласил с благоговением.

Религиозная тематика с обликом профессионального кондотьера сочеталась зыбко.

Маштаков впервые увидел Скоблина в генеральском чине. Такое чувство, будто начдив до сих пор не мог поверить в своё счастье. Нет-нет, да и покосится на зигзаги погон.

Образцово-показательно похристосовавшись с командирами полков, их превосходительство со свитой ушагали в собрание, где был накрыт стол для начальствующего состава.

Казарменные разговин́ ы [80] стартовали. После полуголодного пайка́ угощение даже не разносолами казалось, а изысканными деликатесами.

Переболевшие тифом сметали с тарелок всё без разбора. О наказах врачей блюсти диету не вспомнил ни один.

Вино оказалось паршивеньким, скулы сводило, такая кислятина. Но дарёному коню в зубы не смотрят. Бутылки опустели в темпе вальса. Забурлило-загомонило хмельное веселье – блези́рное и мимолетное.

Маштаков поначалу причащался символически, боялся с

[80] Разговины – угощение после поста (прост.).

отвычки обвально опьянеть. В процессе осмелел, а потом махнул рукой, будь что будет. Хотел достичь благодушного расслабления. Вместо этого заполучил деревенеющие мозги и непослушный язык.

Когда столы опустели, ударники обескураженно разбрелись по углам. Ламп не зажигали, непривычный полумрак одомашнил казарму. Белов позвал взводных в каптёрку.

Там узким кружком была оприходована бутылка водки. Как угомонились, Маштаков не запомнил.

Подъём на час раньше повысил градус общей удручённости. На завтрак – пустой чай. Вчерашнее изобилие казалось плодом воображения.

К восьми ноль-ноль полки пришли на станцию. Эшелоны поданы, без проволочек началась погрузка. Ничего заслуживающего рассказа в дороге не приключилось. В пункт назначения успели засветло.

Вывеска «Курман-Кемельчи» на фасаде приземистого каменного строения была издырявлена пулями. Станция – дыра дырой, полтора десятка домишек. На их фоне абсолютно чужеродно смотрелась монументальная громада элеватора.

– Здесь был крупный пункт сбыта зерна, – сообщил очередной ходячий справочник в погонах, окантованных трёхцветным шнурком [81].

Разгрузившись, корниловцы выстроились поротно в ожидании дальнейших распоряжений.

---

[81] Погоны вольноопределяющихся имели бело-жёлто-чёрную окантовку.

Отцы-командиры ломали головы, как сподручнее расквартировать людей. Встать им велено в сёлах КурманКемельчи и Бузлак, где находиться до приказа о смене слащовцев на Перекопе.

Нечего и говорить, что Скоблин решил в пользу своего любимчика. Первый полк отправляется в Курман-Кемельчи, оно ближе и больше, там есть школа, которую сподручно занять под штаб.

– Никакого бесплатного отъёма соломы, фуража и скота! – начдив заклинал полковников с настойчивостью заправского гипнотизёра. – Население здесь сборное, из переселенцев. Чехи, эстонцы и жиды в придачу. Народишко не обижать! С этим теперь строго. Чуть чего – военнополевой суд. Уразумел, Карп Павлович?!

Гордеенко, сдвинув домиком светлые брови, изобразил обиду:

– За мной такого не водится, ваше превосходительство. Сразу выставлю патрули от офицерской роты.

Общее настроение корниловцев можно было определить как ша́лое. В происходящее верилось с трудом. В Новороссийске многие смирились с поражением, решили, что на их век войны хватит.

2 часть
В осаждённой крепости

Солнцепёк. Солончак.
Перекоп – наш.
Семивёрстная мозоль
На вражеских глазах.
Все вялено, всё солоно:
Земля, вода, еда.
Позёвывай… постреливай…
К концу – к концу – к концу…
Что пили вы? что ели вы?
Камсу! камсу! камсу!
Марина Цветаева

1
24–31 марта 1920 года
Севастополь – порт Хорлы

Главком, разумеется, знал, кто был главным защитником Деникина на военном совете, а значит, его, Врангеля, антагонистом. На повестке дня остро встал вопрос о доверии этому человеку.

Определённое мнение на сей счёт у барона имелось, его

следовало проверить при личной встрече.

На следующий день после вступления в должность он вызвал противника перемен к себе. Тогда Врангель ещё базировался на крейсере «Генерал Корнилов».

Начальник Дроздовской дивизии, гибкий телом, лёгкий на ногу, представился с тем особым изяществом, которое подвластно исключительно гвардейцам. Одет он был щегольевато, но без пошлого пижонства. Награды, обязательные для постоянного ношения – эмалевый георгиевский крестик на груди, на шее – орден св. Владимира третьей степени с мечами – говорили о славном боевом пути их кавалера.

Ростом Витковский был по плечо главкому. Дабы не давить габаритами в ограниченном пространстве каюты, Врангель гостеприимным жестом указал на кресло возле иллюминатора.

Генерал присел. Достоинство присутствовало в каждом его движении. Порода и умение подать себя купировали вероятное волнение. Цель срочной аудиенции объявлена не была, при том что понять её мог даже ребёнок.

Дроздовец выглядел много моложе своих лет, достаточно зрелых, до тридцатипятилетия ему оставался месяц. В заблуждение вводили нежный румянец во всю щёку и юношеская стройность. Черты лица были излишне красивыми для мужчины. Такими изображают херувимчиков на рождественских открытках. Светлые, очень коротко подстриженные усики над свежими яркими губами едва различались.

Ангельская внешность ухищрённо обманывала. Подлинный нрав миниатюрного смазливого блондина выдавали стальные глаза и твёрдый подбородок.

Это была их первая встреча тет-а-тет. В период недолгого командования бароном Добровольческой армией генералы общались исключительно на совещаниях.

Врангель начал с вопросов о состоянии дивизии. Число штыков в полках, настроение бойцов, наличие вооружения. Попросил дать характеристики старшим командирам.

Витковский отвечал, глядя в глаза визави. Ему было о чём доложить, было чем гордиться. Из «цветных» дивизий Дроздовская сейчас производила впечатление наиболее сильной.

Главком в свою очередь посвятил генерала в ближайшие планы Ставки. В адрес подчинённого не прозвучало ни единого упрёка. Прощаясь, Врангель с чувством сказал, что возлагает большие надежды как на Владимира Константиновича лично, так и на возглавляемое им соединение.

Было видно, что дроздовец воспрял духом. Колючий лёд во взоре оттаял, уступая место обычной иллюзорной застенчивости.

Барон поделился выводами с Шатиловым:

– Витковский произвёл хорошее впечатление. Криводушия я не увидел. Мне кажется, его поведение на совете объясняется просто. Он воспитан в духе преданности старшему начальнику. На такого можно положиться в трудной ситуации. При том, что он умён и способен на компромисс.

Мне рассказали историю его генеральства. Витковский ведь де факто дважды генерал.

– То есть?

– Был представлен на Юго-Западном фронте летом семнадцатого года. Бумаги на него поступили в Генштаб и были занесены в настольный реестр, есть дата и номер. В части он оставался по декабрь включительно. Времени, чтобы документы прошли через все канцелярские рогатки, было предостаточно. Поэтому в отряд Дроздовского он записался в чине генерал-майора. Приказа о производстве, однако ж, предъявить не смог. Другой бы затеял спор, но Витковский молча переименовал себя в полковники. Генеральский чин получил от Деникина лишь в декабре восемнадцатого.

– Щепетильность говорит в его пользу, – помощник главкома ограничился скупой ремаркой.

Его история была похожей, с разницей в том, что Шатилов при вступлении в Добрармию отказываться от генеральства, полученного уже после Октябрьского переворота на Кавказском фронте, не стал.

И Врангелю, и Шатилову легло на душу, что они с Витковским «резаны с одной колоды». Владимир Константинович тоже гвардеец до мозга костей. Двенадцать лет оттрубил в лейб-гвардии Кексгольмском полку.

Поощрение в Дроздовской дивизии монархических настроений для Врангеля с Шатиловым, придерживавшихся правых взглядов, также было значимым фактором.

Но главный довод «за» – непререкаемый авторитет Витковского среди «дроздов». Заменить его некем, варягов, какими бы заслуженными военачальниками они ни были, именные части отторгали.

– Что ж, раз он такой безупречный, первая серьёзная операция – его, – резюмировал барон.

Для того чтобы рассеять у Витковского последние сомнения в рыцарском отношении к нему, генералу было доверено командование парадом по случаю вступления в должность нового вождя.

Смотру войск, достаточно помпезному, сопутствовал привкус обречённости. Отдав команду: «К торжественному маршу», Витковский вспомнил о безотложном деле.

На следующее утро по его приказу на кладбище Малахова кургана тайком были закопаны перевезённые из Екатеринодара гробы с телами генерала Дроздовского и полковника Туцевича. Церемонию провели пятеро бывалых походников [82]. Неприметные могилы украсили скромные деревянные кресты. Дроздовский был погребён под именем «полковника Гордеева».

Конспиративный характер похорон выдавал истинные настроения белых. Удержаться в Крыму надеялись лишь самые отъявленные оптимисты.

---

[82] Походники – бойцы, проделавшие переход в составе Отдельной бригады Дроздовского М. Г. с Румынского фронта на Дон для соединения с Добровольческой армией (26 февраля – 25 апреля 1918 года).

* * *

Ответственное поручение не заставило себя ждать.

Двадцать девятого марта генерал Витковский был вызван в штаб армии, где получил боевую задачу. Его дивизии надлежало погрузиться на суда, достичь морем порта Хорлы́, произвести там высадку и энергично наступать на северо-восток для отвлечения на себя противника, атакующего Перекоп. Обороняющие перешеек части генерала Слащова в нужный час синхронно обрушатся на красных со своей стороны. Горлышко «крымской бутылки» окажется раскупоренным.

Марковцы и донцы, фигурировавшие в предыдущем варианте плана, сейчас упомянуты не были. Успеха решено было достичь меньшими силами.

Пока генерал Махров с радостным воодушевлением наносил указкой сокрушительные удары на карте, Витковский мрачнел, как туча перед грозой.

Опыт подобных операций у добровольцев отсутствовал. Навскидку возникло множество вопросов по организации, решать которые предлагалось в текущем порядке. Настроение главного штабиста выглядело легкомысленным. Как будто увеселительная прогулка затевается, а не сложнейший боевой маневр. То, что десант не будет предварён разведкой, определённо попахивало авантюрой.

– Есть решать в текущем порядке, – Витковский скло-

нил идеально причёсанную голову. – Разрешите приступить к выполнению приказа?

– Вот и отлично! – иного ответа Врангель не ждал. – Детали проработаете с начальником штаба. Пётр Семёнович, прошу обеспечить чёткую координацию сходящихся ударов наших войск.

– Так точно, ваше превосходительство! – Махров щёлкнул каблуками. – Координация будет обеспечена.

Витковский отреагировал на ретивость генштабиста пристальным взглядом. Махров, которого он знал совсем мало, сделался ему неприятен.

«Как у них в кабинетах всё просто!»

На подготовку были отведены одни сутки. Во имя обеспечения внезапности торопились, словно на пожар.

Для операции начдив решил задействовать первый и второй полки. Полк Манштейна, после Новороссийска скукоживший, как шагреневая кожа, был оставлен доукомплектовываться в Севастополе.

В отряд велено отобрать тысячу штыков, плюсом – две сотни конных разведчиков, которые по факту пешие. Лошади остались на материке. Традиционный козырь «дроздов» – пулемёты, их будет семьдесят.

Назначенные в десант артиллеристы получили на складах шесть английских орудий, а также мулов и лошадей для упряжек.

Патроны и снаряды интендантством выданы с избытком.

В то же время нет ни пулемётных, ни патронных двуколок. Средства перевозки предстоит добывать на месте. Надежды возложены на обывательские подводы да на русское «авось». Также выданы радиостанция, автомобиль «форд» и четыре мотоциклета. Всё новёхонькое, в смазке. Кухонь нет, харчеваться придётся консервами.

Чем меньше времени оставалось до погрузки, тем более суетливый характер принимали сборы. Организация вновь оказалась на уровне импровизации.

– Как настроены люди? – Витковский на пять минут выдернул из кутерьмы командиров полков.

– Не подведут, – Туркул и Харжевский были солидарны во мнении.

Цель экспедиции держалась в секрете. Сперва начальники хотели окрестить её вылазкой за продовольствием. Подумав, отказались: объяснение выглядело нелепым. Зачем для поездки за провизией такая прорва огнеприпасов? Зачем пушки? Пришлось подтвердить, что идём в десант. Конечный пункт назван не был, и сразу воскрес давний слух про Одессу. Решено было его не опровергать. Одесса так Одесса.

Убедившись, что на суше все шестерёнки крутятся, генерал Витковский отправился в порт. Прежде чем подняться на борт нужного корабля, пришлось поколесить по лабиринтам причалов. На палубе его встречали трое морских офицеров.

– Вы командующий флотилией Федяевский? – дроздовец

обратился к старшему в чине.

– Начальник отряда, – веско поправил капитан первого ранга, немолодой, исхудалый, с тяжёлой нижней челюстью.

Витковский молча проглотил шпильку. Лишний раз подтвердилась аксиома о неисправимом снобизме моряков.

Федяевский держался с видимым напряжением. Причин тому имелся ряд. Коренной балтиец, на Чёрном море каперанг был дебютантом. Возглавить отряд ему пришлось в связи с болезнью штатного командующего.

Офицеры прошли в холодную капитанскую каюту, где Федяевский, оставаясь зажатым, как манекен, приступил к докладу:

– В отряд входят: вспомогательный крейсер «Цесаревич Георгий», мы находимся на нём. Также: пароходы «Веста», «Россия», паровая шхуна «Павел» и тральщик «412». На эти транспорты погрузятся войска. Отряд пойдёт в сопровождении эскадренного миноносца «Беспокойный». В Каркинитском заливе к нам присоединятся тральщики «Скиф» и «Березань», буксир «Смелый» и моторный сторожевой катер «СК-3».

Дроздовец сперва записывал названия судов, но в процессе сбился и положил карандаш. Решил, что перевозка десанта – прерогатива флота.

– Тоннажа у нас, как я понимаю, достаточно, – щегольнул корабельным термином. – Расскажите о месте высадки.

Федяевский осушил платком взмокревший лоб (в каюте

зно́бко, а моряка вдруг бросило в пот). О том, что лично он в Хорлах не бывал, умолчал. Пояснения дал, поедая глазами лоцию:

– Порт удалён от Перекопского перешейка по береговой линии на сорок вёрст. Залив там чрезвычайно мелок. Для подхода транспортов к причалу сооружён канал. Это внутренний рейд, он от берега в одной миле [83]. Оттуда в глубокую часть залива идёт второй канал, это ещё полмили. Каналы обставлены вехами. В гавани есть створные знаки. Гм, должны быть… Море у берегов мелководно, там даже килевые лодки не пристанут. Фарватер сложнейший, – каперанг не сдержал удручённого вздоха.

Витковский кивнул, давая понять, что разделяет озабоченность флотоводца.

Проблемное место высадки должно было компенсироваться отсутствием там красных. Накануне генерал Махров заявил об этом уверенно. Правда, логика его рассуждений прихрамывала.

– Не могут же они, в самом деле, охранять всё побережье? – рассмотрение конкретных вопросов вылилось в гадание на кофейной гуще, холёный толстяк раздражал дроздовца всё больше. – В крайнем случае, там стоит малочисленная застава. Увидят вас – разбегутся!

Сведения Федяевского о противнике были родом из того же мутного источника.

---

[83] 1,5 км.

На карте полуостров Хорлы походил на перевёрнутый гриб. Тоненькая «ножка» соединяла его с берегом.

– Длина перешейка порядка двух вёрст. Ширина в узких местах – всего сто шагов, – моряк вымерил расстояния циркулем.

Штаб, офицерская рота и команда разведчиков погрузились на «Цесаревича».

– Это военный корабль? – Витковскому хотелось побольше узнать о судне, которому вверены жизни лучших бойцов дивизии, в том числе и его собственная.

– Какое там, – Федяевский снисходительно хмыкнул. – Бывший пароход РОПиТа [84] крымско-кавказской линии. Торгаш!

– А артиллерия откуда?

– Установили в девятьсот четырнадцатом, когда мобилизовали. Не беспокойтесь, господин генерал. Для выполнения поставленной задачи он вполне надёжен. «Калоша», конечно, зато условия для пассажиров комфортные.

Титуловать молодого пехотного генерала старорежимным «вашим превосходительством» седоголовый моряк не соизволил.

В качестве пункта наблюдения за погрузкой он избрал верхнюю палубу, оттуда был панорамный обзор. Витковский последовал примеру флотского.

---

[84] Русское общество пароходства и торговли (РОПиТ) – российская судоходная компания.

Зоркий глаз каперанга узрел блеск начищенной меди в руках солдат, поднимавшихся на «Весту».

– Оркестр берёте? – удивился Федяевский.

– Дроздовцы воюют с музыкой! – позёрство Туркула начдив осуждал, но перед чужими причуды полковника неизменно выставлял предметом гордости.

Ранним утром следующих суток отряд вышел в открытое море, взяв курс на север. Погода благоволила, штиль и солнечно.

В сравнении с адовым походом из Новороссийска условия были оранжерейными. Круиз, да и только. Посему настроение на судах царило благостное, соответствующее третьему дню Пасхальной недели. Секретничать дальше смысла не было, но, несмотря на это, цель десанта раскрыли только командному составу.

К вечеру пройдя Джарылагский маяк, корабли стали на внешнем рейде порта Хорлы. Там их уже ожидали «Скиф», «Березань», «Смелый» и «СК-3».

Федяевский с капитанского мостика обвёл суда испытующим взором. Десять вымпелов! Силища!

Могло показаться странным, но радости от того, что под его команду впервые в жизни отдана целая флотилия, бывалый каперанг не испытывал. Напротив, гнетущая тревога лизала его сердце.

2
01 апреля 1920 года
Порт Хорлы

Своему рождению Хорлы обязаны Софье Богдановне Фальц-Фейн, представительнице знаменитого рода немецких колонистов. На принадлежащих ей землях на берегу Каркинитского залива баронесса обнаружила незамерзающую бухту. Воду согревал природный источник.

Основан порт был в 1897 году. С первых дней строительство закипело, причём с размахом. На маленьком полуострове быстро выросли судоремонтный док, таможня, мельница и элеватор. Для хранения зерна были построены каменные амбары, откуда грузы в вагонетках по рельсам подавались к пароходам. После того как в Хорлах открылось отделение международного банка, а прямая телефонная линия соединила порт с Перекопом, тьмутаракань превратилась в оазис цивилизации.

Жителями Хорлов стали переселенцы из разных губерний России, приехавшие на юг в поисках лучшей доли. Для них был отстроен посёлок с аккуратными домиками. В периоды массовой отправки зерна сюда потоком устремлялись сезонные рабочие.

Порт встал на ноги в рекордные сроки. К его причалам

могло одновременно пришвартоваться шесть судов. Через Хорлы потекли грузы в Англию, Германию, Италию и другие страны.

Кроме того, на полуострове был устроен курорт с грязелечебницей, красивым парком и удобным песчаным пляжем. «Вишенкой на торте» стала устричная ферма, прославившаяся на всю Европу.

Благоденствию положил конец октябрь семнадцатого. Дети Софьи Богдановны заторопились из помешавшейся умом России. Младший сын приехал за матерью на греческом эсминце, однако баронесса наотрез отказалась покидать имение.

– Ничего дурного со мной не случится! – заявила тоном, не терпящим возражений. – Кто меня, старуху, тронет? Я людям делала только добро. Люди не дадут меня в обиду. Оставь меня, Володенька, здесь с Богом, а сам поезжай.

Прожившая на свете без года восемьдесят лет Софья Фальц-Фейн слишком хорошо думала о соотечественниках. Ворвавшиеся в её дом бунтари бессудно казнили представительницу ненавистного им эксплуататорского класса.

* * *

С рассветом суда начали сниматься с якорей, готовясь двинуться на внутренний рейд Хорлов. Дымчатый туман помогал скрытости маневра, контуры далёкого берега были

размыты.

Федяевский отправил для разведки катер «Скиф». Предосторожность оказалась нелишней. Кто-то злокозненный снял вехи, обозначавшие границы канала. Матросам «Скифа» пришлось на скорую руку делать промеры и восстанавливать ориентиры. На эту канитель угробили час.

По мере готовности тронулись большие суда. У входа в бухту образовалась очередь, идти в кильватер не позволяла узость канала. Сядь один из кораблей на мель – следующие за ним угодят в ловушку. В канале нельзя было ни повернуть, ни даже остановиться.

Первым на правах флагмана шёл «Цесаревич Георгий». На борту царили мир и покой, если не брать во внимание глухой бубнёж судовой машины, к которому генерал Витковский попривык за сутки похода.

Утренняя муть рассеялась. Стало возможным различить, что обе пристани пусты. Плавно надвигавшийся берег также выглядел безлюдным.

И тут на берегу лающе грохнуло. Гав! И ещё трижды с секундными перебивками. Не успели на «Цесаревиче» сообразить, что к чему, как впереди крейсера всплеснулись пенящиеся водяные столбы.

По голосу Витковский безошибочно опознал трёхдюймовки.

С мостика в машинное отделение сопровождённая коротеньким звонком улетела команда: «Стоп, машина! Полный

назад!»

Стальная громада вздрогнула и затеяла неуклюжий маневр.

Витковский вцепился руками в поручень, ощущая себя по-идиотски беспомощным. Попади они под обстрел на суше, он бы знал, как окоротить атаковавшего врага. А тут всё наизнанку.

Поведение моряков казалось ему нерациональным. Каперанг Федяевский, то ли героически спокойный, то ли растерянно заторможенный, тянул с решением.

Наконец удосужился дать приказ своему артиллеристу:

– Подавить батарею противника!

Витковский пытался определить в бинокль, откуда летят снаряды. Вспышек видно не было. Значит, били с закрытой позиции, из-за перешейка. По карте там начиналась возвышенность.

К вражеским пушкам присоединились пулемёты. С учётом дальнего расстояния то была заведомо пустая трата патронов. Однако нервы моряков, непривычных к прямым сшибкам, трескотня взбудоражила, обстановка на капитанском мостике наэлектризовалась.

Выяснилось, что из трёх орудий «Цесаревича» на один борт стрелять могут лишь два. При этом рявкнуло почему-то одно, кормовое. Корабль содрогнулся, порыв ветра затопил палубу кислой вонью сгоревшего пороха.

Артиллерист по телефону начал доказывать, что отсюда

он красных не подавит, и, судя по реакции Федяевского, доказал. Отстав от бомбардира, каперанг сигналом приказал стоявшему мори́стее «Беспокойному» приблизиться и обстрелять батарею.

Миноносец не тронулся с места. Его командир вступил в вязкие радиопереговоры с флагманом. Утверждал, будто не сможет маневрировать среди отмелей, кроме того, велик риск забить кингстоны илом и водорослями.

– Ну, Романовский! Не «Беспокойный» ты, а «Бесполезный»! – бесился Федяевский, не стесняясь присутствия на мостике пехотного генерала.

Вместо громоздкого миноносца в бой был отправлен сторожевик «СК-3».

– Идти к берегу! Подавить пулемёты огнём! – от бессилия Федяевский начинал злиться.

Катер, вооружённый пушкой 37-мм, довольно рьяно сунулся вперёд. Пары кипящих фонтанов, вздыбившихся в сотне метров от него, хватило, чтобы «СК-3» ещё более резво отработал назад.

– Не могу атаковать ввиду интенсивного огня! – доложил командир сторожевика.

Батарея красных, пристреленная по оси канала, методично клала снаряды между кораблями. Взлетавшие столбы воды были чёрными от поднятого со дна ила. Жалобы флотских на мелководье нашли наглядное подтверждение.

«Веста» и «Беспокойный» отвечали врагу, ориентируясь

на садик в глубине бухты. По блеску стёкол моряки заподозрили там наблюдательный пункт. Дуэль продолжалась почти час. В итоге красная батарея по какой-то причине умолкла. Суда получили возможность развернуться, отойти и встать на якорь на безопасном отдалении. Повезло, что обстрел застал их в месте, где они ещё могли маневрировать. Несмотря на ожесточённую перестрелку, корабли не получили ни единого попадания.

– С закрытых позиций «товарищи» работать не мастера, – прокомментировал дроздовец.

Федяевский, погружённый в свои думы, не разобрал:

– А?! Чего?

– Да так, пустое, – качнул головой генерал.

Вторую часть фразы: «Будь на их месте мои пушкари, результат вышел бы другой», щадя самолюбие каперанга, он оставил при себе.

Федяевский решил, что о неудаче надо доложить в Севастополь. Витковский изъявил желание присутствовать при переговорах.

– Не знаю, поместимся ли мы в рубке. Там тесно, – судя по интонации, лишний свидетель моряку был ни к чему.

– В тесноте, да не в обиде, – дроздовец настоял на своём.

Радиорубка походила на железный шкаф. Окон в душном помещении не было. На столе, покрытом зелёной байкой, громоздился аппарат системы «Телефункен», на полу, преграждая дорогу, сомкнутой шеренгой стояли аккумуляторы.

Процедура оказалась нудной. Четверть часа понадобилось радисту, чтобы установить связь со штабом армии. Там к аппарату подошёл генерал-квартирмейстер Коновалов.

Витковский представлял его внешне. Плешивый верзила с гипертрофированным самомнением, возникший непонятно откуда на третьем году гражданской войны, ставленник генерала Махрова.

Доклад Федяевского поверг штабиста в удивление. Оказывается, генерал Слащов донёс, будто десант в Хорлах успешно состоялся.

– Кто его уполномочил?! – вспыхнул дроздовец.

Каперанг сделал примиряющий жест и подтвердил своё донесение. Добавил, что порт активно обороняется красными.

– Судя по количеству артиллерии и пулемётов, тут большие силы, – шёпотом суфлировал начдив.

На это Коновалов заявил, что штабарм настаивает на высадке, несмотря на все препятствия.

– Конец связи, – констатировал радист.

Следующий ход не имел альтернативы. Военный совет. Семафором на «Цесаревич» были вызваны капитаны всех судов и командиры обоих дроздовских полков.

Офицеры расселись за длинным столом кают-компании. Слово взял Витковский.

– Мы шли вот к этой пристани, – отчеркнул он ногтем на расстеленной карте. – А если попробуем к этой, которая к

берегу перпендикуляром?

– К Чурюмской, – уточнил Федяевский.

– Да. Она гораздо ближе.

– Неосуществимо. Чурюмская доступна исключительно рыбачьим парусным баркасам, – наставительно пояснил каперанг.

Сухопутные участники совещания нуждались в разъяснении очевидных для черноморцев вещей.

– Хорошо. Какой корабль у вас самый быстроходный?

– Миноносец «Беспокойный». Скорость тридцать узлов.

– Сажаем на него пару батальонов, врываемся в гавань на полном ходу и стремительно десантируемся.

– Вячеслав Петрович, что скажете? – Федяевский обратился к командиру миноносца.

Моложавый капитан второго ранга Романовский (на красивом смуглом лице главная деталь – холёные вороные усы, густейшие, с лаковым отливом) – запротестовал:

– Тридцать узлов он дал на приёмных испытаниях! После прошлогодней навигационной аварии, в которой был погнут левый гребной вал, хожу, как инвалид. Рисковать в этой луже боевым эсминцем не имею права. Да вы, Иван Константинович, лучше меня знаете.

Каперанг кивнул, подтверждая. Мнение другого капитана требовалось, дабы поделиться ответственностью.

Обжегшись однажды на молоке, Федяевский теперь дул на воду. В 1915 году он командовал на Балтике канонерской

лодкой «Кореец». Спасаясь в Рижском заливе от немецких кораблей, канонерка напоролась ночью на мель, сняться с которой не смогла. Чтобы судно не досталось врагу, Федяевский приказал взорвать его. Командование действия капитана признало поспешными. С учётом прежних заслуг под суд его не отдали, ограничились запрещением командовать кораблями впредь.

Такие уроки не забываются до гробовой доски. Даже сейчас, когда в силу известных исторических обстоятельств, наказание утратило силу, Федяевский продолжал шарахаться от принятия крупных единоличных решений.

Обсуждение, вязко побуксовав, качнулось в сторону партизанщины.

Витковский не унимался:

– А если на лодках?

– На шлюпках, – теперь его поправил кавторанг Романовский, как будто терминология имела значение.

Генерал перестал обращать внимание на лингвистические щипки, добивался сути:

– Высадимся на ближнем мысе.

– Также невыполнимо. Шлюпок мало. К берегу они не подойдут. Пехоте придётся идти значительное расстояние вброд.

– Вброд не годится. Темп высадки упадёт, и нас расстреляют, как уток.

Повисло молчание. Повисли сиреневые гирлянды папи-

росного дыма. Кочегарили безбожно, кают-компания – одно из немногих помещений на корабле, где разрешается курить.

Подспудно назревал тезис о невозможности продолжать операцию.

– Решение должно быть, господа. Приказ есть, мы обязаны его выполнить! – Витковский гнул своё.

В итоге выбор пал на самого молодого капитана. Десант примет малый тральщик «Скиф». «Дрозды» с налёта высадятся на пристани, отбросят красных от берега и обеспечат высадку с пароходов главных сил.

Мичман Ковалевский побледнел, как накрахмаленный, и сказал: «Есть».

– Антон Васильевич, кого назначите в авангард? – Витковский адресовал вопрос командиру первого полка.

– Капитана Петерса, – решение у Туркула было наготове.

Голенастый, он измаялся сидеть, скрючившись. Диванчик был узок, как нашест. Колени больно упирались в стол. Угробленное на митинговщину время куда полезней было употребить на сон, запастись си́лушкой для предстоящего боя.

Оговорив детали, офицеры отправились по своим судам. Под покровом сгустившихся сумерек эскадра улизнула на внешний рейд.

3
02 апреля 1920 года
Порт Хорлы

Корабли вернулись затемно. Без огней, как призраки. На «Скиф» по шатким мосткам перешли две роты дроздовцев при шести пулемётах. Ещё одна рота с четырьмя пулемётами погрузилась на «Березань». Тральщик «412» шёл пустым на случай оказания помощи. Для связи группе был придан юркий «СК-3».

Природа благоволила десанту. Туман выдался гораздо плотнее вчерашнего. Дальше чем на сотню метров ни зги не видать. Крались малым ходом, пытаясь утаить шум машин. Надеялись – большевики гостей не ждут, и хорошо бы они решили, что получившая окорóт белая флотилия убралась восвояси.

Плеск тёмной воды за бортом звучал вкрадчиво. Сотне бойцов тесно на палубе. Не шевельнуться. «Скиф» ощетинился гранёными штыками, словно морской ёж или какая-нибудь чудо-юдо рыба-кит из знаменитой сказки Ершова [85].

Мутная завесь редела. В прямой видимости нарисовался берег. Капитан увеличил ход до полного, на всю округу предательски застучала машина.

---

[85] Речь идёт о сказке П. Ершова «Конёк-Горбунок».

У советских тотчас поднялась тревога. Забегали меж строений, занимая позиции, чёрные фигурки.

Пулемётчикам на «Скифе» приказано изготовиться, а стрелка́м – лечь под прикрытие бортов. Последнее из-за давки невыполнимо. Можно пригнуться, но от пули страусиная поза не спасёт. «Дрозды» вжали головы в плечи. Нервы натянулись до отказа. Скорей бы уже! Ну!

Враг словно прочёл мысли белогвардейцев, истолковав их по-своему. С откоса открыли стрельбу пулемёты. Им в ответ яростно, будто с цепи сорвавшись, загавкали скорострельные «сородичи» с корабля. Красные артиллеристы, спросонья промешкав, упустили драгоценную минуту, и снаряды перелетели через катер, ворвавшийся в мёртвую зону.

Всего ничего оставалось до берега, когда меткая очередь хлестнула по мостику «Скифа». Стоявший за штурвальным колесом мичман Ковалевский был убит наповал, его помощник – тяжело ранен. Там же находился капитан Петерс. Одна из пуль зацепила левую руку комбата ниже локтя, а осколки разбитых стёкол, посыпавшиеся с жалобным звоном, посекли ему лицо.

К штурвальному колесу метнулся матрос. На пару секунд оставшийся без управления катер вильнул и боком жёстко ударился о сваи эстакады. Судёнышко встряхнуло. Не стой дроздовцы впритирку, полетели бы кубарем на палубу.

Оборонявшиеся занимали гребень крутого откоса. Господствующая высота позволяла им бить, как в тире, на вы-

бор. Положение спас капитан Мищенко. Утвердив ствол «льюиса» на плече соседа, он длиннющей, на весь диск, очередью скосил расчёты вражеских пулемётов.

Стрелки́ и офицеры посыпались с борта на пристань. Не разворачиваясь в цепь, гурьбой ринулись вверх по откосу. Зарычало хищное «ура». Капитан Петерс – лицо залито кровью, левая рука повисла плетью, в правой плясал наган – был в гуще атакующих. Семенящая походка его казалась прогулочной.

«Дроздам» повезло наткнуться на лестницу, ведущую на гребень. Минута – и десяток бойцов вознеслись по ней. До штыков дело не дошло. Красные задали стрекача.

Тем временем с причалившей «Березани» высаживалась четвёртая рота, спешила на помощь.

На всех парах нёсся к флотилии со срочным донесением сторожевик «СК-3».

Дроздовцы наступали стремглав. Надо было успеть овладеть перешейком, не дать себя запереть на тупиковом лоскутке суши.

Выстоять противник не смог. Бежал на материк, бросая шинели, винтовки, патроны. Его батарея, отменно показавшая себя накануне, сегодня удрала на рысях.

Перешеек был взят, цепи дроздовцев оседлали бугры за ним.

Трое красноармейцев угодили в плен. Их тут же поставили на допрос. Пленные показали, что в Хорлах дислоцирова-

лось два пехотных полка. Общий численный состав назвали разный – от шестисот до восьмисот штыков. А ещё тридцать конных и четыре орудия с расчётами.

Эдакую силищу сбил авангард впятеро слабейший. И брустверные окопы не помогли «товарищам»!

– Хватит меня пеленать, Ларин, – капитан Петерс пресёк хлопоты ординарца.

Пристроив раненую руку в платке, завязанном на шее, он пошагал вперёд. Надлежало срочно оценить позицию, её выгоды и недостатки. Порезы на скулах продолжали кровить, из самого глубокого алый ручеёк струился за ворот гимнастёрки, успевший жирно промокнуть.

Тральщик «412», заслышав, что стрельба удаляется от берега, вернулся к эскадре. На него с «Весты» перебрались первая рота, офицерская рота, команды разведчиков и пулемётчиков. Двести восемьдесят штыков при двадцати пулемётах повёл в бой лично полковник Туркул. Второй эшелон высадился без помех, создав в посёлке резерв.

Теперь обратно в море «дроздов» не смахнуть, в плацдарм они вцепились когтями.

Каперанг Федяевский, оценив ситуацию, приказал транспортам идти в гавань. Цугом [86] по узкому каналу двинулись водоплавающие махины – «Цесаревич Георгий» и «Россия». После того как они причалили, началась разгрузка пехоты и артиллерии.

---

[86] Цугом – вереницей, гуськом (устар.).

Тем временем на буграх закипело настоящее сражение. Красные оправились от испуга, развернули густые цепи и надавили по всему фронту. Их батарея без устали крыла по дроздовцам, брала реванш за своё позорное бегство. С открытой позиции, с малой дистанции огонь её был страшен.

Полевые пушки белых ещё не подоспели, а судовая артиллерия вновь оказалась бессильна помочь пехоте. Велик был риск издалека накрыть своих.

Первый батальон таял на глазах. Туркул приказал подполковнику Ханыкову сменить авангард.

Маневр выдался каверзным. Узкий перешеек простреливался артиллерией врага насквозь. Второй батальон был вынужден просачиваться через него редкими змейками.

Передовые цепи дроздовцев занимали позицию, фланги которой упирались в залив. Резервная рота таилась под обрывом берега. Сюда же стайками ухитрилась просочиться подмога.

У красных обнаружились свежие силы. Когда они подоспели, началась мощная атака с материка. Цепи «дроздов» попятились.

Капитан Петерс всё-таки вынужден был сдаться в руки медицине. Изрезанное стекляшками лицо – ерунда. Никак не хотела униматься кровь из раны на руке. Видимо, пуля повредила крупный сосуд. Верный Ларин увёл пошатывающегося от слабости капитана в ближний тыл.

Во временное командование батальоном вступил пору-

чик Туркевич. Вариант переломить ситуацию имелся один – контратака. Туркевич без раздумий повёл в бой резерв. Останься в цепи Петерс – он действовал бы аналогично.

В этот критический момент на поле сражения появилось орудие дроздовцев. Его расчёт развил такую отчаянную стрельбу веером на три стороны, что батарея красных предпочла не искушать судьбу и ретировалась на закрытую позицию. В следующие полчаса к белым прибыли ещё четыре пушки.

Дальнейший бой свёлся к артиллерийской дуэли и ружейной перестрелке. Второй батальон исподволь сменил поредевший первый.

* * *

Генерал Витковский принимал доклады в здании школы, занятом под штаб. Стекавшуюся разрозненную информацию надлежало привести в систему, на её основании принять единственно верное решение. Права на ошибку не существовало, слишком высока была ставка. Покамест картина происходящего выглядела удручающе.

Плацдарм достался дорогой ценой. Шестьдесят лучших бойцов было убито и переранено. В числе тяжелораненых – командир третьей роты поручик Скрыль.

Капитан Петерс после перевязки вернулся в строй. Доктор возражал, но упрямец оказался непреклонным. Начдив

применять свою власть не стал из-за отсутствия равноценной замены батальонному.

Внешне генерал был невозмутим. Расточать проклятия в адрес штаба армии счёл контрпродуктивным. Вопрос «кто виноват» отложил на потом. Сейчас главным был вопрос «что делать». Да, разведка бессовестно обманула. Вместо тайной высадки в советском тылу дроздовцы схлопотали кровавый бой. Расчёт на внезапность не оправдался. Противник знает о десанте уже более суток. Времени, чтобы подтянуть резервы в помощь двум полкам, стоявшим в Хорлах, враг получил в избытке.

Настроены большевики воинственно. Эвон как они навалились за перешейком на батальон Петерса. За малым не опрокинули. Давать зелёную улицу врангелевскому десанту «товарищи» явно не собирались.

Впрочем, переоценивать их возможности не стоило. Численное соотношение примерно одинаковое.

«Пробьёмся», – вынес вердикт Витковский по пункту, значившемуся на повестке дня под номером один.

Но как прикажете совершать многовёрстный марш, будучи безлошадными? Как перемещать пулемёты, коих аж семьдесят стволов, огнеприпасы, провиант? Надежды обзавестись гужевым транспортом в Хорлах лопнули, будто мыльный пузырь. Красные опередили и в этом вопросе, реквизировав для подводной повинности практически всё конское поголовье.

С бору по сосенке дроздовцы насобирали в посёлке кляч, чтобы запрячь несколько подвод. Пару лошадок посправнеé признали годными под вьюк. Обрадовались было экзотической находке – верблюдам, но «корабли пустыни» оказались настолько тощими и больными, что связываться с ними не имело смысла.

Ещё одна проблема возникла на ровном месте. Новенькая искровая [87] радиостанция, полученная на складе перед выходом в рейд, работала только на приём. Доложить в штабармо состоявшейся высадке не получилось. Но это полбеды: генерала Махрова порадуют флотские, у них со связью ажур. Скверно, что нет возможности согласовать с начальством дальнейшие действия. Опять всю ответственность придётся брать на себя. В идеале надо было сразу организовать переговоры с Севастополем через моряков, но за другими срочными делами спохватились поздно. Пароходы, окончив разгрузку, взяв на борт раненых и тела убитых, ушли на внешний рейд. В порту оставаться не рискнули: слишком заманчивые цели они представляли для вражеской артиллерии. С завязанными глазами не промахнуться!

По той же причине не была произведена загрузка на суда пшеницы, обнаруженной на складах. В Хорлах находились огромные ссыпки зерна, приготовленного Добрармией в качестве платы союзникам за поставленное вооружение. Большевики наложить лапу на «валюту» почему-то не удосужи-

[87] Генерирует радиоволны с помощью электрической искры.

лись. Вероятно, посчитали, что торопиться некуда.

Кислую ситуацию скрашивали бытовые мелочи, такие как возможность с комфортом устроиться на постой. Каменные дома с черепичными крышами, возведённые с немецкой основательностью, пережив два с лишним года русского лихолетья, не превратились в лачуги. Обойдя полуостров, офицеры изумились: «Вот так клюква!» Стройная планировка улиц, набережная с ротондой, бульвар с аллеями, обсаженными фруктовыми деревьями. Больница, школа, церковь, гостиница, ресторан. Европа, да и только…

Населения в Хорлах мало. От радости, что пришли белогвардейцы, местные в пляс не ударились, однако и волками не вызверились. Просьбу служивых накормить уважили.

Начдив со штабными на обед полакомились наваристым борщом с курятиной. Вторым блюдом шла молочная лапша, густая настолько, что в ней стояла ложка.

Адъютанты, пользуясь передышкой, купили полсотни яиц, выпросили у хозяйки большую кастрюлю и затеяли в ней гоголь-моголь.

Трапеза подняла настроение. Выйдя на крыльцо проветриться, Витковский невольно залюбовался пейзажем. Полуденное солнце окрасило небо в идеальную голубизну, а море одарило насыщенным изумрудным колером. Прибойные волны были отмечены пенными гребешками. У природы свои законы, до людей ей дела нет. Они для неё важны не более, чем муравьи. Так же бессмысленно копошатся…

Разговоры, долетавшие из кухни, казались беззаботными:

– Куда вы столько яиц, господа? Обожрётесь, черти.

– Какая же здесь дешевизна, поручик! Кувшин молока – тридцать рублей. А в Крыму, когда мы выезжали, бутылка стоила девяносто «рябчиков».

Вторая половина дня прошла спокойно. Штабная молодёжь наедалась впрок. Размах пиршества стремился к Лукуллову [88] – шкворчащая глазунья из дюжины яиц, жирная сметана, молоко только что из-под коровы, золотистое масло со «слезой».

Под вечер собрался военный совет. Зван был ближний круг – Туркул, Харжевский, полковник Чеснаков представлял артиллеристов.

Начали с проблем последних.

– Чтобы посадить верхом несколько разведчиков, мы запрягли только пять орудий, – у поджарого Чеснакова голос с трещинкой, лохматые пшеничные усы и такого же фасона брови.

– А шестое? – уточняющий вопрос напросился.

– Шестое не разгружали. Оно оказалось с дефектом, ваше превосходительство. Лишняя обуза на марше. Пяти будет достаточно.

– Вам видней, Николай Владимирович, – начдив согласился легко, мнение данного подчинённого имело особый вес.

---

[88] Лукулл – консул древнего Рима, прославившийся роскошными пирами.

Из присутствующих Чеснаков самый старший по возрасту. В марте ему сравнялось сорок. «Не планировал дожить, но пришлось», – меланхолично пошутил юбиляр, принимая поздравления однополчан в непраздничной обстановке драпа из Новороссийска в Крым.

Чин полковника им получен ещё от государя императора. Помимо ордена св. Георгия и георгиевского оружия, он кавалер шести боевых орденов. Не будучи походником, Чеснаков до недавних пор довольствовался скромной для его опыта и заслуг должностью командира лёгкой батареи. Теперь ему доверена вся артиллерия отряда, ответственность удвоена, если не утроена. Бывалый служака из кожи вылезет, но не подведёт.

– Следующий вопрос, – генерал Витковский серьёзен, как на экзамене. – Транспортировка оружия и огнеприпасов. Ваши предложения, господа. Кто начнёт?

Насчёт очередности можно было не уточнять. Слово взял, разумеется, Туркул. Он традиционно в авангарде. И хотя его предложения, как правило, носили дельный характер, генерал им не мирволи́л [89]. Репутация незаменимого, закрепившаяся за командиром первого полка, начинала создавать конкуренцию вышестоящему начальнику.

– Пулемёты покатим вручную, дороги здесь каменистые. Ленты понесут номера. Ротный запас патронов разберут носильщики. На каждую роту назначены по десятку из тех, кто

[89] Мирволить – потакать (устар.).

поздоровее. Консервы и галеты раздадим на руки.

Витковский услышанное одобрил скупым кивком.

– С радиостанцией как? – обратился к Харжевскому.

– Не передаёт, – двадцатисемилетний полковник виновато потупил взор красивейших зелёных глаз.

Случай, когда внешность обманчива, целиком применим к Харжевскому. Этот смазливый тихоня принял второй полк после смерти полковника Руммеля. За минувшие полгода он не дал ни малейшего повода пожалеть об оказанном ему доверии. Хладнокровен, исполнителен, способный организатор. И что немаловажно – скромен. О личной отваге говорить не приходилось, при её дефиците чернобровый красавчик не вырос бы за пять фронтовых лет из прапорщиков в полные полковники.

– Нет сомнений в квалификации радиста?

– Никак нет, ваше превосходительство. Специалист проверенный. Дистанция достаточная, аппарат берёт до двухсот вёрст. Условия подходящие, тишина, канонады нет. Причина в заводской неисправности.

– Вас понял, Владимир Григорьевич. Вопрос закрыт. Как будем поддерживать связь в походе? Нет ни одного конного ординарца.

– Добудем лошадей на марше, – Туркул и тут знал решение. – На пути большое село Адамань. Ещё можно будет завернуть в колонию Александровка.

Начдив согласился. Альтернативные варианты отсутство-

вали.

– Господа офицеры, мы имеем приказ главкома прорваться по тылам противника к Перекопу, – Витковский перешёл к кульминационной части совещания. – Приказ, однако, ставился без учёта той обстановки, которую мы обнаружили на месте. От каждого из вас жду соображение относительно реальности выполнения задачи. Подумайте, прежде говорить.

Игнорируя очевидные трудности, военный совет единодушно пришёл к решению идти до конца. Репутация дроздовцев к тому обязывала.

– Наступление назначаю на пять утра, – после того как была достигнута определённость, тон начдива вновь сделался будничным, словно речь шла о рутине. – Подъём соответственно в четыре.

4
03 апреля 1920 года Порт Хорлы – село Адамань

Подъём случился раньше, и не по команде дневального. Из коек выдернула заполóшная пулемётная трескотня. За перешейком серьёзный бой закипал.

Натягивая за узкие голенища сапоги, Туркул хрипло собачился в потёмках:

– Ай, да «товарищи»! Мать-перемать! На ночную атаку, мать-перемать, решились!

Азартная ругань в адрес нахрапистого врага в его устах была сродни комплименту.

Первый полк строился возле церкви. Ночь выдалась по-южному слепой, в чернильном небе ни звёздочки. На тесной площади – многоногий топот, толчея, отрывистые приказания, глухая брань, увесистый стук прикладов.

Туркул, затянутый ремнями портупеи, на плече – винтовка с примкнутым штыком, курил, пряча в кулаке багровый огонёк папиросы. Подгонять ротных нужды не было.

Оп! Пальба сделалась громче, бой явно приближался к посёлку.

– Капитан Тихменёв! – гаркнул вправо полковник.

– Я! – батальонный откликнулся с противоположного

фланга.

– Наши отходят. Выдвиньтесь на ров. Подоприте Ханыкова. Я скоро буду.

Тихменёв, оправдывая фамилию, которой его наградили родители, был некриклив даже в адреналиновой ситуации. Команды, отдаваемые им, звучали деликатно:

– Нале-во. Правое плечо вперёд. Шагом арш.

Третий батальон, пороху накануне не нюхавший, двинул на север.

– Ши-ирре шаг! – Тихменёв задействовал командный рык, возникла нужда ускориться.

На площади появились новые силуэты. В одном миниатюрном голос выдал генерала Витковского:

– Полковник Туркул, справитесь?

– Так точно, ваше превосходительство.

Оба понимали толк в ночных атаках. Эффект от них – мизерный. Противник также незряч, как ты, и также уязвим. Главное, не дать вспыхнуть панике в своих рядах, не дрогнуть. Отступать некуда, позади узкая песчаная коса, за ней – бездонное море. От кораблей помощи не жди, они далече. Не устоишь на берегу, перетопят, как новорожденных котят.

Оставленный в резерве полк Харжевского построился в колонну на центральной аллее сада.

Защита перешейка была доверена батальону Ханыкова. На ночь подполковник оставил на буграх две роты. Редкой цепочкой растянулись «дрозды» вдоль позиции.

Удар достался пятой роте, державшей правый фланг. Шквальный пулемётный огонь выкосил половину обороняющихся, красные броском проломили центр. Поручик Дауэ, командир соседней шестой роты, попытался заткнуть брешь, но обнаружил, что противник без помех распространяется в тыл вдоль берега.

Дауэ оттянул людей ко рву, осаживая нападавших ружейной пальбой. Оторваться не удалось, и ротный с десятком стрелков оказался отрезанным от своих. Замесилась рукопашная! Лупили из винтовок, из наганов в упор. Вспышки выстрелов вырывали из тьмы искажённые злобой лица. Свои ли, чужие ли, как понять, если с обеих сторон кипел отборный русский мат? Красных было больше, дроздовцев перекололи. Ротному Дауэ пропороли штыком бок, он ткнулся ничком, прикладом ему добавили промеж лопаток.

И тут плотоядный гомон сшибки погасила музыка. Она плыла с полуострова. С бравурным егерским маршем к «дроздам» поспешала помощь.

Бодренькое «пам-парам-пам-пам», абсолютно чужеродное на поле смерти, вызвало оторопь у атакующих. Заминка спасла жизнь Борису Дауэ. Его забросил на плечо фельдфебель роты и, шатаясь от тяжести, уволок за ров.

Там занимал позицию подоспевший батальон капитана Тихменёва. Растерзанные остатки пятой и шестой рот укрылись за его спиной. Бойцы Тихменёва дали залп, отрезвивший охваченного яростью врага.

На материк одна за другой бешено выносились артиллерийские запряжки белых. Орудия стали на позициях и тут же открыли огонь. Из стволов извергались слепящие языки пламени. Снаряды, судя по грохоту разрывов, рвались в версте, не далее. Там должны были находиться вторая и третья линии наступающих.

Красные не угомонились и после этой взбучки. Ещё одну сильную атаку они произвели, и вновь были с потерями отбиты. С обеих сторон неистовствовали пулемёты, вразнобой гвоздили винтовки. В итоге, отчаявшись сломить оборону «дроздов», большевики отползли за бугры. Их артиллерия продолжила крыть по посёлку.

Сажа небес посерела в канун рассвета. Темень, перестав быть кромешной, дала возможность своих убитых от чужих отличить.

Командир пеших разведчиков поручик Годлевский привычно обшарил вражеские трупы – те, что поближе валялись. Подсвечивая фонариком, пролистал тощие красноармейские книжки.

– Чего интересного, Григорий Николаевич? – Туркул был рядом, он взял за правило в бою держать разведчиков под рукой.

– Все четыреста тринадцатого стрелкового полка, господин полковник.

– Лихие ребята! Жаль, живыми не дались. Я бы их обратил в нашу веру. Как мыслишь, Гриша?!

Годлевский раздумчиво пожал плечищами. Наморщился, растёр ладонью ляжку, утешая занывшую рану, памятку о январской дра́чке за хутор Усть-Койсугский.

Отдых перед наступлением накрылся медным тазом. Вместо него – жестокий бой и подсчёт новых потерь. Из второго батальона выбыло шесть десятков бойцов.

– Будто по норме! Вчера столько же сминусовали! – сокрушался Туркул.

Ещё на пару бывалых ротных стало меньше. Серьёзно ранены поручики Дауэ и Гудков. Большой вопрос, выживут ли?

Назначенная на пять утра атака отложена. Надо перевести дух. Однако и тянуть негоже. Нельзя дать красным очухаться. Они в более выгодном положении, к ним могут прийти подкрепления.

Уважительную причину для отсрочки дала радиограмма, поступившая из Севастополя. Расшифровка потребовала времени.

И тут опять вышло криво. Раскодировать удалось лишь половину цифр. Обрывок текста дал понять, что директивы изменились. Но в какую сторону?

К девяти утра дроздовцы приняли новое сообщение по радио. Теперь шифр был проще, поддался. Дивизия получила приказ наступать на Преображенку, где войти в связь и подчинение Перекопской группе генерала Слащова.

С трудом сдерживая досаду по потерянному времени, Витковский велел войскам собраться у сада.

«Буду жив, разберусь с радиотелеграфистом, – отфиксировал в памяти генерал. – Всё-таки недоучка. И возьмём за правило – иметь в команде связи минимум двух специалистов по азбуке Морзе».

* * *

Задачу отбросить противника на север и обеспечить дебуширование [90] остального десанта получил полк Харжевского. Ему было придано орудие, у которого на позиции обнаружился недуг в виде заедающего затвора. Замковому [91] пришлось срочно вооружиться лопатой, с чьей помощью он и открывал пушку после каждого выстрела.

Полк Туркула с четырьмя орудиями и штадив составили колонну, которая пойдёт на село Адамань.

Пропустив главные силы, второй полк должен будет свернуться и образовать арьергард.

На случай неуспеха прорыва для удержания порта оставлены артиллеристы под командой полковника Шеина. Какое сопротивление они способны оказать врагу, если их пушка осталась на пароходе, малопонятно. По всей видимости, расчёт делался на малый шанс неблагоприятного сценария да на искушённость Шеина. Александр Аристинович – старый

[90] Выступление войск из теснины на широкое место, позволяющее развернуться в боевой порядок.

[91] Замковый – второй номер орудийного расчёта.

вояка, как-нибудь выкрутится!

Эскадра стояла на рейде. Из-за мелководья помочь «дроздам» корабли не имели возможности.

Каперанг Федяевский на мостике подводил предварительные итоги операции:

– Поддержка пехоты огнём судовой артиллерии вышла неэффективной. Вместо миноносца целесообразно было включить в отряд канонерские лодки.

– Согласен, Иван Константинович, – вахтенный офицер одобрил выводы. – Вот только располагает ли таковыми наш доблестный флот?

Один из катеров ходил в море хоронить убитых. Скорбная процедура прошла в упрощённом виде. Отпевание заменила краткая молитва «Со святыми упокой». В брезент из уважения к капитанской должности зашили лишь тело мичмана Ковалевского. Прощальных залпов не давали. Ограничились приспущенным флагом. Один за другим трупы с привязанным к ногам грузом отправились в глубоководную «могилу» с доски, наклонно положенной на фа́льшборт [92].

Когда дроздовцы начали перебежками процеживаться сквозь «игольное ушко» перешейка, забу́хали вражеские пушки. Но стоило белым накопиться на буграх, как батарея противника снялась. Исчезли также их конные, до этого маячившие в степи. Ночной урок не прошёл для «товарищей» даром.

---

[92] Фальшборт – ограждение по краям наружной палубы судна.

Полк Харжевского оседлал курганы, а главная колонна устремилась к Адамани. Все, включая полковника Туркула, шли пешком. Чёрный юркий «форд» с начдивом катил в авангарде, задавая темп.

Конные разведчики, тащившие сёдла на горбах, получили добро на реквизицию лошадей в попутных хуторах и зимовниках. Отъём имущества у мирного населения был запрещён главкомом Врангелем под страхом расстрела. Однако самое строгое правило знает исключения. Крайняя необходимость – одно из них. Таким макаром удалось организовать три конных дозора, стрелами улетевших вперёд.

Восемнадцать вёрст колонна проделала без выстрела. Противник не докучал. Главную трудность представляла поклажа. Навьюченные тяжестями люди истекали пото́м под лучами взобравшегося в зенит светила. Черепашья скорость сулила проблемы. Не сейчас, так скоро.

Авангард начал втягиваться в село, хвать, на другой окраине обнаружился сюрприз – конница противника. Генерал Витковский затребовал артиллерию, та не заставила себя ждать.

Хватило нескольких выстрелов, чтобы рассеять красноармейцев. Их было до полусотни.

Батальон капитана Тихменёва двинул через Адамань. Остальная колонна, ускоряя шаг, пошла в обход.

Туркул присмотрел удобную позицию на карте:

– Высота «семь-шесть». Занимаем!

В это время с юга объявилась новая колонна врага, судя по скорости приближения, конная. Из арьергарда по ней открыли пулемётный огонь. Всадники, уходя от стычки, шарахнулись вправо. Через несколько минут оптика позволила определить, что это батарея, сопровождаемая кавалеристами.

Туркул воспламенился идеей сорвать «банк». Роту, достигшую северной окраины села, он увлёк на перехват. Стрелки́, забыв об усталости, рванули бегом. Пешие набрались наглости сцапать конных.

Дерзкий замысел Туркула поддержал артиллерист Чеснаков. Собрав конных разведчиков, он устремился в погоню. К его ватаге примкнул моторизованный начдив. Подпрыгивая на заднем сиденье разогнавшегося автомобиля, генерал Витковский готовил к бою ручной пулемёт.

Пушки «дроздов» карьером взлетели на высоту «семьшесть» и с неё влупили вдогон удирающей батарее. Обстреливаемые с двух сторон, отрезаемые бегущей по кратчайшему вектору пехотой, красные, запаниковав, стали бросать орудия.

Прислуга пыталась спастись на пулемётных тачанках и обозных повозках. Уйти удалось самым проворным.

Трофеями белогвардейцев стали четыре орудия с запряжками, десять пулемётов, несколько подвод, чёртова дюжина верховых лошадей и тридцать пленных. РККА [93] лишилась второй эстонской батареи. Оказалось, это с ней дроздовцы

[93] РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия.

дрались три дня кряду. Старые знакомые!

Распалённые погоней стрелки́ прикладами сгоняли пленников в гурт.

– Не бить! Они сдались! – хрипло рявкнул Туркул, косясь на остановившийся поблизости «форд» начальника дивизии.

Генерал переложил с колен на сиденье непригодившийся «льюис». Покривился, обнаружив на брюках масляное пятно. Выдернул из кармана платок. Да разве ружейное масло на сухую поддастся?

– Бензинчику организуй их превосходительству! – Туркул, распираемый весельем, крикнул шофёру.

Бескровная победа, богатые трофеи взметнули настроение вверх. Мир наполнился ароматами и мелодичными звуками. Оказывается, степь пестрела цветами, а в небе высвистывали пичуги.

В Адамани устроили большой привал. Здесь Туркул обзавёлся конём, рослым и флегматичным. Ломать голову над оригинальной кличкой времени не было. Нарёк непритязательно, по масти – Гнедой. Оглаживая широкий круп коня, полковник вздохнул по брошенной в Новороссийске чистокровной Гальке. Перед глазами встали белые чулочки на точёных ногах кобылицы, белая звезда во лбу…

Рефлексия длилась секунду, дела не ждали. На хутор, что виднелся в полуверсте, Туркул выслал сторожёвку. Не усидев, поскакал туда сам, заодно приучая Гнедого к новому се-

доку.

Из хутора полковник наблюдал в цейс за отходом пехоты красных. Хотелось надеяться, что враг не вернётся.

После отдыха было продолжено движение на Преображенку, за которой находилась конечная цель рейда – Перекоп.

Вдалеке были различимы разрывы снарядов. Расстояние скрало их грохот. Артиллеристы по буссоли [94] определили, что бой идёт на самом валу. В связи с этим возник вопрос – в чьих руках укрепление.

Дорога вывела к огороженному скотному двору. Окрест него рыскали конные дозоры. Вскоре по всему гребню обозначилась лава. Жидкая, она не внушила дроздовцам опасений.

Минуло ещё четверть часа, и конницы на буграх прибыло. Пара колонн жирными гусеницами поползла на запад. Другой отряд отправился на рысях к Адамани.

Маневры красных выдавали их замысел – взять пехоту противника в клещи и порубить на марше.

Оставив батальон Тихменёва для защиты села, Туркул велел офицерской роте, командам разведчиков и пулемётчиков занять Александровку. Её дома и постройки, став импровизированными укреплениями, должны были лишить кавалерию преимуществ открытой местности. Немецкая

---

[94] Буссоль – артиллерийский прибор, применяемый для наблюдения и разведки.

колония лежала на скате, рельеф для обороны оказался неудобным.

Советская конница скопилась в районе хуторов, откуда повела широкое наступление. Впереди валила густая лава с пулемётными тачанками, её подпирали колонны разной силы. При этом большие массы кавалерии оставались в резерве.

Поле взвихрилось пылью. Туркул приказал не стрелять до команды. Косые столбы пыли быстро приближались, в них стали видны проблески вскинутых шашек. Топот многих сотен копыт нарастал, устрашающе гудела земля.

«Дрозды» открыли огонь шагов с семисот. Подпустить ближе не хватило нервов. Кавалеристы грамотно отхлынули назад, давая простор для стрельбы тачанкам. Десятки пулемётов влупили разом по Александровке. Конница, подчинённая воле думающего начальника, запылила в обход и вскоре пропала из поля зрения.

Красные настроились на серьёзную драку. Из-за хуторов начала работать гаубичная батарея.

Минуты хватило полковнику Чеснакову для подсчёта стволов.

– Шесть орудий, однако!

Гаубицы шара́шили и по Александровке, и по Адамани.

Бой вёл полк Туркула. Полк Харжевского стерёг дорогу к Хорлам. Затяжная пулемётная дуэль разрешилась в пользу белых. Тачанки одна за другой стали покидать сферу дей-

ствительного огня.

Зато не унималась артиллерия большевиков, количество пушек у атакующих удвоилось. Недостатка в огнеприпасах они не знали. Иная ситуация у дроздовцев. Их орудия стреляли всё реже. Они бы замолчали вовсе, если бы не трофеи. Захваченные снаряды пригодились крайне.

В сумерках белые обнаружили конницу противника на подходе к Хорлам. Вот где она вынырнула, в тылу. Капкан защёлкнулся.

Стрельба продолжалась до полной темноты. Генерал Витковский отдал приказ отойти к Адамани, оставив в колонии сильную заставу.

Памятуя о прошлой ночи, «дрозды» готовились к отражению атаки. Оборона была занята круговая. Полк Туркула ощерился стволами на восток и север, полк Харжевского – на запад и юг.

Грозная обстановка заставила отбросить игры в добрячков. В селении были реквизированы все наличные подводы.

Очередная попытка войти в связь с генералом Слащовым потерпела фиаско. Проклятая радиостанция отказывалась работать.

Подъём был назначен на два часа ночи.

– Марш совершаем в темноте, чтобы к рассвету подойти к Преображенке, – голос Витковского звучал тускло, энергия для выражения эмоций иссякла. – Берём Преображенку, оттуда связываемся с Перекопской группой. Как с огнеприпа-

сами, господа?

– У моих только личный запас, – прохрипел Туркул.

– У меня получше, – ясноглазый Харжевский выглядел свежее, его полку сегодня досталось меньше.

– Поделиґ есь с первым полком. Николай Владимирович, что со снарядами?

– На исходе, – артиллерист Чеснаков встряхнулся, отгоняя липкую дремоту.

– Надо напрячься, господа. Всего двенадцать вёрст осталось. И будет нам тыл, отдых и слава.

Офицеры выразили согласие в крайне невнятной форме. Переутомление лишило их дара речи. На этом разошлись. Каждому предстояло раздать ворох приказаний и проконтролировать их выполнение. Сделать это следовало в ударном темпе, чтобы выкроить хотя бы пару часиков для сна. У самого выносливого человека запас сил не резиновый.

Рейд, рассчитанный на одни сутки, растянулся уже на четвёртые. Грядущий день обещал стать решающим. Как никогда реально звучал пафосный девиз: «Победа или смерть!» В условиях полного окружения, необеспечения боеприпасами и провизией спасение виделось в одном.

В стремительном прорыве к своим.

* * *

После ухода дроздовцев из Хорлов отряд каперанга Фе-

дяевского направился в Севастополь. Помочь десанту моряки не могли. Маловодный залив, вдоль которого предстояло с жестоким боем пробиваться пехоте, был недоступен даже катерам.

Днём флотилия подверглась атаке с воздуха. Зенитные орудия на судах отсутствовали, но красный авиатор об этом не ведал и потому взобрался на максимальную высоту. Соображения безопасности повлияли на точность бомбометания. Сброшенные бомбы упали вдали от кораблей, вздыбив столбики воды – пенные и нестрашные.

За удачно произведённую высадку десанта морской отряд удостоился благодарности главкома Врангеля. При поднятии сигнала флагами на «Цесаревиче Георгии» случился инцидент. Сигнальщик-кадет, набирая флаги, вместо нужного вставил другой, придавший комбинации хулиганский смысл. От капитанского разноса недоучку спас коллега с «Весты», вовремя заметивший ошибку. В матросских историях конфуз остался в качестве анекдота.

5
04 апреля 1920 года
Село Адамань – село Преображенка – Перекопский вал

Вытянутые походной колонной батальоны Туркула сорок долгих минут томились в ожидании второго полка, назначенного в авангард. Глумны́е от недосыпа и накопившейся усталости люди не роптали. Стоять им казалось проще, чем ломить невесть куда в глухую ночь. Самые наторелые умудрялись кемарить, опершись на винтовки.

Когда, наконец, дыша, как загнанные, притопали опоздавшие роты, начдив Витковский, опознав по смутному конному силуэту Харжевского, погрозил ему пальцем. Полковник виновато приложил ладонь к груди.

Выговаривать и тем более разбираться времени не имелось. Надо было во все лопатки навёрстывать упущенное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.